

Колос

6
ИЮНЬ
1971

Костёр

6

И Ю Н Ъ

1971

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

„Зеленые, синие, белые—
сходились друг другу в масть.
Но мы отстаили, товарищ,
нашу Советскую власть.

6

„Пионерский километр“ — это...

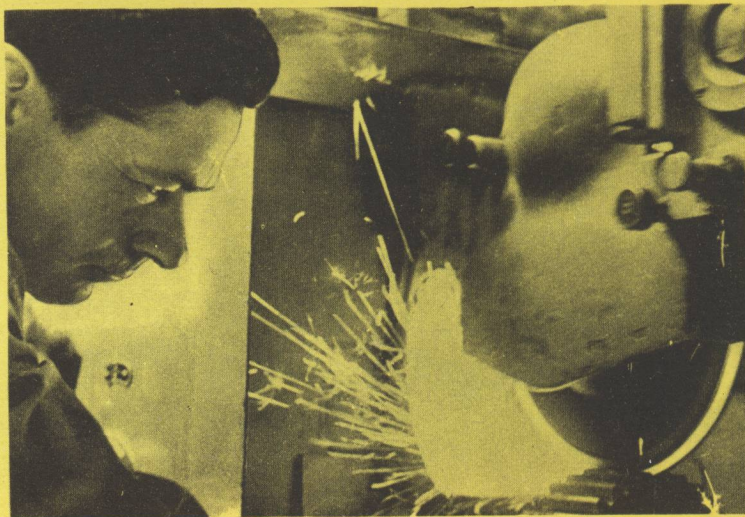
18

— Хорошая сабля. Только гнется.
Потому что из алюминия.

28

„Вот так прозвище русское!“
„Вот так имя болгарское!“

36

РАБОЧИЙ — ЗВУЧИТ ГОРДО

На знаменитом Кировском заводе вот уже тридцать первый год работает Евгений Иванович Лебедев. В Ленинграде хорошо знают Евгения Ивановича и за высокое мастерство называют «профессором шлифовки». А в дни, когда в Кремлевском Дворце съездов работал XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, шлифовщика с Кировского завода узнала вся страна.

Сегодня член ЦК КПСС Е. И. Лебедев в гостях у «Костра».

— Нет в нашей жизни такой вещи, к которой не прикоснулась бы рука рабочего. Спутники и подводные лодки, космические корабли и тракторы, конфеты и костюмы — во все вложен труд токаря и сварщика, кондитера и сборщика, швеи и столяра. И все мы связаны тем, что делаем одно общее дело: строим нашу жизнь, чтобы она была лучше, краше.

Я обрабатываю шестерни для трактора «Кировец». Без моих шестерен ни один трактор не сдвинется с места. А наши тракторы пахут поля, на которых колхозники выращивают хлеб. Я обработаю больше шестерен, мой сосед сделает больше других деталей — значит, и тракторов будет больше, и труд колхозников облегчится, и хлеб, который они вырастят, будет не только вкусней, но и дешевле. Вот как много зависит от рабочего человека.

На многих заводах сейчас проводятся конкурсы молодых токарей, фрезеровщиков, слесарей. Замечательно проходят конкурсы! Но вот беда: закончатся, а победителей не отличить от побежденных. По-моему, это не дело. Может быть, установить такое звание — лауреат конкурса токарей? Фрезеровщиков? Шлифовщиков? Сборщиков?

У нас в стране для деятелей науки, культуры, искус-

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЭМЫ

ства, для врачей, учителей установлены почетные звания. Это правильно. Но не настала ли пора и для рабочих установить соответствующие звания? Как бы здорово звучало: «Заслуженный рабочий республики»!

Об этом я говорил, выступая на XXIV съезде.

На съезде меня избрали в комиссию, которая рассматривала дополнения к проекту Директив по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства Советского Союза. Председательствовал Алексей Николаевич Косыгин, работали мы в одном из залов Кремлевского Дворца съездов. Нам предстояло внести в окончательный текст Директив поправки и уточнения, сделанные делегатами. Появилась в Директивах и моя строчка: «...Всемерно укреплять трудовую дисциплину. Принять меры к сокращению текучести кадров». То есть речь о том, чтобы поменьше работников переходило с одного завода на другой, с одной фабрики на соседнюю.

В те дни в киноконцертном зале «Октябрь» нам, делегатам, показали документальный фильм «Поэма о рабочем классе».

Катили по экрану первые советские тракторы, которые в двадцатые годы назывались «фордзонами-путиловцами». Штурмовал льды Арктики вездеход «Пингвин». Рождался турбоагрегат для первого в мире атомохода «Ленин», а потом двинулись тракторы «К-700».

Это была история нашего завода, но одновременно и история страны, — история, которую своим трудом создавали мои товарищи — Промаховы, Говорушины, Климовы, Титовы — представители многих рабочих династий.

Вместе с ними я каждое утро иду на свой завод, в свой цех. Становлюсь к своим шлифовальным станкам — их у меня четыре. Скоро прибавится еще два, буду обслуживать шесть станков, и, значит, как бы сэкономлю целый рабочий день в неделю. Радует, что этот наш призыв: «Пятидневное задание — за четыре дня!» уже поддержали тысячи рабочих. Значит, и девятую пятилетку выполним досрочно. Это будет нашим взносом в выполнение решений и Директив XXIV съезда партии.

«Нам присвоили имя героя, а мы о нем ничего не слышали...» «Дорогие редакторы! Наша учительница Ирина Петровна два раза ездила в город, в библиотеку, чтобы узнать о человеке, имя которого получил отряд. Расскажите нам хоть что-нибудь о нем», «Пришлите, пожалуйста, портрет героя, чье имя стала носить дружина...»

Ложатся такие письма на редакционный стол. Думаешь о просьбах ребят и — становится грустно.

Звено или отряд пионеров решили носить имя героя. А знают о нем мало или даже ничего не знают. Рассчитывают только на помощь учителей, редакции...

Правильно ли это?

Мы расскажем об одном школьном музее, о его создателях — ваших ровесниках, пионерах. Пусть наш рассказ послужит ответом на эти вопросы.

Мы — чистяковцы

129-я школа Калининского района Ленинграда...

Пионерская дружина школы — дружина имени героя-пулеметчика Федора Чистякова. Когда присвоено ей это имя? Что значит чистяковец?

Говорят ученики 129-й школы:

Боря Макаров:

— Наша дружина носит имя пулеметчика, героя Великой Отечественной войны Феди Чистякова.

Я горжусь этим. Уверен, что Федор совершал бы и трудовые подвиги, если бы не было войны или бы он остался жив...

Надя Яковлева:

— Очень хотелось познакомиться с родным таким человеком. Мы узнали, что они живут в Ленинградской области и съездили к ним.

Марина Сперанская:

— Мы часто бываем в Сестрорецке. Там живет мать Феди — Любовь Николаевна Чистякова, его сестры. Мы побывали в цеху, где работал Федя, пригласили в школу мастера, который учил Федю слесарному делу.

Сергея Николаев:

— Федор был честным, смелым человеком. На заводе имени Воскова в Сестрорецке его до сих пор вспоминают добрым словом. Мы

рады, что нас называют чистяковцами. Мы хотим быть похожими на Федю!

Володя Афанасьев:

— Как любили Федю в полку! Он был отличным товарищем.

Андрей Ашин:

— Нам подарили старые номера газеты «На разгром врага». В газете есть портрет Феде в тот момент, когда ему вручают орден Ленина.

Ира Волкова:

— Хотим, чтобы все, кто приходит и еще придет в наш музей, полюбили нашего Федю.

Все это ребята разузнали во время поездки к матери героя, во время походов по местам героических боев 44-й бригады, из рассказов однополчан Феде. Чистяковцы 129-й школы — неутомимые следопыты.

Как все начиналось...

Десять лет назад, вспоминая о людях, с которыми довелось встречаться в жизни, поэт Михаил Светлов написал в «Комсомольской правде» и о Феде Чистякове, рабочем парнишке, комсомольце из Сестрорецка.

Михаил Светлов познакомился с Федей на фронте в июне 1942 года вскоре после боя, где бесстрашный пулеметчик шесть часов подряд сдерживал натиск батальона гитлеровцев.

В «Песне о дружбе», посвященной 44-й бригаде, Михаил Светлов писал:

*И питерский слесарь —
наш друг Чистяков —
Прилег за «максимом» своим,
И зарево новых победных боев
Уже полыхает над ним.*

Ребятам запомнились эти светловские строки.

В школе ходил по рукам журнал с документальной повестью о Феде, любимце 44-й бригады, о его боевых друзьях. С портрета смотрел совсем молодой солдат — в кубанке со звездочкой, с орденом Ленина на гимнастерке... Ровесник сегодняшних комсомольцев.

Из этой повести военного корреспондента Б. Бялика ребята узнали о знаменитом бое...

Федор Чистяков, 1942 год

Батальон Василия Славнова (Федя был у него связным) получил приказ оборонять несколько населенных пунктов. Оборону заняли вдоль речки Каменки. Людей в батальоне оставалось мало. По раскисшим в оттепель дорогам невозможно было подвезти боеприпасы и продовольствие. Главной огневой силой в деревне Астрилово был «максим», собранный из частей. «Максим» молчал. Комбат Славнов приказал Феде узнать, в чем дело. Федя добрался до «максима». Неисправность удалось устранить, но возвращаться было поздно. Фашисты пошли в атаку. Через амбразуру стали отчетливо видны цепи гитлеровцев.

Федя принял решение: вытащив пулемет на крышу блиндажа, он открыл огонь по врагу. Горсточка бойцов при поддержке «максима» остановила наступление противника на этом участке фронта.

Ребятам захотелось как можно больше узнать о Феде. Усилило их решимость пожелание автора повести: «Как хорошо было бы, если бы о жизни Феде до фронта, в Сестрорецке, рассказали его мать, Любовь Николаевна Чистякова, сестры, товарищи по заводу. О боевом пути — фронтовые друзья».

Федя работал слесарем

Во время весенних каникул следопыты отправились в Сестрорецк.

Семью Чистяковых на заводе хорошо знали.

Михаил Светлов на Ленинградском фронте, 1942 год (в центре)

Оказалось, что здесь работали дедушка, бабушка, отец и мать Феди, его сестры. Все — потомственные оружейники!

Инструментальный завод имени Воскова до революции назывался Сестрорецким оружейным. Здесь делались винтовки и пулеметы.

Следопыты узнали, что отец Феди — Федор Тимофеевич в гражданскую был пулеметчиком, часто рассказывал сыну о боях за революцию. Ребята с волнением записали в свои блокноты отцовское напутствие Феде 22 июня 1941 года: «Я тебе и фамилию свою дал и имя. Не осрами. Умирать буду, подумаю: остался другой Федор Чистяков, не хуже меня».

Отец Феди проработал фрезеровщиком тридцать шесть лет и умер у своего станка в блокадном январе 1942 года. Он не узнал о подвиге сына...

Через некоторое время ребята приехали на завод второй раз. В этот приезд они слышали рассказы матери Феди, прочли воспоминания его школьного друга известного спортсмена Всеволода Боброва.

Любовь Николаевна пригласила ребят к себе домой, на Ленинградскую, 19. Здесь Федя родился, отсюда пошел на завод. Рабочим он стал после четвертого класса. Надо было помогать семье. Семья большая — пять сестер.

Ребята сфотографировали рабочее место Феди, его станок, березку, которая хорошо была видна ему из окна цеха...

Мама Феди написала несколько слов для будущего школьного музея:

«Дорогие ребята! Октябрята, пионеры, комсомолцы 129-й школы! Будьте такими, как наш Федя. Его мама».

Футболист Всеволод Бобров, в довоенные годы просто Сева, — одноклассник и сосед Феди по дому. Мальчики играли в одной футбольной сборной Сестрорецка...

В школьном музее 129-й школы

Всеволод Бобров вспоминает: «С Федей никогда не было скучно. Затеи его были неожиданны и интересны. Даже то, что многие считали простым озорством, оказывалось закалкой воли и смелости. Он был необыкновенно отважным вратарем, не боявшимся никаких мячей. Он стоял, что называется, насмерть...»

Дорогами боевой славы

Ребята побывали на местах боев 44-й бригады.

Маршруты походов им помог разработать бывший командир батальона Василий Поликарпович Славнов, с которым ребята тоже повидались и быстро подружились. Бывший комбат живет в Москве.

Василий Поликарпович познакомил ребят с бойцами своей бригады. Разведчик Павел Некрасов теперь почетный пионер отряда. Другой отряд переписывается с медсестрой Анной Неженцевой.

«Дорожить званием чистя-

Следопыты-чистяковцы на месте бывших боев 44-й бригады, 1969 год

ковца!» — под таким девизом прошел поход летом 1969 года. Ребята побывали в Астрилове, на месте июньского боя, в разрушенном теперь блиндаже, откуда вел огонь «максим». Они посадили цветы на могиле Феде в деревне Самбатово Новгородской области.

Имя Чистякова навечно занесено в списки пулеметной роты и первым называется на вечерней поверке.

Необыкновенная поэма продолжается!

В марте 1965 года дружине было присвоено имя Федора Чистякова. К 20-летию победы

Рисунок ученика 129-й школы Володи Афанасьева
«Федор Чистяков ведет огонь по врагу»

Федя погиб в ноябре 1942 года, грудью закрыв товарища от вражеской пули. Спасти Федю не удалось, ранение было слишком тяжелым...

Теперь нет чистяковца, который не знал бы стихов Михаила Светлова:

*Забить я не хочу и не могу:
С тобой брожу по северным болотам,
И вижу снова я, как по врагу
Мальчишка русский водит
пулеметом.*

*...
Мой пулеметчик Федя Чистяков,
Мой мальчик дорогой, тебя я помню!
Помню!*

Михаил Светлов не дописал поэму о Феде. Но ребята знают, что когда во время болезни поэта его навещали друзья, он говорил: «Пишу стихи о Феде...»

над фашистской Германией в школе был открыт музей имени Феде Чистякова. В этот день приехали сестры Феде, его мама, рабочие завода Воскова, шефы с завода, однополчане Феде по 44-й бригаде.

... Ежегодно 12 апреля, в день рождения Феде, на торжественное построение знаменосцы выносят два знамени. Одно, с портретом Феде, вручено ребятам комсомольцами и коммунистами завода Воскова, Федеиногo завода.

Ветераны войны, Федеины однополчане, всегда приезжают в этот день почтить память товарища. Они — дорогие гости школы.

Любовь Николаевна Чистякова принимает рапорт пионеров об успехах в учебе, о трудовых делах, о награждении ребят значком «чистяковец». Все в этой школе помнят слова Федеиной мамы: «Будьте такими, как наш Федя!»

И даже самые маленькие взволнованно отвечают: «Всегда готовы!»

Л. Пожидаева

Фотографии из музея имени Ф. Чистякова

Пели эту песню с огромным подъемом, — с чувством безграничной любви к своей Советской Родине, вкладывая в нее всю свою душу.

Видимо, это чувство и эта любовь к Родине навеяли мне позднее слова стихотворения «Разговор по душам».

Л. Пухляков

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Такое нельзя не вспомнить. Встань, девятнадцатый год!
Не армии, скажем прямо, — народы ведут поход!
Земля — по моря в окопах, на небе — ни огонька.
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Везде по земле железной железная шла страда...
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видели мы тогда.
Я всякую чертовщину на памяти разотру.
У нас побелели волосы на лютном таком ветру.
Нам крышей служило небо, как ворон, летела мгла,
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорий к морю, — нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какой не ел сатана!
Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг.
Мы столько хлебнули горя, что горе земли — пустяк!
И все-таки, все-таки, все-таки прошли сквозь огненный шквал.
Ты в гроб пойдешь — и заплачешь, что жизни такой не знал!
Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь,
На нас налетал ежечасно многоголовый зверь.
И всякая тля в долине на сердце вела обрез.
И это стало законом вечером, ночью и днем,
И мы поднимали снова винтовки наперевес,
И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем».
Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
Коль входит в историю славы единственная страна.
Ты видишь ее раздольный простор полей и лугов...
Но ненависть ставь сначала, а после веди любовь!
Проверьте по документам, которые не солгут, —
Невиданные однолюбы в такое время живут.
Их вытянула эпоха, им жизнь и смерть отдана.
Возьми это верное слово и выпей его до дна.
Стучи в наше сердце, ненависть! Всяк ненависть ошетины!
От нас шарахались волки, когда, мертвецы почти,
Тряслись по глухому снегу, отбив насмерть потроха.
Вот это я понимаю, а прочее — чепуха!
Враги прокричали: «Амба!»

«Полундра!» — сказали мы
И вот провели эпоху среди ненавистной тьмы.
Зеленые, синие, белые — сходились друг другу в масть,
Но мы отстояли, товарищ, нашу Советскую власть.

ПОД ВОДОЙ

РАССКАЗ

С. Сахарнов

Рисунки Т. Оболенской

Когда говорят о «мире безмолвия» — мире морских глубин — всегда вспоминают французского исследователя Жака Ива Кусто и его товарищей. Книги и фильмы о них известны всем.

К сожалению, мы мало знаем о своих соотечественниках, исследователях Голубого континента.

Уже несколько лет я дружу с учеными и водолазами лаборатории подводных исследований Ленинградского гидрометеоинститута.

Я сам тоже моряк и водолаз. Акванавты Немцев, Джус, Павлов, Игнатъев стали героями моего рассказа, а скоро будут и героями повести, которую я заканчиваю.

Писать о водолазах трудно. Попробуй, например, объяснить слово «декомпрессия». Напишешь, что это постепенное снижение давления, что без декомпрессии нельзя возвращать на землю людей, проживших долгое время под большим давлением на глубине — и ахнешь: не рассказ, а учебник для водолазов.

— А опускаться под воду легче? — спросили как-то меня.

Тоже трудно. В жизни легких путей вообще нет.

Автор

ЕСТЬ ГЛУБИНА!

Первым опустили вольер.

Это было громадное круглое сооружение, вроде циркового шатра, большой сетчатый цилиндр, который поддерживали на воде пустые бочки. Бочки затопили, и вольер погрузился.

Можно было начинать погружение дома.

От «Садко» отошли все буксиры. Дом был проверен, люки и горловины задраены.

Мы собрались у лебедки. Она стояла под навесом на берегу и была похожа на горбатого рыжего медведя.

Наступил торжественный момент.

Павлов подумал и сказал:

— Пошел!

Мне казалось, что он должен сказать речь по случаю первого погружения дома. Или разбить о лебедку бутылку, как это делают при спуске корабля.

Но он просто сказал: «Пошел!»

Завыли электромоторы, скрипнули шестерни. Лебедка ожила. Скрипнул и двинулся с места канат.

Я стоял метрах в десяти и смотрел, как он натягивается, ползет, исчезает внутри лебед-

ки. Она поглощала его. Большой барабан, вращаясь, наматывал канат, виток за витком.

Дом подрагивал, оседал, вода уже лизала площадку с поручнем.

Наконец исчезли выпуклая верхушка дома, площадка, поручень.

Когда «Садко» скрылся под водой, на поверхности высочили пузыри. Вода закипела. Белое пенное пятно постояло несколько минут и растаяло.

Лебедка застучала быстрее.

Канат, который выходил из воды и полз к лебедке, нес по воздуху красную тряпочку. Это была метка. Когда она подойдет к лебедке — будет стоп. Дом достигнет глубины ровно в десять метров.

— Стоп!

— Готово! — сказал Павлов.

С одного из буксиров спустили шлюпку. Она подошла к месту, где погрузился дом, повертелась и направилась к берегу. В шлюпке сидел Игнатъев.

— Пузырей нет! — сказал он. — Все в порядке. Есть глубина!

ТАМ КТО-ТО СИДИТ

За день до погружения дома Немцев привез матрасы. Замечательные матрасы из поролона с приборчиками для поглощения влаги. На таких матрасах акванавты будут не отдыхать, а блаженствовать.

Так сказал Павлов.

Посмотреть, как их будут распаковывать, собралось много народу.

Каждый матрас был запечатан.

Три пестрых пакета лежали у ног Павлова. Он достал перочинный нож и с хрустом вскрыл первый. Из пакета послышался писк.

Павлов вздрогнул.

— По-моему, там кто-то сидит, — сказал Марлен. Он с любопытством смотрел, как Павлов сдирает с матраса разноцветную бумагу.

Матрас развернулся, как удав, и лег на песок сияющим бело-голубым чудом.

Посреди матраса сидел и ошарашенно смотрел на нас котенок.

— Это еще что такое? — спросил Павлов.

Немцев пожал плечами.

— Может быть, его положили от мышей?

В каждом матрасе по коту?

Павлов удивленно посмотрел на него. Он вспорол оставшиеся два пакета, и гибкие блестящие матрасы выползли на свет.

Котов в них не было.

— Как ты сюда попала, киса? — пробормотал Немцев и взял котенка на руки.

— Случайно завернули, — сказал Павлов. — Улеся, дурак, на матрас, и все. Кто-нибудь поедет в Симферополь — отвезет.

— Не надо, кот пригодится, — сказал Марлен. — Я включаю его в программу биологических исследований.

КНИЖКА НА ТРОИХ

После выхода из дома нас должны были держать несколько дней в декомпрессионной камере.

— Такова жизнь, — сказал Павлов. — Любишь кататься...

— Соберите себе пакет, товарищ художник, — посоветовал Игнатъев. — Положите книжки, бумагу. А то сидеть трое суток в камере — скукота. Мы всё соберем и положим туда загодя.

Я так и сделал. Завернул в газету карандаши, бумагу, конверты. Положил книжку. Я долго думал, что лучше всего читать от скуки? И решил — про шпионов.

Конечно, шпионские книжки — это не литература, но ничего.

Одна шпионская книжка на троих не повредит.

НЕ ХОЧЕТ ТОНУТЬ

Провожать меня пошли на шлюпке Павлов и Марлен.

Мы выгребли на середину бухты, привязали шлюпку к буйку и стали надевать свои акваланги.

— Все взяли? — спросил Павлов. — А зубную щетку?

Я кивнул. Бросил в воду полиэтиленовый мешок и слез сам. Под водой мешок надулся. Я ухватился за него. Мешок вырвался и ракетой взвился прочь.

Я всплыл, поднял маску на лоб и пожаловался Павлову:

— Не хочет тонуть!

— И не захочет, — сказал Павлов.

Он полез под скамейку, достал оттуда сумочку с грузиками, положил в мешок грузик, снова завязал и бросил в воду.

Мешок плавно пошел на глубину, я едва успел схватить его.

Рядом прошумело — это прыгнули со шлюпки Павлов и Марлен.

Я опустил лицо. Подо мной колыхалось огромное белое пятно. Оно покачивалось и двоилось.

Это был «Садко».

В стороне смутно виднелся вольер.

Я опустился на верхнюю площадку дома, цепляясь за выпуклую стену, подобрался к иллюминатору.

Прямо на меня сквозь толстое стекло смотрел Немцев. Он смотрел на меня, беззвучно шевеля губами. Должно быть, разговаривал с Игнатьевым.

Сзади кто-то проплыл. Я обернулся — Павлов делал знаки: «Идем!» Мы нырнули под дом. Вот и вход. Павлов подтолкнул меня, я очутился внутри стальной трубы-тамбура.

В глаза ударил электрический свет, по стеклу маски покатались струйки воды. Кто-то подхватил меня под руки. Ноги нащупали ступеньку. Стоя в воде по пояс — голова и грудь в воздухе, — я снял маску, увидел Игнатьева и сказал:

— Привет!

Голос у меня оказался глухой, ватный.

Снизу меня толкали и дергали.

Я вылез из воды и, сев на лавочку, начал стаскивать с себя снаряжение. Мешок я положил на пол. Через белую пленку огоньком светила красная зубная щетка.

Вот я и в подводном доме!

В ПОДВОДНОМ ДОМЕ

У ног колыхалась жидкая прозрачная дверь. Собственно, никакой двери в тамбуре не было. Это была вода. Сжатый внутри дома воздух не давал ей подняться и залить дом.

Водяное зеркало расколосось. Показалась голова Павлова. Он спросил:

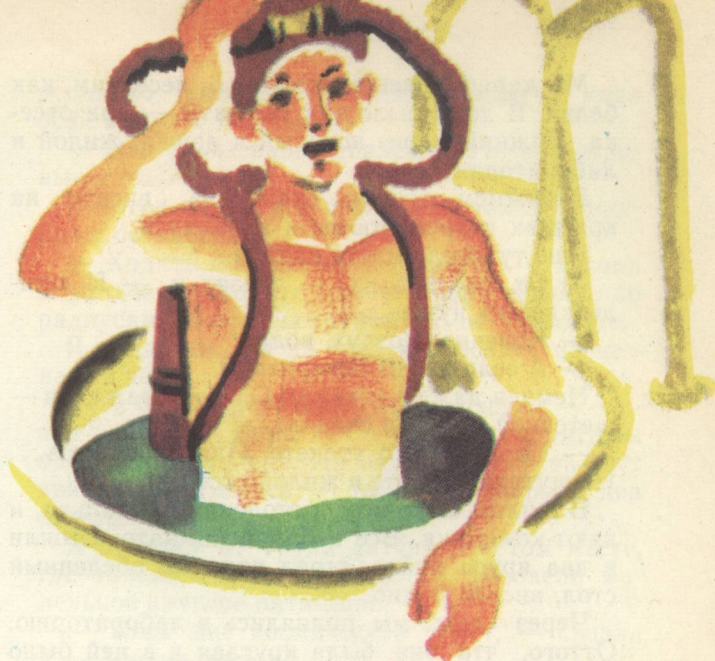
— Николай, всё в порядке?

— Всё.

— Тогда мы пошли.

И скрылся.

Я остался в доме.

ТУТ МОЖНО УДАРИТЬСЯ ГОЛОВОЙ

Первым делом Немцев показал мне помещения.

— Осторожно, — говорил он, — тут можно удариться коленом. Тут — головой.

Мы карабкались по железным лесенкам, как белки. В доме было три комнаты — три отсека. Нижний, через который я вошел, жилой и лаборатория.

В нижнем стояла скамеечка, висели на крючках гидрокостюмы и акваланги.

Еще тут было много кранов.

— Ох, сколько их! — сказал я. — И каждый небось нужен.

— Конечно. Воздух, вода.

— А если не тот повернешь?

Немец даже удивился. Он потрогал свои — щеточкой — усы и сказал:

— Скорее всего утонете. Или взорветесь... Не шутите. Идемте в жилой отсек.

В жилом было все: и столовая, и спальня, и кают-компания. Все в одной комнате. Стояли в два яруса койки, стоял круглый обеденный стол, висело радио.

Через люк мы поднялись в лабораторию. Оттого, что она была круглая и в ней было так много приборов, комната походила на кабину космического корабля.

Я облазил весь дом и почувствовал, что в нем чего-то не хватает.

Чего? И вдруг понял: кухни!

— Где же вы готовите пищу? — спросил я.

— Как, разве вы не видели? У нас есть шикарная плита с необыкновенной вентиляцией!

Меня повели снова в лабораторию. У стены стоял никелированный, с пластмассовыми ручками и кучей циферблатов прибор.

Вот так плита!

— Электрическая! — с гордостью сказал Немец. — Сюда ставите сковородку. Здесь устанавливаете температуру, здесь — время. Закрываете дверцу и через несколько минут гудок! Обед готов... Вы сколько дней пробудете с нами?

— Десять.

Он показал мне мою койку.

— Между прочим, — сказал Немец, — деликатный вопрос. Вы не храпите?

— А что?

— Должен предупредить. Здесь и без того повышенная нагрузка на нервы. Говорят, у американских гидронавтов был случай: один водолаз храпел, так другой чуть не выбросил его из дома.

— Что вы! Я сплю, как ангел.

Мы оба засмеялись.

ВОЛЬЕР

С берега нам позвонили по телефону — в вольер будут сажать рыб.

— Надо проверить сеть, — сказал Немец. — Пойдете со мной?

Мы вышли из дома.

Вольер висел неподалеку от «Садко». Он

парил, как воздушный шар, невесомый и раздутый. Снизу его держали якоря, вверх тянули поплавки. Их было много — целая гирлянда поплавков.

Мы подплыли к вольеру, нашли дверь, забрались внутрь.

Никаких повреждений сети не было.

Только мы выбрались из вольера, над нами появилось два темных пятна. Это спустились водолазы, они буксировали за собой прозрачные мешки. В них беспокойно металась рыба.

Водолазы подплыли ближе, Немец открыл дверь. Мешки затолкали внутрь и открыли. Пестрая стайка закружилась внутри вольера — вилохвостые ласточки-монашки, серебристые лобаны, зеленоватые, с черными копеечками на хвостах, ласкири...

Дверь закрыли, и один из водолазов похлопал меня по плечу. Через овальное стекло маски смотрели внимательные глаза Марлена.

Я показал ему большой палец.

Все в порядке!

Мы с Немецем вернулись в дом.

Там опять звонил телефон.

— Волнуются наверху, — мрачно сказал Игнатьев, положив трубку. — Как вы переносите пребывание на глубине? Приказали надеть вам комплект датчиков. Вы никогда не летали на космическом корабле? Сейчас получите представление.

ВИТОК ВОКРУГ ЗЕМЛИ

Меня усадили посреди лаборатории и стали обвешивать датчиками.

Они все были со шнурами и присосками, очень смешные: электрический шнур, на конце — присоска, внутри присоски — пластинка. Одну присоску мне прилепили напротив сердца, вторую — у самого горла, две или три — на спину, еще одну — к ребрам.

Я захихикал.

— Боюсь щекотки, — сказал я. — У вас холодные руки.

— Все, можете ходить, — сказал Немцев.

Я встал и сделал несколько шагов. Шнуры, извиваясь как змеи, потянулись за мной.

— Это космические датчики, такие надевают космонавтам, — объяснил Немцев. — Сейчас можно позвонить на берег и узнать, какая у вас температура.

Он снял трубку.

— Сообщите показания... Температура 36,9... Пульс 70... Дыхание нормальное... Все в порядке... А знаете: бывают датчики, которые прикрепляют к голове. Для этого надо обрить макушку.

— Нет уж, увольте, — сказал я. — С меня

довольно температуры 36,9. Обычно у меня 36,6. И пульс обычно 60.

— Это от высокого давления. Ничего—привыкнете.

Я хотел подойти к столу, запутался в шнурах и остановился.

— Ходить с ними надо умеючи, — сказал Игнатъев. — Ходите только взад и вперед, по радиусам. Не вальсируйте. И не прыгайте.

Я обиделся, сел на стул и просидел на нем целый час.

— С берега передают: можно снять, — сказал наконец Игнатъев. — Они говорят, вы идеальный пациент. Ни одной помехи за счет движений. Немцев — тот уже оборвал два шнура.

Я отлепил от груди датчик. На том месте, где только что была присоска, розовело маленькое круглое пятнышко.

— Тоже мне космический полет, — сказал я. — Час на стуле!

— Виток вокруг Земли! А есть кабель, с которым можно плавать. Поплывете, и все датчики — на вас. По кабелю показания передаются в дом. Это очень ценно: врачи все время знают, как чувствует себя водолаз.

— Радуюсь за врачей, — сказал я.

ПЕРВАЯ ПОДВОДНАЯ НОЧЬ

Вечером после чая я залез на свою койку, лег на знаменитый бело-голубой матрас и попытался уснуть.

С непривычки и от давления отчаянно колотилось сердце. Шумело в голове.

Над койкой к стене была приделана маленькая лампочка — ночник. Она была очень слабая, и волосок в ней светился не белым, а красным.

Я попробовал смотреть не мигая на лампочку и считать. Говорят, это лучший способ уснуть.

— Вам неудобно лежать наверху? — спросил Немцев. — Поменяемся?

— Нет, почему...

Я вертелся до полуночи. Внизу на столике стояли часы-будильник. Когда я засыпал, на них было десять минут первого.

Мне приснилось, что какие-то люди в черных водолазных

костюмах тащат под водой металлическую клетку. Они хотят поймать меня. Я плыву, судорожно перебирая ногами, но люди не отстают. Вот они подняли клетку, опустили. Удушливая темнота окружила меня. В черной воде белыми полосами светятся прутья. Я дергаю загубник, и в рот мне льется вязкая, как смола, вода.

Я вздрогнул и проснулся. Тускло горел ночник. Внизу на столе мерно тикали часы.

Ночь... Первая подводная ночь. Она тянулась бесконечно долго. Медленно, как стальной трос, который устало тащит из воды лебедка.

ГОЛОСА РЫБ

— Сегодня будем записывать рыб, — сказал Игнатьев. — Приедет Марлен.

Марлен появился сразу после завтрака. Не успели с берега позвонить, чтобы мы встречали, как около входного тамбура послышалось царапанье, вода забурлила и стал всплывать человек.

Серебряные пузыри, как тарелочки, всплывали вместе с ним.

Человек пробил головой пленку воды, сбил маску на лоб, вытащил изо рта загубник.

— Привет! — сказал Марлен, отдуваясь. — Ну, как у вас дела?

— Живем.

Он выбрался из воды и пошел вместе с Игнатьевым готовить аппаратуру.

Ничего особенного в этой аппаратуре не было: обыкновенные магнитофоны. Только у некоторых приставки — запись звука пером на длинную бумажную ленту.

Когда они все проверили и приготовили, Марлен сказал:

— Сделаем вот что. Мы остаемся в доме, а вы идите в вольер. Повесьте гидрофоны и ждите. По команде кормите рыб. Несколько раз придется их испугать. Запишем испуг. Говорят, пуганная рыба тоже издает крик. Ясно?

— Ясно.

Мы с Немцевым отправились в вольер. Мы тащили с собой два гидрофона, да еще у Немцева на голове был шлем с телефоном.

Мы плыли и тянули за собой три шнура.

Вот и вольер — весь как будто сотканный из паутины. Невесомый, прозрачный...

Мы заплыли в него, повесили гидрофоны, и Немцев стал ждать команд.

Видимо, раздалась команда. Немцев снял с пояса мешочек с кормом. Вывернул. Коричневое облачко повисло в воде, веселая рыба карусель закружилась вокруг.

Немцев не двигался.

Вот он бросился вперед. Рыбы порскнули в стороны.

Значит, была команда пугать!

И так несколько раз.

Плывя вдоль проводов, мы вернулись в дом.

В тамбуре я столкнулся с Марленом. Он что-то промычал в маску, похлопал меня по ноге и, оставляя за собой тучу пузырей, нырнул.

— Все нормально, — сказал Игнатьев, когда мы забрались к нему в лабораторию.

Он показал записи.

На бесконечных бумажных лентах дрожали извилистые коричневые линии — запись звуков, которые издавали рыбы во время еды.

В нескольких местах линии становились размашистыми и тревожными.

— Это вы пугали рыб.

— А магнитофонная запись?

Игнатьев включил магнитофон.

В лаборатории зашумело, забулькало. Послышалось чавканье и скрежет.

— Ничего себе улетают! За обе щеки! — сказал Немцев. — А где же испуг?

Сколько мы ни прислушивались — криков испуга услышать не смогли.

— Видно, у нас с вами не рыбий слух, — сказал я. — Недаром говорят: тихо, как под водой. А там, оказывается, шум!

КЕССОН

На другой день нам приказали встречать контейнер с каким-то особым грузом.

— Что в контейнере? — спросил Немцев.

— Увидите.

Его приволокли два водолаза. Они всплыли в тамбуре и вместе с ними всплыл круглый, похожий на высокую кастрюлю с крышкой контейнер.

Мы с Немцевым подхватили его и вытащили из воды. Водолазы, хрипя и булькая, ждали.

Немцев открыл крышку.

— Мяу!

На дне контейнера сидел кот. Водолазы довольно захрюкали.

— Все в порядке, жив! — сказал Немцев, и они без слов погрузились.

Котенок тряс головой и тер лапами уши.

— Что, давит? — спросил его Немцев и потащил котенка наверх, в жилой отсек.

— Я знаю, как его назвать, — сказал он Игнатьеву. — Есть водолазное имя — Кессон. Хорошо?

— Сойдет.

УТРО, ДЕНЬ И ВЕЧЕР

Каждый день несколько часов подряд мы записывали рыб.

Бумажные ленты ползли из приборов на пол.

Я брал в руки ленту и, не глядя на часы, знал, что там наверху — утро, день или вечер.

Утром рыбы просыпались и начинали шуметь, — записи делались колючей и размашистей, — рыбы ели. Игнатьев включал репродуктор, и наш дом наполнялся хрустом и скрежетом. Рыбы чавкали, урчали, пережевывали еду.

Около полудня шум стихал. Коричневая дорожка на ленте делалась узкой.

К вечеру все повторялось. Размахи пера, чертившего на ленте извилистую линию, снова становились большими, а сама линия колючей.

Рыбий день шел к концу.

Кессон слушал рыбий скрип и скрежет, склонив голову набок, подняв одно ухо. Когда репродуктор выключали, он вставал и шел по столу, мягко переступая через провода, мимо белых циферблатов, на которых дрожали тонкие блестящие стрелки.

Немцев записывал показания приборов. Кессон садился около его руки и внимательно смотрел, как скользит по бумаге красный шарик автоматической ручки.

АКУЛА

— Акула, смотрите, акула!

Мы с Игнатьевым бросились к иллюминатору. Немцев возбужденно тыкал пальцем в стекло. Там у вольера стояла полутораметровая остроносая рыба.

Я сразу узнал ее.

Маленькая черноморская акула-катран.

За прозрачной сетью беспокойно металась рыбы-ласточка.

— Могли бы и не бояться, — сказал Немцев. — Катран предпочитает крабов.

— Это уж позволь ему лучше знать...

Игнатьев ушел возиться со своими магнитофонами.

Вдруг акула насторожилась, медленно повернулась и поплыла к нам. Не доплывая до

«Садко», она опустила нос и быстро пошла под дом.

— Смотри, увидела кого-то! — сказал Немцев. — Нет, плывет назад!

Катран вел себя непонятно. Он несколько раз возвращался к вольере, останавливался, смотрел на рыб и вдруг срывался с места и стремительно бросался под дом.

— Что он там нашел? — удивлялся Немцев.

Он поднялся наверх к Игнатьеву.

— Идите скорей сюда! — позвал он.

Я полез в люк.

Игнатьев сидел на корточках и копался в ящике с инструментами. Оба магнитофона работали. Коричневые ленты змейками перебежали с одной катушки на другую.

— Повтори художнику, что тут у тебя записано, — сказал Немцев.

Игнатьев недовольно поднялся и посмотрел на ленты.

— Ты записан, — сказал он. — Пугаешь рыб и занимаешься прочей ерундой.

Немцев сказал: «Ага!»

И тут меня осенило: катран подходит к до-

му, потому что слышит испуганные крики рыб! Наверно, звук передается через стальные стенки в воду, катран думает, что там кто-то охотится, и торопится к чужому столу.

Но скоро катран понял, что его дурачат.

Когда мы с Немцевым вернулись к иллюминатору, акулы не было. Она ушла.

КЕССОН И ОБЛАКА

Кессон не любил ходить по железу.

— Он же босиком! — объяснял Немцев.

Ел котенок на столе, спал в коробке из-под печеня.

Больше всего его интересовала в доме прозрачная дверь. Когда ему удавалось пробраться в нижний отсек, он садился около люка, вытягивал шею и смотрел вниз.

Внизу тускло и таинственно светилась вода. Поверхность ее была совершенно неподвижна, где-то у самого дна бродили тени. Я сначала думал, что это рыбы, но потом сообразил, что таких огромных рыб в Черном море нет.

И тогда я понял — это облака. Тени облаков, плывущих над морем.

Кессона они очень занимали. Несколько раз он пытался, опуская лапу, достать эти тени.

Неподвижность воды его пугала.

Приходил Немцев, говорил:

— Свалишься, дурак! — и уносил котенка наверх.

БОЛЬШЕ ЗВЕРЕЙ НЕТ

Наконец настал десятый день. Последний день нашего пребывания в доме.

С утра началась суматоха. Звонил телефон. Несколько раз приплывали аквалангисты. Они проверяли лифт.

Явился доктор и внимательно осмотрел нас. Он выслушивал Игнатьева, когда с пола на стол прыгнул Кессон.

— И тебя, — сказал доктор и стал слушать, как бьется у кота сердце.

— Значит, так, в декомпрессионной камере будете трое суток, — сказал он. — И этот зверь с вами. Насколько я помню, таких случаев мировая наука не знает. Так что ты — первооткрыватель.

Он щелкнул Кессона по лбу.

Котенок пищал и вырывался. Доктор сосчитал у него пульс и что-то записал в блокнот.

— Здоровый организм! — сказал доктор. — Больше зверей у вас нет?

— Нет!

Мы пошли провожать доктора.

Вместе с ним должен выйти Немцев. Он должен снять в вольере гидрофоны.

Вольер опустят на 25 метров.

И еще — в нем заменят всех рыб.

НОРМАЛЬНЫЕ КОШКИ

Мы стояли в нижней кабине и смотрели, как одеваются Немцев и доктор.

Кессону не приходилось еще видеть, как одевается водолаз.

Ему не понравилось, что его друг неожиданно стал весь резиновый и блестящий. Котенок мяукнул.

Доктор опустился по лесенке в люк, помаhal нам рукой и скрылся в воде.

За ним полез Немцев.

Кессон завертелся и потянулся за ним.

Стоя по пояс в воде, Немцев говорил с Игнатьевым.

Он просил осторожно тащить шнуры гидрофонов.

Котенок тревожно смотрел на него. Немцев опустил руки и без всплеска ушел под воду. Его силуэт хорошо был виден на фоне светлого дня.

И тогда произошло неожиданное. Кессон пискнул, перелетел через кольцевой порог-комингс и шлепнулся в воду.

Мы с Игнатьевым бухнулись на колени. В четыре руки мы вытащили котенка.

Кессон шипел, дрожал всем телом и озирался.

— Вот видите, — сказал я, — а еще говорят — кошки боятся воды.

— Так то нормальные кошки, а эта — подводная.

Игнатьев завернул Кессона в полотенце и положил на стол. Котенок распутался, сел на лабораторный журнал и оставил на нем мокрое пятно.

— Так он весь перемажется! — сказал я. — И все испачкает.

Тогда Игнатьев полез в ящик с водолазной одеждой, достал шерстяной носок, засунул в него Кессона и повесил носок на лампу.

Носок был толстый, плотный, котенок не мог вытащить лапы. Из носка торчала одна его голова.

От лампы струилось тепло.

Кессон сначала ворочался в носке, потом согрелся и уснул.

В ЛИФТЕ

С берега позвонили, что лифт у дома.

Мы стали укладывать вещи в контейнер. Поверх вещей посадили Кессона.

Рядом с «Садко» неподвижно висел в воде белый цилиндр. В нем снизу был открыт люк. Мы забрались внутрь лифта и уселись на кольцевой скамеечке, тесно прижавшись друг к другу. Контейнер мы держали на руках.

Игнатьев прикрыл люк. Цилиндр качнулся. За выпуклым стеклом маленького иллюмина-

тора побежали пузырьки, начался подъем. Потом цилиндр лег набок, и за стеклом вспыхнул дневной свет.

В стекло струями била вода. Нас буксировали к берегу. Наконец тряска прекратилась, и раздался скрип. Цилиндр везли на тележке по рельсам. Удар... Металлический лязг. Что-то скрипело и позвякивало. Лифт стыковали с камерой.

— Можно открывать люк? — спросил Игнатьев. Он так и не снимал наушников. — Есть открывать!

Мы осторожно отодвинули крышку. Раздалось легкое пшш-шш. Это уравнилось давление.

Через люк по одному перебрались в камеру.

— Вот тут другое дело! — сказал я. — Какой простор! Ноги вытянуть можно.

— Трое суток в такой душегубке, — сказал Немцев, — тоже мне удовольствие!

Игнатьев уже завинчивал крышку камеры. Сейчас отсоединят лифт, и мы начнем отсчитывать долгие три дня.

Какое яркое веселое небо видно в иллюминатор!

Небо было затянуто облаками.

ТРИ ДНЯ СО ШПИОНАМИ

Я читал. Я лежал на узенькой жесткой койке и читал. Когда мне надоедало читать, я думал.

Я думал: как можно использовать звуки голосов рыб?

Сперва я ничего не придумал, но потом сообразил: можно отпугивать рыб от плотин электростанций, от работающих земснарядов... Можно привлекать их к сетям и местам лова...

Время от времени я поглядывал на манометр. Большой черный манометр висел на торцевой стене камеры.

Мы все смотрели на него. Тонкая стрелка изнурительно медленно ползла влево. Давление падало. Оно снижалось так неторопливо, что казалось, стрелка никогда не дойдет до нуля.

Когда она достигнет нуля — откроют люк.

Я потянулся, швырнул книжку на пол. Все книжки, которые мы положили в барокамеру, оказались про шпионов. Немцев положил про шпионов, Игнатъев — про шпионов. И я.

Из-за этих книжек у меня пропал аппетит. Стоило закрыть глаза, как из всех углов начинали вылезать шпионы. Они были с черными накладными бородами, подходили ко мне и шепотом называли пароль.

Однажды, когда я задремал, шпион наклонился надо мной, вытащил из кармана пистолет и выстрелил мне в живот.

С диким криком я вскочил и ударился лбом о потолок.

С живота на ноги ко мне покатился Кессон.
— Ты что? — испуганно спросил Немцев. С перепугу он сказал мне «ты».

Я тяжело дышал и мотал головой.

— Вам на живот прыгнул котенок — только и всего!

Я перевел дыхание.

— Давайте поговорим о литературе, — сказал Игнатъев. — Все-таки просидеть три дня в камере с художником, который делает книги, и ничего не услышать от него — обидно. Какие книги вы любите?

— Без шпионов, — ответил я.

МНОГО ЗВУКОВ И ВЕТРА

Серебряная стрелка уперлась в нуль и остановилась.

Сейчас выпустят.

— У нас все в порядке! — сказал в телефон Игнатъев. — Ждем.

Снаружи послышался скрип винтов. Мы сели, каждый на свою койку, и приготовились. Только Кессон, услышав скрип, побежал к двери. Он, наверное, думал, что это скребется мышь.

Наконец скрип кончился. Что-то звякнуло, и круглая крышка люка шевельнулась. Она мед-

ленно приоткрылась. Желтый изогнутый луч солнца упал нам под ноги.

Люк был открыт.

Мы по одному выбрались из камеры.

Сколько звуков и ветра!

Звучало все: море, толпа, которая собралась вокруг камеры; воздух, который струился над бухтой, корабли, даже горы. Легкий звенящий звук слетал с их вершин и, долетев до бухты, повисал в воздухе.

А какой был в этот день ветер! Воздух так и ходил волнами. Он был жгуч и прохладен, то и дело менял направление и обдавал нас то запахом морской воды и соли, то густым ароматом трав.

Я посмотрел на мачту. Флаг на ее верхушке бессильно жался к шесту.

Наверно через час и мы не будем ничего замечать!

— Товарищи, — сказал Павлов, — разрешите от вашего имени поздравить экипаж подвального дома...

За моей спиной раздалось мяуканье.

Из камеры вылез Кессон. Он шурился на солнце. Все засмеялись.

Павлов махнул рукой.

— Можно расходиться! — сказал он.

Ко мне уже шел Марлен.

БИНОКЛЬ

Игорь Михайлов

Мне великое диво —
бинокль —
подарили вчера.

По опушке лесной,
как волшебник,
брожу я с утра.

Вскину диво к глазам:
где вы, тайны,
попрыгали тут?

И — одно за другим —
чудеса
караваном идут...

Вот гигант-муравей
по-над пропастью
тянет бревно.

Птенчик высунул
голову,
смотрит на мир,
как в окно.

Разевает он пасть
(не сыта еще детка
пока!),

подлетает мамаша,
швыряет в нее червяка.

Акробатки лесные,
срываясь одна за
другой,
репетируют белки
блестящий прыжок
затяжной.

Птичка-поползень
лезет по дереву
вниз головой.

Стрекоза, как коза,
чешет за ухом
задней ногой.

...Так бы лечь на весь
день
на траву-мураву,
как в кровать,
и глядеть в свой
бинокль,
чтобы заново мир
открывать...

ДОРОГА

РАССКАЗ ВТОРОЙ

КАК СТРОЯТ ДОРОГИ

Стоит вагон. Самый настоящий, зеленый, только не на стальных колесах, а на резиновых. Огромные такие скаты, как на самых-самых больших самосвалах.

Постучал в дверь.

— Заходите, — ответил женский голос.

Вошел. А там никакой женщины нет, передо мной мальчишка в очках:

— Я — Толя. Николай Иванович велел вам подождать. Бригада скоро придет. Можете присесть.

Я присел. В первый раз я попал в такой интересный вагон — там было все-все: и печка, и умывальник, и шкафчики

присуще здоровым, спокойным трудолюбивым людям.

И еще я подумал о телефонном путешествии, которое пришлось предпринять, чтобы попасть в этот вагончик. Я как бы прошел по всем ступенькам управления строительством.

Первая ступенька — главк. Мозг всехстроек, а их десятки, и на всех должно быть все хорошо. Однажды, несколько лет назад, я побывал в диспетчерской главка. Со всехстроек по телефону, по радио, по телегайпу докладывали, просили, спрашивали, требовали, возмущались, каялись, — информация поступала и передавалась беспрерывно. Где-то не хвати-

дцать третий трест, тот самый, о котором я сейчас пишу, строит дороги.

Трест состоит из управлений. В тридцать третьем тресте два управления в Ленинграде, одно в Гатчине, одно в Ломоносове, одно в Волхове, и каждое строит дороги в близлежащих местах.

Управление состоит из участков, а участок — из бригад, из таких, как бригада Николая Ивановича Полякова, к которой я пришел в гости и в вагончике которой сижу с незаконным мальчиком Толей.

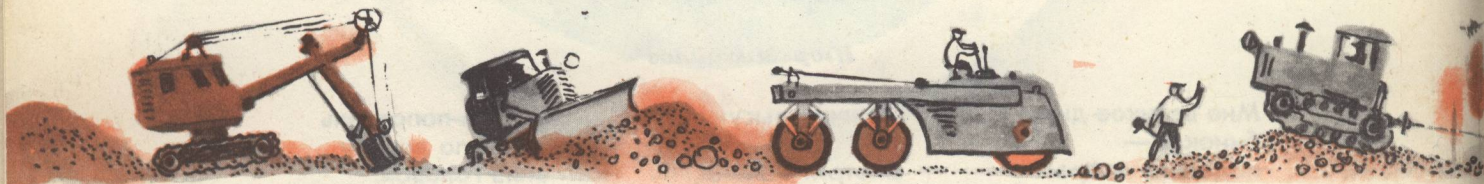
Толя читает книгу. На меня не смотрит. Лет ему, должно быть, тринадцать, может, четырнадцать.

— Так ты здесь кто? — спрашиваю его. — Сторож, что ли?

— У меня мама в бригаде работает.

— Что же ты в вагончике-то сидишь, — говорю, — неужели ты такой нелюбопытный, неужели тебе не интересно посмотреть, как дорогу строят?

— Еще чего? — отвечает

для одежды, и большие столы, и бачок с водой, и даже паровое отопление! А чистота — как в аптеке.

Я подумал: ведь люди бывают в этом вагончике только утром, несколько минут, пока передеваются, потом они здесь обедают, а вечером снова передеваются, и все. А вот как здесь аккуратно и чисто. И вроде ничего особенного в этом нет, ну, чисто и чисто, подумаешь! Но от этого домашнего уюта во временном вагончике, где даже зеркало большое было, где даже подшивка журналов была, и посуда всякая, — от всего этого повеяло тем особенным настроением, которое

ло кирпича, где-то сдали срочно детский садик, где-то срочно требовали пять обещанных бульдозеров, кто-то запрашивал разрешения на выплату премиальных. Достаточно побывать всего лишь несколько минут в этой диспетчерской, чтобы почувствовать, какое это трудное и многосложное хозяйство — главк.

Главк состоит из трестов. У каждого треста свое назначение, своя специфика: один строит жилье, другой строит заводы, третий — по сантехнике, четвертый — по электрическим делам, пятый — оборудование на заводах монтирует, шестой трубы изолирует, а три-

Толя. — А кто будет за меня здесь убирать, печку топить? Я сюда прихожу не смотреть, как другие работают...

Вот так он мне отрезал, и правильно сделал. Потому что я с ним разговаривал, как с маленьким мальчиком, а он был уже настоящий мужчина. Я просто не сориентировался: посчитал, что он здесь случайно, в первый раз попал на стройку. Мне, конечно, следовало бы догадаться — по тому, как он меня встретил, по тому, как он независимо сидел за столом, — что он здесь чувствует себя хозяином. Во всяком случае, по сравнению с таким посторонним лицом, как я.

Когда я все это понял, уже было поздно: явилась бригада. Явилась вся в резиновых сапогах, шумная, разгоряченная, усталая.

— Ну что, — громко сказал бригадир Николай Иванович, — кажется, нам уже и рассказывать нечего корреспонденту! Толя-то наш, поди, все уже и рассказал, а?

Потом вся бригада сидела вокруг стола, и Толя, как равный среди равных, сидел между мамой и Николаем Ивановичем и слушал.

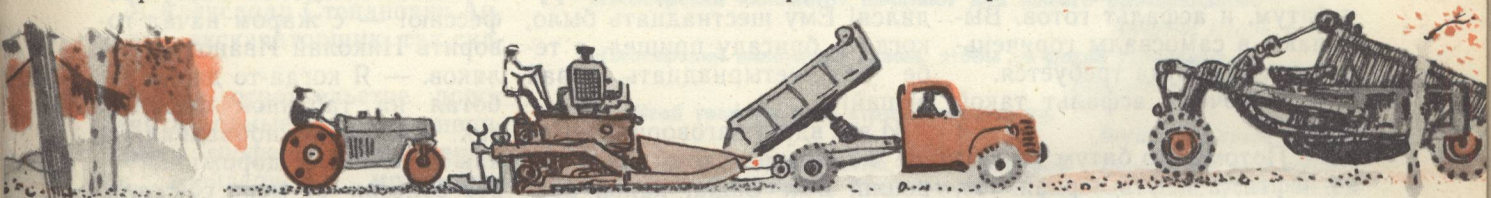
— Начнем с того, — сказал бригадир, — что всякая дорога похожа на реку. И по виду своему, и по назначению. Реки бывают широкие, узкие, длинные, короткие — и дороги тоже. По рекам плывут пароходы, а по дорогам ходят люди и ездят машины. Как и реки, дороги имеют русла. Да только русла дорог называются иначе — корытами. Вот с устройства корыта и начинается строительство дороги. А роет корыто под дорогу экскаватор...

Может даже остановиться целый завод! Поэтому надо хорошо разбираться в чертежах, в схемах, надо ловко управлять механизмом, все время быть внимательным. Нельзя нервничать. Зато когда работаешь далеко от города, — одно удовольствие. Свобода! Хоть песни пой. Только плохо, что дома не каждый день бываешь; когда в командировке — сына иногда неделю целую не видишь... Ну, а после того, как корыто готово...

— Стоп! — перебил бригадир. — Здесь нужно опять небольшое отступление. Я говорил, что дорога похожа на реку, но это если смотреть на нее сверху или сбоку отсюда. А теперь мы попробуем ее как бы разломать. Разрежем ее мысленно поперек. И мы увидим, что в таком виде дорога похожа на слоеный пирог. Первый слой, идущий непосредственно по дну корыта, — песок. Второй называется щебеночное основание. Третий слой — асфальт. Это, так сказать, типичный пирог. Но бы-

— А это уже мой механизм, — вступил в разговор Николай Иванович Соколов, моторист мотокатка. — Моя задача — уплотнить, спрессовать дорожные одежды. Каждый слой уплотняется отдельно — сначала легким трехтонным, пятитонным катком, потом тяжелым — десяти-пятнадцатитонным. Шесть—семь раз надо проехать, «прокатиться» по одному и тому же месту. От тщательности уплотнения зависит устойчивость, мощь дороги, ее долговечность. Так целый день и катишь тяжеловесные барабаны, сначала по песку, потом по щебенке и, наконец, по асфальту. Когда последний слой асфальта укатал — все, дорога готова, открывай движение!

И все посмотрели на экскаваторщика Александра Степановича Антонова.

— Да, мое дело вырыть корыто, — начал рассказывать Александр Степанович. — Работаю я на экскаваторе с полукубовым ковшом. На гусеничном ходу. Это небольшой экскаватор, но для дорожных работ очень удобный. Ведь нам приходится строить дороги в разных условиях: и в чистом поле, и в городе, и на заводских территориях. Особенно сложно работать в городе: куда ни копни, всюду трубы, кабель. В большом городе под землей больше проводов, чем в воздухе. Заденешь — авария.

вуют и другие — четырехслойные, пятислойные. Бывает, что вместо щебня — бетон, а вместо песка — шлак. И вот после того, как корыто экскаваторщик выроет, наша задача состоит в том, чтобы испечь этот пирог, который по-научному называется дорожной одеждой, а попросту — дорогой. А при устройстве дорожной одежды главнейший механизм какой будет, Толя?

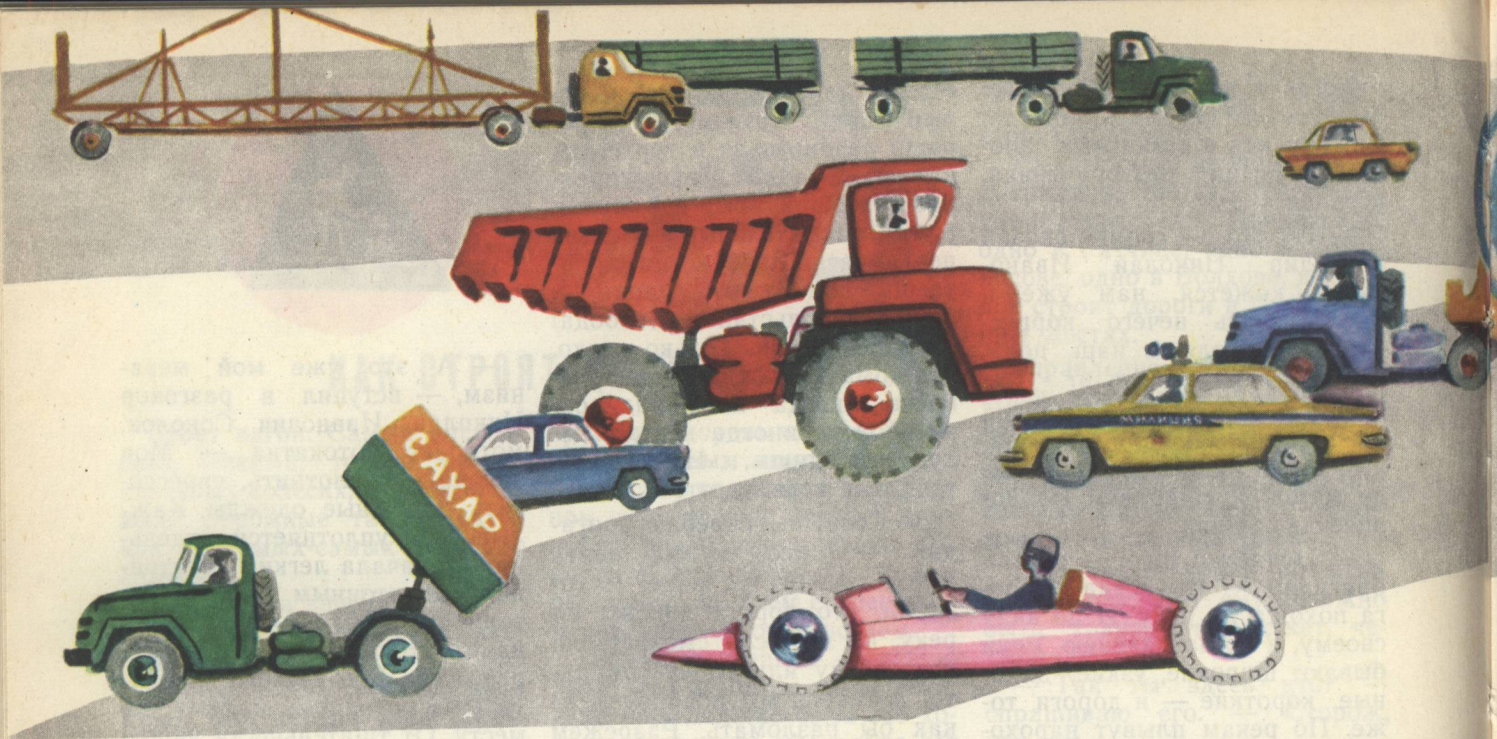
Вопрос был так неожиданен, что Толя растерялся.

— Ка-ток, — шепотом подсказала мама.

— Каток! — выпалил Толя, и все рассмеялись.

— Стоп! — опять перебил бригадир. — Я тебе сейчас открою движение по свежему асфальту! Ишь ты! Движение может быть открыто только после того, как асфальт полностью остынет, а горячий асфальт, между прочим, укладывается при температуре ста тридцати градусов!

— И вообще, — вмешалась Евгения Александровна Сокольева, — Соколов наш так все обрисовал, что еще подумают: дороги строить легче, чем пироги есть. Это работа нелегкая. Хоть и механизмы есть, а все равно и рукам дела хватает. Пожалуй, летом всем жарко, но жарче всех — ас-

фальшивщикам: сверху солнце жарит, а снизу — асфальт...

— А он откуда берется — асфальт?

— Его изготавливают на асфальтобетонных заводах из щебня и битума. Две—три минуты в специальном барабане помешают как следует щебень и битум, и асфальт готов. Высыпают в самосвалы горяченький и везут, куда требуется.

— А почему асфальт такой черный?

— Потому что битум делают из нефти, а нефть черная. Но, между прочим, бывают асфальты и других цветов...

— А трубы? — вдруг спросил Толя.

— Что трубы? — не понял бригадир. — Какие трубы?

— Летом я приходил к маме, а она под дорогу клала какие-то трубы, я еще помогал...

— Ах, ты имеешь в виду дренаж! — догадался бригадир, но в глазах Толи при слове «дренаж» искорки понимания не вспыхнуло: что это такое, он явно не знал и не догадывался. И бригадир пояснил: — Через эти твои трубы дождевые воды стекают...

— Куда стекают?

— В дождевые колодцы, а

оттуда в дождевую канализацию, а оттуда в какую-нибудь речку... Ты лучше скажи, работать-то к нам пойдешь, когда школу кончишь?

— Не знаю, — сказал Толя.

— А чего знать-то? Саша Фомичев на много ли старше тебя был, а как хорошо трудился! Ему шестнадцать было, когда в бригаду пришел, а тебе уже четырнадцать, давай решай!

И все вдруг заговорили о Саше Фомичеве, о том, какой хороший был Саша, какой воспитанный, какой культурный, как он добросовестно относился ко всему и как все его уважали — не только в бригаде, но и на участке.

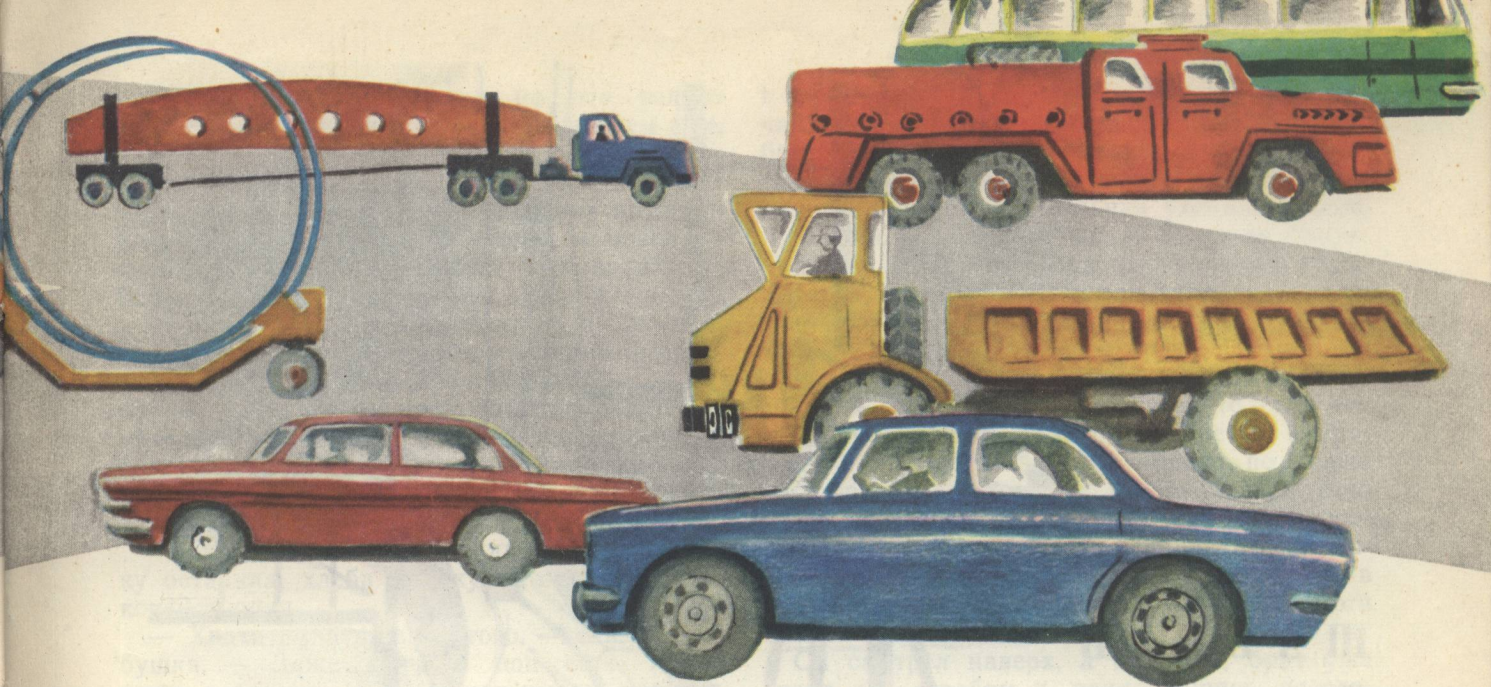
Толя слушал очень внимательно все, что говорили о Саше Фомичеве: то к одному, то к другому поворачивал голову, очки поблескивали. Боюсь гадать, но, кажется, он в эти минуты завидовал незнакомому Саше, о котором все, в том числе и его мама, говорили с восхищением.

Разговор как-то так удачно складывался, что мне не было нужды подогревать его вопросами. Только в самом конце я спросил:

— Представьте себе, что перед вами сидит целый восьмой класс. Ребята пришли к вам узнать, что это за такая профессия — дорожник. Что бы вы им сказали?

— Да за одно, что все время на свежем воздухе, за одно это стоит полюбить нашу профессию! — с жаром начал говорить Николай Иванович Поляков. — Я когда-то давно работал на табачной фабрике, так постоянно побаливал, а как перешел в дорожники — все болезни от меня сбежали. Закалка! Аппетит всегда хороший! Настроение боевое! А переезды с места на место? Где только мы не работали! Лучше любого таксиста Ленинград знаю, а в области! Новые места, новые люди, новые впечатления. Это не то что всю жизнь на одном месте, это совсем другое, совсем другое самочувствие...

— Работа наша простая, но людям мы приносим радость, — сказала Толина мама. — Потому что дороги — это ведь чистота. Чистота во дворе и в квартирах. Машины чище, и люди не так пачкаются. Особенно это ценят новоселы. Иногда бывает, что дом

готов, и люди в нем даже живут, а подъезда хорошего к нему нет, не успели сделать. И у всех от этого настроение плохое. Зато как уж жильцы благодарны нам, когда мы приходим наводить благоустройство...

А Александр Степанович Антонов, экскаваторщик, так сказал:

— На строительстве дорог заняты самые разные специалисты: шоферы, бульдозеристы, грейдеристы, мотористы катков, бетонщики, асфальтировщики и многие другие. Так что дорожник — это не одна профессия, а, может быть, двадцать.

И снова взял слово Николай Иванович Поляков:

— Дороги, я считаю, как воздух. Разве кто-нибудь замечает воздух, когда его достаточно? Дышишь себе и дышишь. Так и с дорогами: едешь себе и едешь. Но когда дороги нет, когда дорога вдруг вышла из строя, тогда сразу все начинают понимать, какая это важная и необходимая вещь... А вот мы, дорожники, понимаем это всегда.

А. Гельман
Оформление А. Януса

В прошлом номере нашего журнала мы спрашивали: что такое, по вашему мнению, «Пионерский километр»? Письма с ответами поступают в редакцию ежедневно, и ответы самые разные. Публикуем пришедшие только из одной 303-й школы г. Ленинграда:

«По-моему, это — загадка, чтобы росла подписка на ваш журнал».

Щербаков Володя, 6 класс

«Пионерский километр» нужен, чтобы мы знали, как делаются дороги».

Панин Андрей, 6 класс

«Пионерский километр» печатают для нашего просвещения».

Анчутин Игорь, 6 класс

«Пионерский километр» нужен, чтобы не росли тунеядцы».

Коваленко Лариса, 6 класс

«...Чтоб уважали труд строителей дорог».

Васильев Сергей, 6 класс

Конечно, ребята, мы хотим, чтобы выросла подписка на наш журнал. И еще сильнее мы хотим, чтобы вы были просвещенными, уважали тружеников и не росли тунеядцами. Но когда мы начали «Пионерский километр», нам все-таки думалось, честное слово, не о подписке и не только об уважении к строителям дорог. Нам хотелось большего.

«Пионерский километр»! Это чтоб когда вырастем, мы стали бы строителями дорог».

Иванов Андрей, 6 класс

«Надо объяснить ребятам: нельзя портить дороги»

Андуканов Р., 6 класс

Так, уже ближе к истине. Не надо портить дорог. И хорошо, если вы, когда вырастаете, будете их прокладывать. Как говорится, стало горячо...

«Пионерский километр»! Это чтобы, если понадобится, мы могли помочь взрослым строителям дорог».

Жуков Сергей, 6 класс

«Пионерский километр» — значит, дружины должны объединиться и начать строить хотя бы маленький кусочек дороги».

Масленникова Ира, 6 класс

«...Чтобы ребята сельских школ проложили хотя бы маленькую дорогу и чтоб эта дорога считалась пионерской».

Баканова Лена, 7 класс

А эти письма уже совсем рядом с разгадкой. Правда, построить дорогу сами пионеры не могут, это вы уже поняли, вы ведь прочитали только что, как это сложно! Однако разгадка близка, и в следующем номере журнала состоится серьезный разговор о «ПИОНЕРСКОМ КИЛОМЕТРЕ».

Ставьте на своих письмах к нам гриф «ДОРОГА»!

ДИКИЙ ЩАВЕЛЬ

РАССКАЗ

Геннадий Черкашин

Рисунки
И. Харкевича

Проснувшись, мальчик сразу же понял, что мама и вправду уехала. Она предупредила его еще с вечера, сказала, что поедет к военкому хлопотать пенсию за отца, — шофер с рудоуправления обещал захватить ее в райцентр, — и что поэтому весь день они будут одни: он, как старший, должен младшего брата одеть, накормить; чтобы они не шалили, в горы не ходили, в реке не купались. «Да что я, не знаю! — сказал мальчик. — Что я, маленький?!» «Да, — сказала мама, — ты прав. Ты уже не маленький, и я уезжаю спокойно».

Мальчик улыбнулся, вспомнив про это. Часов в комнате не было, но за окном уже светило солнце, и младший брат вот-вот мог проснуться. Мальчик вскочил и увидел младшего брата, который лежал на маминой кровати прямо на подушке и дрыгал ногами, задрав их кверху.

«Эгей!» — крикнул старший, перебираясь на кровать к младшему, — они уже давно не баловались по утрам, наверное, с тех пор, как началась война. А может быть, с того момента, как мама получила извещение о гибели отца. Все еще стоял в ушах ее хриплый, сдавленный крик. Еще с месяц после этого дня они жили дома, но к их городу подошел враг, и с тех пор они нигде подолгу не задерживались, жили все больше в вагонах среди незнакомых людей, таких же беженцев. Он помнил, как впервые прозвучало это слово — «беженец», и сразу даже непонятно было, хорошее это слово или плохое. Были еще поезда с эвакуированными, и в тех поездах все по-другому, все организованно, там все друг друга знали, и

там всегда был один главный дяденька, который на станциях всем распоряжался — начальник эшелона, а у них такого начальника не было. Он спрашивал у мамы: «Почему?» «Ну, это понятно, — говорила мама, — то заводы эвакуируют, предприятия, чтоб фашистам не достались, везут на новые места и станки, и рабочих. Вот приедут они на новое место и будут делать пушки, танки, снаряды, ты ведь понимаешь, как это важно сейчас?» Да, он это понимал. Он не понимал другого — куда придет тот вагон, в котором были они. Вагон их прицепляли то к одному поезду, то к другому. В конце концов он перестал спрашивать у мамы, куда они едут, понял: мама не знает.

«Эгей!» — крикнул он и начал бороться с братом, уронив на пол одеяло и подушку. Потом мальчик вспомнил, как всякий раз поддавался ему отец и как это было приятно, и сам опрокинулся на спину, сделал вид, что уже не в силах подняться, вырваться из тонких рук младшего, — и тогда тот засмеялся, закричал: «Ура! Мы победили!»

«Глупый еще!» — подумал мальчик, но ему была приятна эта радость младшего брата, и, легко щелкнув его по носу, он сказал покровительственно:

— А теперь вставать и завтракать, ну-ка, раз-два...

— Давай еще побалуемся, — попросил младший. Он сидел у старшего на животе, и его спутанные со сна и от борьбы белые вьющиеся волосы падали до плеч, совсем как у девочек. Старший сколько раз просил маму

обрезать младшему волосы, но она только улыбалась в ответ, говорила: «Подождем еще, ведь он маленький».

Мальчик натянул на младшего брата чулки, застегнул лямки на коротких штанишках, надел ботинки, зашнуровал и повел на кухню умываться. Здесь уже эвакуированная бабушка ставила на примус зеленый чайник.

— А-а, молодые люди явились, — сказала бабушка. — Уехала, стало быть, мама. Ну, дай бог, повстречает она хороших людей и не будут ее гонять взад-вперед, дай бог, дадут вам пенсию. — Бабушка согнулась над примусом, накачивая его. — Вот сейчас чайку вскипячу и вам налью, а поесть-то мать вам оставила? А то у меня и нет-то ничего.

— Оставила, — сказал мальчик. — Картошку оставила, хлеба два куска оставила, еще конфету одну.

— Хватит, хватит вам этого, — сказала бабушка. — Даже конфета вон есть. Идите ешьте картошку, а чаю я налью вам, принесу.

Картошину мама сварила в мундире, мальчик ее аккуратно почистил, следя, чтобы снималась только тонкая кожура, и разрезал пополам. Потом и конфету поделил поровну.

— А хочешь поменяться? — сказал младший брат, не спуская глаз с конфеты. — Хочешь, ты мне конфету, а я тебе свою картошку?

Одному съесть целую картошку?! Как это было бы здорово! Он хотел уже согласиться, но вспомнил, что в картошке пользы побольше, чем в конфете, брат глупый, не знает еще этого.

— Не хочу, — сказал он сердито. — Ешь свою картошку, а то когда еще мама вернется, может, ночью.

Они съели картошку, хлеб и выпили с конфетой чай, который в стаканах принесла эвакуированная бабушка, и пошли на улицу.

На улице с чистого неба светило солнце. Было не холодно и не жарко, было так себе.

— Видишь, как далеко мы заехали, — сказал мальчик, поворачиваясь, — одни горы кругом.

— Давай пойдем вон туда, вон на ту высокую гору, — сказал младший, указывая на одну из вершин, которые виднелись вдалеке.

— Эх! — сказал мальчик, представляя себе, как это было бы здорово — подняться в горы и посмотреть вокруг, ведь они такие высокие! А где-то вообще есть самая высокая гора, с которой, наверное, все вокруг видно, может, даже Москву видно, может быть, даже всю войну с нее видно. Эх, подняться бы на эту гору!.. Только вот по какой дороге идти к ней, где она?..

Мальчик внимательно посмотрел направо, где время от времени гремели взрывы — там

в горе был рудник, потом прямо, где горы начинались уже сразу за сараями, налево — тот берег реки был гол и скалист, как стена, посмотрел назад, где горы синели по ту сторону долины за кладбищем. Туда уходило шоссе, по которому уехала мама. И вдруг он вспомнил, что мама запретила им уходить в горы. «Жаль», — подумал он и вздохнул.

— Пойдем лучше посмотрим, как руду возят. — И, взяв младшего брата за руку, он повел его к рудоуправлению, куда от рудника мчались по воздуху, повиснув на толстом металлическом тросе, тяжелые вагонетки. И провода, и трос держались на столбах, по железным боковинам которых влезть наверх было раз плюнуть. «Эх, — подумал мальчик, провожая вагонетку взглядом, — забраться бы наверх, дожидаться пустой вагонетки, сесть в нее — и катайся тогда, сколько хочешь, лети как на самолете!»

Он смотрел наверх, а младший брат уже стоял под столбом и, наклонившись, разглядывал темно-серые блестящие куски руды, которые всегда сыпались из вагонетки, когда она проходила столб. Вот и новая шла совсем перегруженная...

— Назад! — закричал старший, увидев наконец брата, и все внутри у него оборвалось, но он не растерялся, бросился к столбу и оттащил брата как раз вовремя, — тяжелые куски руды так и посыпались из вагонетки.

— Чего ты?! — захныкал младший. — Там камешки красивые...

— Тебя же убить могло, — сказал мальчик. — А отвечать кому? Отвечать мне! Попросил бы, я бы тебе их принес...

— Ну принеси, — сказал младший. — Пожалуйста.

Мальчик сбежал под линию и принес два кусочка руды — младшему и себе, потому что камешки и ему были интересны.

— А теперь пошли отсюда, — сказал он. — К реке пойдем.

Они шли к реке, рассматривая руду — камень, внутри которого блестели капельки металла.

— Почему они там? — спрашивал младший. — Кто их туда положил, а?..

Старший пожал плечами, — этого он и сам еще не знал. Но он уже знал, что делают из руды, и вдруг подумал, что, может быть, из этих двух камней, которые они унесли, получилась бы одна звонкая пуля, которая обязательно убила бы фашиста — и ему захотелось вернуться и бросить эти куски в большую кучу, куда ссыпали руду из вагонеток. Но от рудоуправления они ушли далеко, а до реки уже рукой подать, и он решил, что они сделают это после, вот поиграют немного у реки и отнесут.

Он выбрал большой гладкий валун над самой водой недалеко от моста, и, прыгая с камня на камень, они добрались до него и здесь уселись. Река была бурной, вода чиста и прозрачна, можно было разглядеть, как ползут по дну гладкие камни, но сильнее реки были рыбы — они свободно плыли против течения, туда, к мосту, где стояли с удочками двое местных.

С местными дружба еще не наладилась. Дразнились они, лезли драться, в свои игры приезжих не принимали. «Если эти двое ползут, я не побегу, — решил мальчик. — Я возьму камень или палку, посмотрим тогда, чья возьмет...» Но местные пока спокойно ловили рыбу.

«И чего мы им плохого сделали? — продолжал думать мальчик. — Мы разве в чем виноваты?! Виноваты разве, что фашисты нас из дому выгнали?» Он стал вспоминать город, где они жили, друзей своих, песню, которую они пели: «Если завтра война, если завтра в поход...» Вспомнил, как сам сделал чучело: взял арбуз, вычистил всю мякоть, дырки прорезал и для глаз и для носа, вставил туда круглые стеклянные пробки от одеколona, вырезал рот до ушей, а потом они забрались в темную щель, которую взрослые выкопали во дворе, зажгли свечу и эту башку сверху поставили: глаза вспыхнули, нос засверкал, рот огненный ощерился — ну прямо вылитый Гитлер, вот девочки потом визжали, вот было смеха...

Он очнулся от плача — брат орал и показывал на осу, которая кружила вокруг него.

— Укусила меня! — вопил младший. — Укусила!..

Старший набрал в пригоршню воды и брызнул на осу, и та упала на камень.

— Вот ей! — сказал старший, наступая на нее ногой. — Куда она тебя ужалила?

— Сюда, — младший тянул указательный палец. — Я ей ничего плохого не сделал, а она, вредина, меня укусила.

— Сунь руку в воду, пройдет, — сказал старший.

— Не проходит...

— А ты поддержи подольше.

— Все равно не проходит.

— Смотри, самолет летит, — сказал старший. — На фронт полетел, мстить за нашего папу.

Младший перестал хныкать и задрал голову.

— Во, бомбардировщик полетел, — сказал кто-то за спиной.

— Ишачок, — поправил мальчик, который уже давно и хорошо разбирался в самолетах и мог отличить наших от немецких даже по звуку.

— Много ты из себя воображаешь. Говорят тебе — бомбардировщик!

— Ишачок, — упрямо повторил мальчик, испытывая желание оглянуться и посмотреть на спорщика и в то же время не в силах отвести взгляд от самолета.

— Интересно, откуда ты знаешь? — спросил другой голос.

— Знаю, — сказал мальчик. — Бомбили нас часто, раз сто, наверное, а то и больше. Как налетят! А потом наши ястребки — против их мессеров! И бой...

— Развоображался, — сказал первый голос. — Раз бы сказал, два... а то — сто! Трещи ты и брехло!

Мальчик повернулся и увидел, что это как раз те двое, с моста. Впереди стоял косой пацан, который уже не в первый раз цеплялся, а за ним, облокотившись на толстое удилище, сопел его приятель, щекастый, с челочкой.

— Мы таких уже видали, — сказал мальчик.

— Каких таких?! — подпрыгнул косой. — Интересно знать.

— А вот таких, как ты, — сказал мальчик. — Такие уже после первого взрыва бегали штанишки стирать.

— Чего он говорит? — хихикнул косой. — Это я, значит, штанишки?! Слышал, Аслан?

— Третий лишний, — на всякий случай сказал мальчик.

— Лишних нет! — зло сказал косой. — Давай, Аслан, покажем этому эвакуированному.

— Сейчас не могу, — сказал Аслан, кладя руку себе на грудь. — Видишь, меняла вон едет.

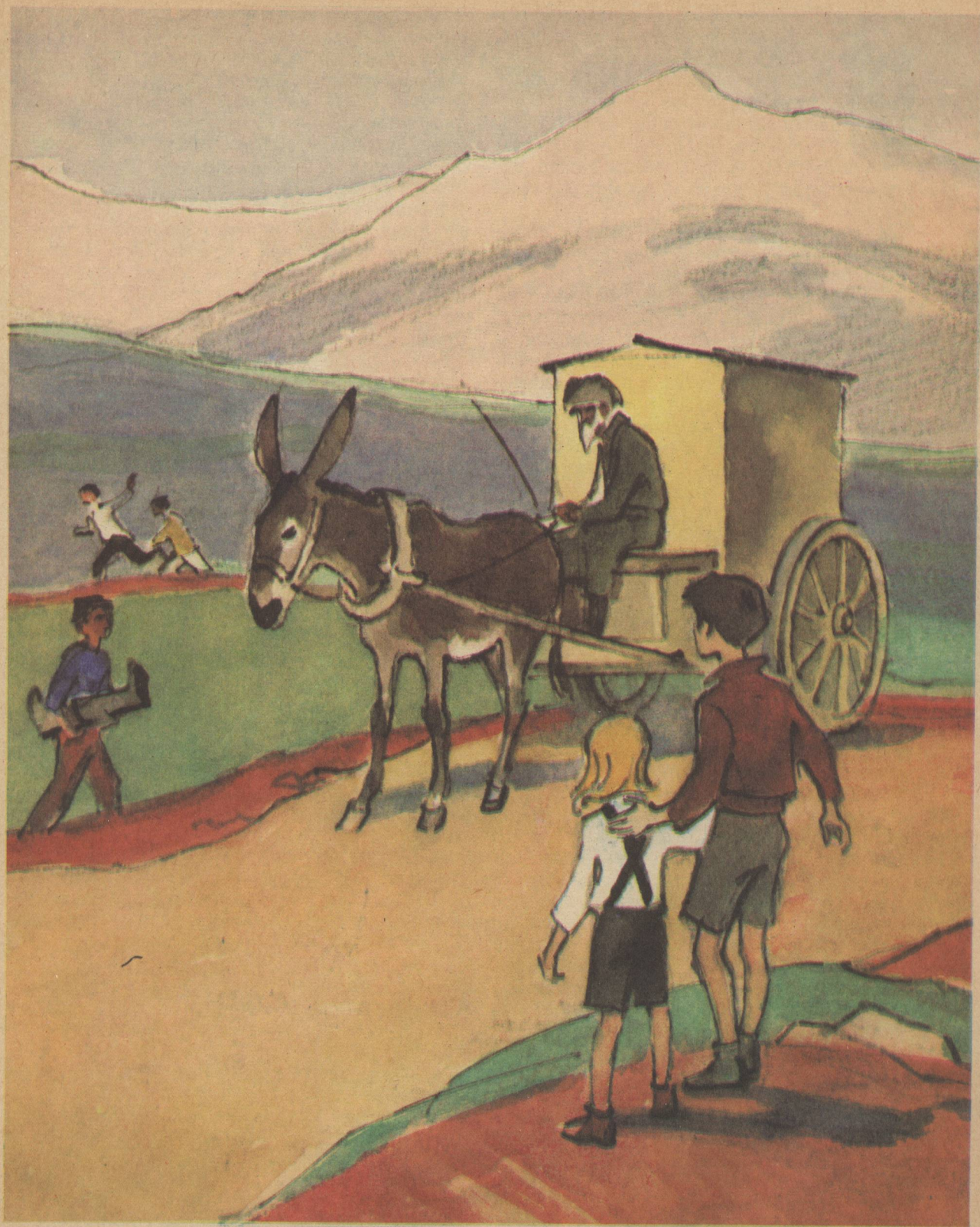
Косой посмотрел на мост.

— Ура! — завопил он. — Меняла едет!

По мосту на маленьком сером ослике, запряженном в тележку с будкой, ехал старик в лохматой шапке.

За мостом меняла остановил ишачка, медленно слез с козел, намотал вожжи на воткнутый в козлы кнут и стал открывать большой замок на будке.

Мальчик подошел и стал поблизости — ему было интересно, что же привез меняла. С замиранием сердца он смотрел, как старик вытаскивает ящики с удивительными довоенными вещами — надувными шариками, резиновыми двухцветными мячами, глиняными свистульками, рыболовными крючками и лесками, с иголками, нитками, трусиками, футболками... Ах, какие здесь были вещи! Смотреть на них и то было чудом. И мальчик смотрел, мысленно выбирая себе самую нужную вещь, пока ему не стало ясно, что эта вещь — крючки, маленькие, стальные, острые рыболовные крючки. Он представил себе, как ловил бы рыбу с утра до вечера, и принес бы маме целый кулан, мама ахнула бы и сварила вкусную уху на первое, а на второе она бы пожарила

рыбу, и они бы ели ее — вкусную, хрустящую рыбу, ах, если бы у него были крючки, хотя бы один!

« Попрошу », — подумал мальчик. И от этой мысли его сердце забилося и перехватило дыхание.

— У меня ножки болят, — пожаловался младший, подбираясь к нему и дергая за руку.

— Погоди, — сказал старший.

Старик-меняла удивленно поднял брови — только теперь заметил, что он не один.

— А ты почему здесь? — спросил он с сильным горским акцентом. — Почему не бежишь? Здесь торчишь? А?! Тряпка давай, галош давай, ботынки старый давай, Магомет усе прымай.

— Да нет у нас ничего, — сказал мальчик. — Мы же беженцы... Эвакуированные мы, — поправился он.

— А, эвакуированный. Это другой дэло, эвакуированный, — сказал старик и отвернулся.

« Попрошу », — снова подумал мальчик и сделал шаг вперед. Теперь он был совсем рядом с ящиком, где, воткнутые в картон, лежали всякие крючки — белые и черные, большие и маленькие. « Как же мне попросить? — подумал мальчик. — Что я ему скажу? »

— Ты что, не слышишь? — спросил младший брат, снова дергая его за руку.

Мальчик не слушал его, он не спускал глаз с крючков. Когда прибежали с баррахлом первые мальчишки, он отодвинулся, но продолжал стоять. Почему-то ему казалось, что старик все поймет сам и подарит ему какой-нибудь старый, уже заржавленный крючок, ну жели у него нет такого крючка? Каждый раз, когда старик брал в руку картонку с крючками, мальчик начинал на что-то надеяться, ему каждый раз казалось, что вот сейчас, именно сейчас старик поманит его пальцем, протянет ему крючок и скажет: « Бери его, мальчик. Люби рыбу себе на здоровье! »

Наконец, обмен закончился, и местные гурьбой отправились в поселок. Мальчик ждал, когда старик повернется и посмотрит в его сторону, но старик, занятый своим делом, никуда не смотрел. Он сортировал сваленное в кучу барахло, потом укладывал его в будку, вставлял ящики на полки. Мальчик ждал, но старик не оглядывался. Он закрыл будку на замок, уселся на козлы, маленький ослик встряхнулся, будто просыпаясь, и засеменил мелкими шажками. « Не подарил », — вздохнул мальчик и только тут вспомнил, что он старику ничего не сказал. Откуда старику знать, что ему нужен крючок? « Не мог он этого знать, а знал бы, может, и подарил бы », — решил мальчик и поискал глазами младшего брата. Тот сидел на камне, как-то нелепо расставив в стороны ноги.

— Мне кушать хочется, — сказал младший.

Старшему тоже хотелось, но он знал, что в доме есть нечего.

— Если ты мне не дашь хлеба, я умру, — сказал младший. — У меня уже болят ножки, ходить больно. — Он поднялся и, морщась от

боли, сделал два шага по направлению к старшему. — Видал, как больно? . .

« А вдруг он и вправду умрет? » — с испугом подумал старший, оглядывая маленькую фигурку брата, его тонкие ноги, которые казались вывернутыми. Ему захотелось пожалеть младшего брата, погладить его по головке, но он сдержался. Наморщив лоб, стал думать, что же делать.

Пенясь и швыряясь брызгами, глухо шумела река. Вдоль правого скалистого берега, упираясь в него, как в стену, река по долине бежала туда, где синели вдали высокие горы. Где-то там сейчас была мама. Мама знала бы, что делать, как накормить и вылечить брата, с ней всегда спокойно и хорошо.

— Пошли! — наконец сказал он, беря младшего брата за руку.

Тот поднялся и, волоча ноги, послушно потащился за старшим.

— Садись на горба, — сказал старший, присаживаясь на корточки. — Только не дави шею.

У ближайшего дома мальчик остановился и спустил брата на землю.

— Я попрошу для тебя хлеба, — сказал он. — Ты только не уходи.

— Я пойду с тобой, — сказал младший.

— Хорошо, — согласился старший. — Пошли.

Они взошли на крыльцо, и мальчик постучал в дверь. Открыла женщина.

— Ты к кому? — спросила она. — К Вите, так его нет дома, шлепает где-то.

— Вы нас простите, тетенька, — сказал старший, чувствуя, как лицо заливается краской. — Вы не могли бы дать моему брату кусочек хлеба или сухарик, а то он есть очень хочет.

— А где же ваша мама? — строго спросила женщина.

— Да мама уехала, — сказал мальчик. — К военному в комиссариат, пенсию хлопотать. Вы не подумайте, что я обманываю, вот честное слово.

— Ах, вы беженцы, — сказала женщина. — Ну тогда подождите минутку.

Она ушла в комнату и вернулась с большой горбушкой.

— Вот все, что я могу вам дать, — сказала женщина.

— Мы вам отдадим, — сказал мальчик. — Вы не думайте... Мы не нищие, мама придет, и я вам принесу.

— Да ладно уж... — сказала женщина и погладила мальчика по голове. — А маме передай вот что — на склоне за сараями растет дикий щавель. А повыше, на опушке леса можно найти дикий лук и чеснок. Да пусть твоя мама зайдет ко мне, ладно?

— Я передам, — сказал мальчик. — Большое вам спасибо.

Они вернулись во двор. Мальчик протянул горбушку брату.

— Ешь медленно-медленно, тогда больше наешься.

— Хорошо, — сказал младший, запихивая хлеб в рот.

— А сейчас мы пойдем искать щавель, — продолжал мальчик. — Я буду искать, а ты посидишь на травке.

Младший кивнул. Теперь, когда в руках у него был хлеб, он забыл про свои ноги. «Вот и хорошо», — подумал старший с облегчением. Он уже устал таскать брата на спине.

На склоне росли всякие травы. И зеленые, и фиолетовые, и светло-серые, пушистые. Мальчик не знал, какая из этих трав щавель, и решил искать ту траву, которая будет самой вкусной. Он наклонился и сорвал первую травинку. Потом вторую, уже с другими листочками, потом третью. Она оказалась очень горькой, и он тут же сплюнул. Так, пробуя траву, он медленно поднимался по склону, «Эта слишком жесткая... эта мятная... эта терпкая, как терн... эта совсем гадость, тьфу».

Наконец, возле одного из кустов он наткнулся на маленькую полянку с травой вроде подорожника, и уже хотел пройти мимо, но на всякий случай все-таки сорвал один листок, надкусил и сразу же понял, что это и есть ди-

Он пошел вниз и вдруг увидел, что навстречу ему поднимается мама с младшим братом.

— Что же ты? — сказала мама укоризненно. — Я-то думала, что тебе можно доверять как старшему, а ты...

Мальчик молчал. Он подумал, что мама ругает его за выпрошенный хлеб. Или за то, что они на склон поднялись — так ведь это еще не горы.

— Ну, ему только четыре года, ему прости-тельно, но тебе уже семь!..

— Что я сделал? — спросил мальчик.

— Ты перепутал ботинки, — сказала мама. — Ты не так надел ему ботинки. Левый на правую. Удивляюсь, как это он еще проходил столько?!

— Я его на спине таскал.

— Ну хорошо, — сказала мама. — Больше не будем говорить об этом.

— А пенсию нам дали? — спросил мальчик.

— Обещали выслать. Сначала красноармейскую, а как запрос подтвердится, будем получать командирскую. Что с тобой, чем это ты рубашку набил?

— Это? — мальчик запустил руку за пазуху и достал листья. — Это щавель.

— И правда! — обрадовалась мама, пробуя лист на вкус. — И правда, щавель! Ах, как хорошо! Мы сегодня же сварим щи!.. Кто тебя научил?.. Подумать только, щавель! Я обручальное кольцо в городе продала, мяса купи-

кий щавель. Один за другим он сжевал несколько зеленых листочков щавеля, и ему понравился их кисловатый вкус. Тогда он стал рвать эти листья, отправляя их за пазуху. Он рвал долго, пока рубашка не надулась, не выпятилась впереди, как мяч, так что и наклоняться уже трудно стало, и тогда он решил вернуться к брату и угостить его щавелем.

ла, думала, какой же суп варить, а тут щавель! Мы такие щи сварим! Дня на три. И на работу меня обещали принять, просили завтра зайти... А там и пенсию пришлют. Смотри-ка сколько щавеля!

Мальчик улыбнулся.

— Там еще лук наверху есть. И чеснок дикий.

Чрезвычайные события в Яшкиной жизни происходят ежечасно и даже ежеминутно. Жаловаться не приходится. Живет полнокровной пионерской жизнью.

Но то, что случилось сегодня...

Это сверхчрезвычайное событие!

Хотя произошло оно утром. В спокойной кухонной обстановке.

Сидит утром Яшка на кухне, доедает яичницу, собирается пить кофе, а мама его в это время спрашивает:

— Сколько у тебя сегодня уроков, Яша?

— Пять, — отвечает он. — Обычное дело — пять уроков бывает в этой школяндрии.

— В школе, — говорит мама. — Ты когда вернешься — не бегай, умойся и жди меня. И куртку надень Новую.

— К кому пойдём? — спрашивает Яшка. — Уши тоже мыть?

— Все мыть, — отвечает мама, — а пойдём... Вот когда приду, тогда и скажу, куда пойдём.

— Ну, нет, — говорит Яшка. — Может, я туда и не пойду. Может, у меня поважнее дела есть. У нас сегодня игра полуфинальная. На Большой Компотный кубок.

— Игра... — задумалась мама. — Может, и правда — не надо. Понимаешь... Только смотри, Яша, это между нами. Просили тебя помочь в одном деле. У нас рекламная передача идет на телевидении. Игрушки рекламируют. Ну, вот меня и спросили — не можешь ли ты помочь... Ведь неинтересно,

Е. Мельников

КУПИТЕ ИГРУШКИ - НЕ ЖАЛЕЙТЕ ДЕНЕГ

Рисунки Б. Семенова

когда игрушки взрослый показывает. Но, раз у тебя Кубок... Я позвоню сейчас...

Яшка просто ошалел:

— Меня по телевизору будут показывать?

— Да нет, — говорит мама. — Я сейчас позвоню, скажу, что не сможешь...

— Зачем! — заорал Яшка. — Зачем звонить? Отменяется полуфинал! Все меня по телику смотреть будут!

— Хо-хо-хо, — сказала мама. — Звезда голубого экрана. Выдающийся троечник нашего времени — Яша Пяткин. Спешите видеть!

— Я не скажу! — завопил Яшка.

— Что не скажешь?

— Я никому не скажу про телик!

— Никому? — спросила мама.

— Ни-ни, — прошептал Яшка.

Мама оценила Яшкину жертву и ушла на работу. А он пошел в школу.

Весь первый урок, всю арифметику Яшка размышлял о своей горькой судьбе. Подумать только! Вместо любимой теледикторши, вместо популярного телевизионного режиссера, там, на сизо-голубом экране, будет он, Яшка. Ну, пусть с игрушками. Ну и что? Может быть, самолеты будут? Или машины заводные? Даже интересней! Но никто! Никто! Из четвертого «б» никто его не увидит! Где же правда на этом свете?

— Что? — спросил Петя Болдырев.

— А что? — испугался Яшка.

— Что ты бормочешь?

— Репетирую! — вдруг брякнул Яшка.

Он почувствовал, какими прозрачно-яркими становятся его уши, но его уже понесло.

— Понимаешь, Петя... Меня по телику сегодня покажут. Игрушки и меня. Рекламная передача. Я никому не сказал. Только тебе. Ты же близкий друг. Ты не говори никому. Понял? Дай пионерское.

— Гадом буду, — ошеломленно прошептал Петя.

На перемене к Яшке подошел Лева Рязов.

— По телику выступаешь? — независимо спросил он.

— Тише, — зашептал Яшка. — Понимаешь, просили. Только ты — никому! Чтобы только свои. Ну, близкие друзья...

— Славы боишься? — надменно спросил Лева.

На следующей перемене на Яшку тарачил глаза весь четвертый «б».

Птичкина, высунувшись в коридор, орала:

— Пяткин! По телику! Сегодня! Игрушки! Будет!

К концу урока об этом чрезвычайном событии говорила вся школа. Наряду с почитателями Яшкиного телевизионного таланта появились и завистники.

— Купите игрушки! Не жалейте денег! — ехидно выкрикивал невесть откуда взявшийся Щелкин.

— Ну, я этому Щелкину, честно, морду набью! — не выдержал Яшка.

— Обалдел, — перехватил Яшку Петя Болдырев. — Он тебе по носу. Или синяк под глаз. И привет. По техническим причинам!

— Что? — удивился Яшка.

— Телик! Вот что! Твое выступление, — сказал заботливый Петя.

«Точно, — подумал Яшка. — Тогда все сорвется. Пропадет все из-за мусорных этих обстоятельств. И хладнокровно пошел домой. Мыть уши!

Игрушек было довольно много. Машины, сабли, пистолеты, всякое другое добро и даже куклы.

«Вот уж куклы ни к чему, — подумал Яшка. — Что я, девчонка?!»

Телевизионный режиссер поздоровался с мамой, внимательно посмотрел на Яшку и произнес:

— Велик мужчина! Не испугается?

— Чего там, — громко сказал Яшка. — Вам страшнее было.

— Это когда? — спросил режиссер.

— Когда тигра за хвост держали.

— Видел? — удивился режиссер.

— Всем классом смотрели!

Бесстрашный режиссер, на глазах у всего города державший за хвост тигра, смущенно хмыкнул и сказал:

— Ну ладно! Давай-ка поработаем. Нравятся тебе игрушки?

— Ничего, — сказал Яшка, — хорошие.

— Правильно, — сказал режиссер. — Хорошие. Надо, чтобы они и другим ребятам понравились. Что надо сделать?

— Дать им поиграть! — ответил Яшка.

— Нет, — сказал режиссер. — Ребят много, а игрушки здесь. Нужно показать эти игрушки. Какие они интересные и хорошие. Чтобы ребятам захотелось их купить. Вот наша боевая задача. Понял?

— Понял, — сказал Яшка. — Можно я пока заведу эту машину?

— Ты перед камерой будешь заводить! И играть будешь перед камерой. Только цены не забудь называть. Они на бумажке будут написаны. И не бойся. Рядом с тобой диктор будет. В случае чего поможет! Сейчас я тебя с ней познакомлю.

Популярная теледикторша крепко пахла духами.

— Ах ты моя лапушка! — произнесла она знакомым голосом. — Как тебя звать?

— Зовут этого бесстрашного мужчину Яков, — сказал режиссер. — Ты ему помоги в случае чего.

Стол с игрушками перекочевал в студию. Возле него поставили два кресла. В одном удобно расположилась теледикторша. Сидит себе — нога на ногу. И хоть бы что. Привыкла. Каждый день показывают. Звезда голубого экрана.

А Яшке стало как-то не по себе. Ноги дрожат. Ладони потеют. А когда свет зажгли, совсем плохо стало.

— Не робей, — откуда-то сверху сказал режиссер. — Садись в кресло. Смотри в камеру. Зажжется красная лампочка — начинай. Ты слышишь — садись!

шины, — поспешно сообщила дикторша телевизионной камере.

— Можно, — согласился Яшка.

Дикторша протянула ему саблю.

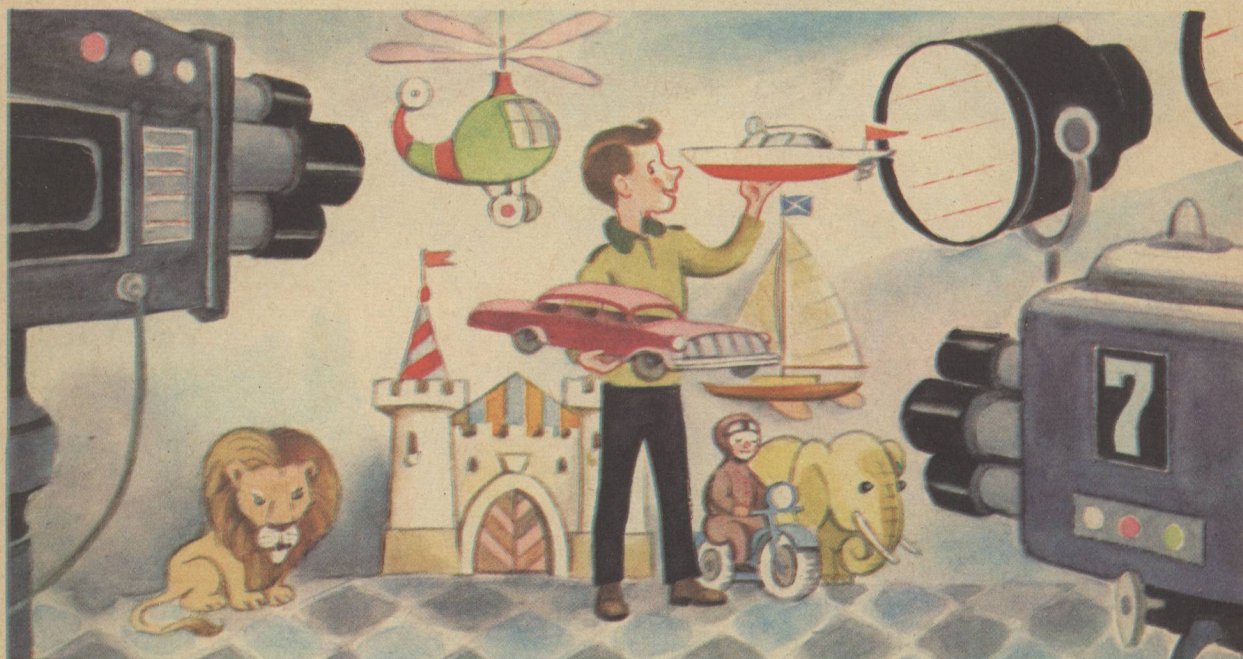
— Хорошая сабля, — сказал Яшка. Он вытянул саблю из ножен, повертел перед объективом. Потом повторил: — Хорошая сабля. Только гнется. Потому что из алюминия.

Дикторша как-то странно посмотрела на Яшку, но продолжала улыбаться.

«Ну и развеселая, — подумал Яшка. — Не соскучишься!» И уже самостоятельно взялся за катер с электрическим моторчиком. Катер понравился Яшке, он включал и выключал моторчик, трехлопастный белый винт отчаянно раскручивался и превращался в граммофонную пластинку, руль поворачивался вправо и влево, одним словом, катерок был хорош, и Яшка удовлетворенно произнес:

— Мировой катер. Хоть на выставку!

— А сколько он стоит? — спросила теледикторша.

— Я постою, — сказал Яшка.

Режиссера нигде не было. Яшка испугался, что тот его не услышит, и сказал дикторше:

— Я постою. Скажите ему.

— Хорошо, — сказал режиссер, — пускай стоит. И ходить даже можно. Ну, внимание! Поехали!

Тут Яшке совсем плохо стало. Он посмотрел на дикторшу. А она хоть бы хны. Улыбнулась телевизионной камере и говорит:

— Добрый вечер! Начинаем передачу для наших маленьких друзей.

И что-то еще она там говорила и улыбалась, пока не услышал Яшка своего имени:

— ...покажет вам эти игрушки Яша Пяткин.

Камера повернулась и наехала на Яшку своими объективами и лампочками. Яшка вздрогнул и посмотрел на теледикторшу. Та вовсе улыбалась. Потом взяла машину и, протянув ее Яшке, спросила:

— Нравится тебе, Яша, эта машинка?

Яшка взял машину в руки, повертел ее со всех сторон, словно первый раз увидел, и сказал:

— Нравится. У меня такая есть дома. Инерционная.

— Тебе папа купил? — спросила теледикторша.

— Нет, дед из Ленинграда прислал.

— В наших магазинах тоже можно купить такие ма-

Бумажка с ценами лежала перед ней. Но, видно, так было надо, видно, положено у них здесь на студии вальнуть дурака, и Яшка снисходительно сказал:

— Пять рублей стоит. Всего пять рублей.

Дальше все пошло как по маслу. Яшка показывал игрушки, говорил, какие они хорошие и сколько стоят, и что купить их можно в магазинах хоть завтра, там их полно — всем достанется.

Теледикторша со своей приклеенной улыбкой несколько раз пыталась влезть в это дело, но Яшка вежливо так сказал:

— Я сам!

Когда дело дошло до кукол, Яшка было смутился, но потом осторожно ткнул в них пальцем и сказал:

— Я, конечно, в куклы не играю. Но они тоже хорошие. С закрывающимися глазами.

Больше показывать было нечего. Яшка посмотрел на телевизионную камеру. Объективы внимательно уставились на Яшку, будто ждали еще чего-то.

Он посмотрел еще раз на игрушки, на дикторшу, поднял глаза вверх — режиссера не увидел. Молчать становилось уже неудобно.

«Что бы сказать?» — подумал Яшка.

И вдруг неожиданно для самого себя произнес:

— Купите игрушки. Не жалейте денег!

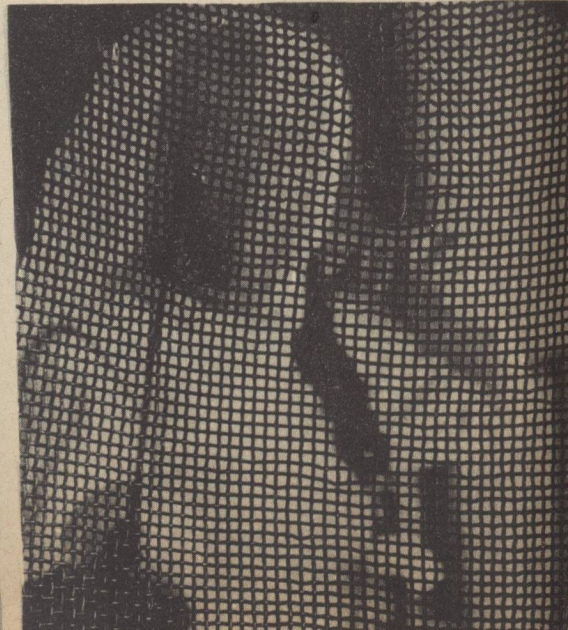
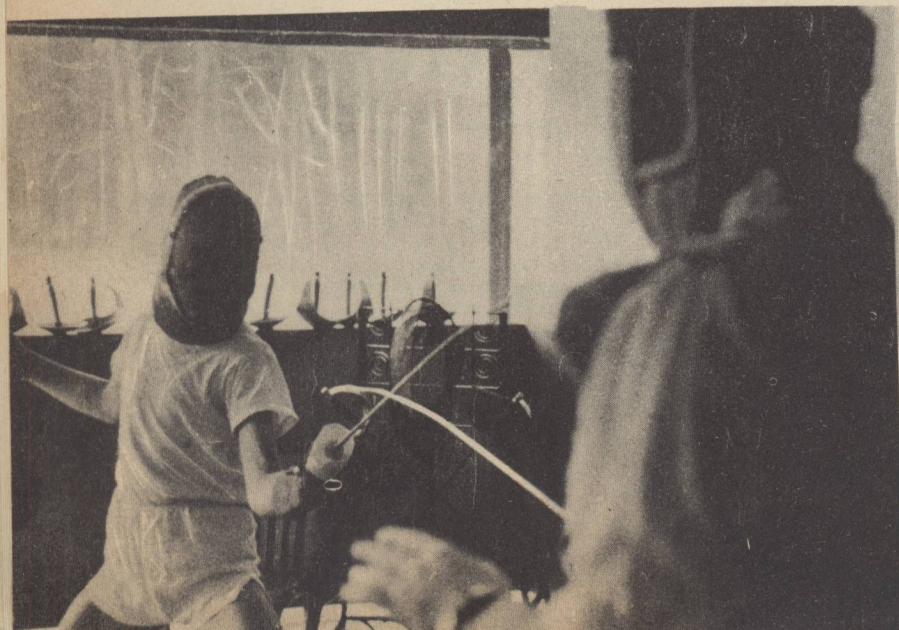

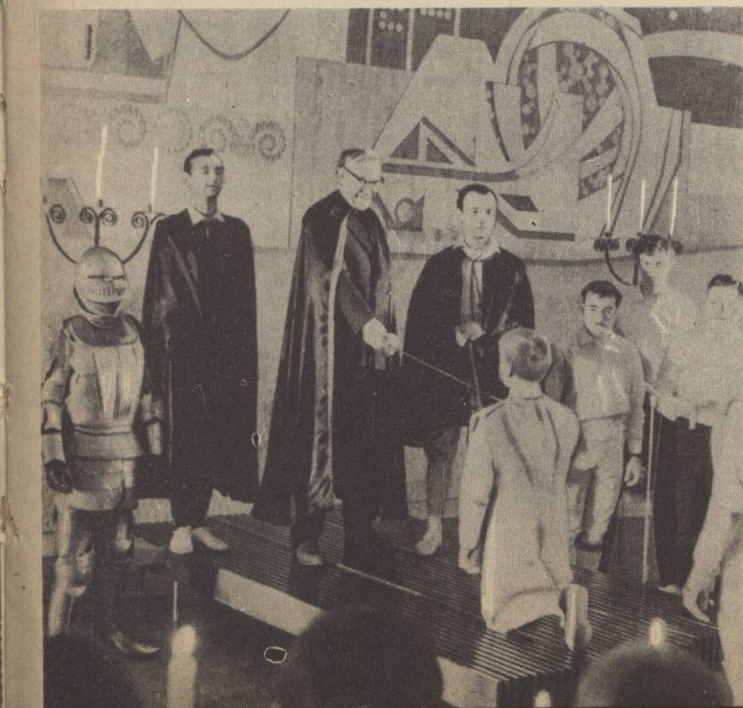
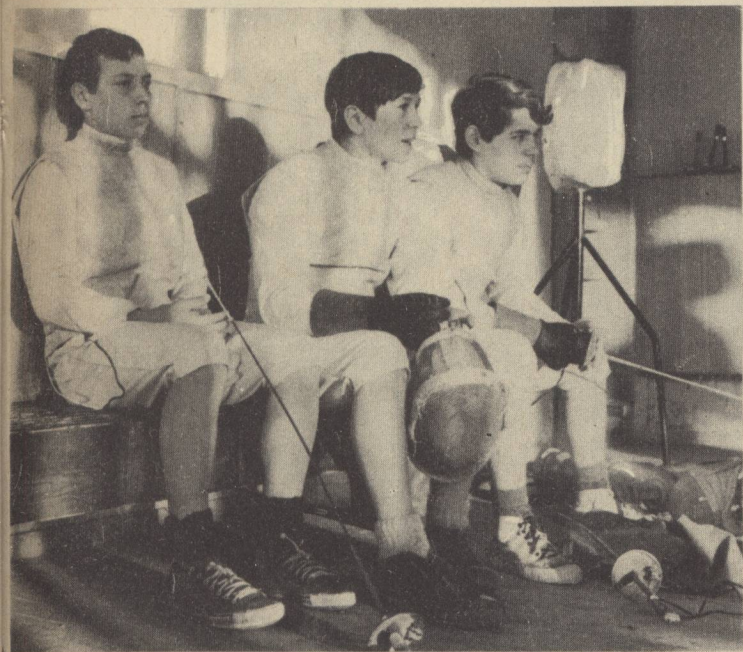
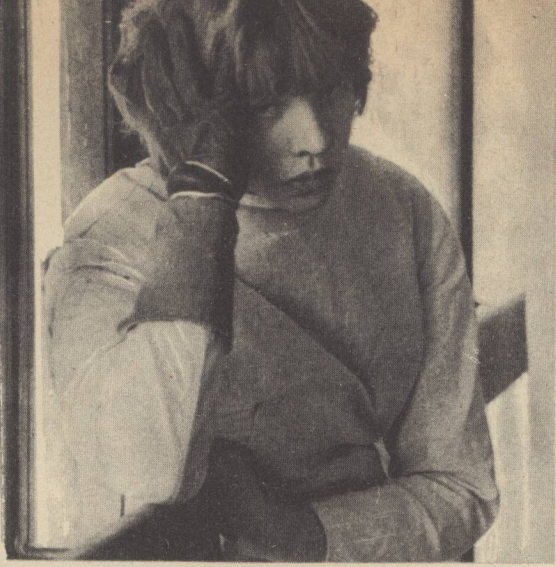
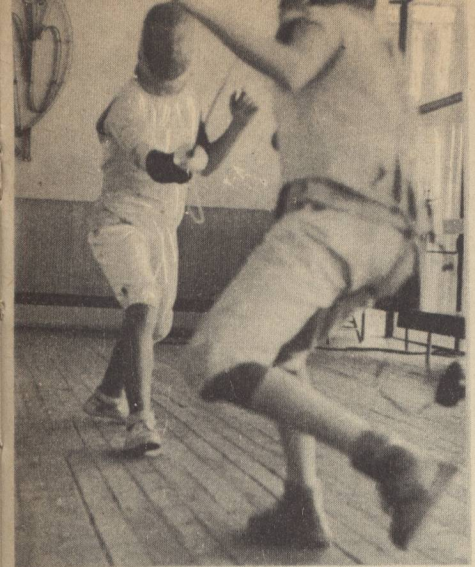
Клуб „Виктория“

Бывает так. Прилип человек носом к стеклу, увидел интересную игру, заманчивые спортивные снаряды, подошел к тренеру, записался, приняли...

В этот спортивный клуб принимают только после года занятий.

Нужно познать горечь поражений и радость побед на фехтовальной дорожке, нужно научиться видеть противника сквозь решетку маски и предугадывать его движения, нужно заниматься музыкой, пластикой, ритмикой, боксом, самбо, французским языком, прежде чем в торжественный день острие президентской шпаги опустится на твое плечо, — «коллегия капитанов» и почетный президент клуба академик Л. А. Лаврентьев сделают тебя полноправным членом клуба «Виктория».

Занимайся своим спортом бескорыстно и с абсолютной преданностью.

На дорожке и вне ее веди себя как спортсмен и гражданин своей страны.

Не рассуждай о фехтовании, пока не научишься фехтованию и его правилам.

Учись проигрывать с честью и побеждать с достоинством.

В любом случае уважай своего противника, кем бы он ни был, — постарайся всеми силами победить его в бою.

Помни, что до последнего укола, удара твой противник еще не победил.

Лучше спокойно принять поражение, чем воспользоваться победой, одержанной нечестно.

Из кодекса Новосибирского клуба юных фехтовальщиков „Виктория“.

Фоторепортаж Л. Полякова

Эту историю мне рассказали в 1921 году в Баку, где я работал под руководством председателя Азербайджанского ЧК Георгия Александровича Атарбекова. И лучше, пожалуй, ее начать с конца.

... Резкий двойной свист донесся до Атарбекова откуда-то сзади. Шум свалки, истошные вопли, выстрелы — все эти звуки чекист воспринял почти одновременно. Выхватив маузер, он бросился к калитке, уже слыша за собой топот ног наряда, бегущего от общежития.

Что случилось?

На мостовой дрались трое. Паренек, лежавший навзничь, обхватил обеими руками ногу крупного плечистого мужчины, а тот бил его рукоятью нагана. Второй паренек, в свою очередь, молотил взрослого по лицу, по плечам и вопил: «Пешка, Пешка!»

Чекисты немедленно арестовали всех троих, обыскали и повели в дежурное помещение. К ним тут же подбежали еще двое пареньков, совсем мальчишек: «Дяденька Атарбек, дяденька Атарбек, — говорили малыши, — это наши ребята, мы с ними!»

*

Самому старшему, Кольке-морячку, было пятнадцать лет; коренастый, подвижный, голубоглазый, именно он верховодил в дружной четверке. Второго в компании звали Ларчиком. Всем своим видом, всеми движениями и жестами он как бы сразу утверждал, что ему, бывалому беспризорнику, ничего в жизни не страшно. Малышам же, пронырливым, смешливым, Мотьке и Пешке, исполнилось по двенадцать лет.

В Баку они недавно приехали из Астрахани и в первый же день попали в облаву.

— Драпайте! — крикнул Пешка и успел юркнуть в какую-то щель между домами. Но остальные опоздали удра-

пать и уже через пять минут с кучкой разного подозрительного люда стояли, прижатые цепью вооруженных людей к стене дома.

Было не до шуток, и тем не менее ребята заулыбались, когда увидели, как Пешка, расталкивая милиционеров, пробирается внутрь цепи со словами:

— Пустите меня, дяденьки! Там мои товарищи!

Всех задержанных привели на большой двор, огражденный

Георгий Александрович Атарбеков

высокими стенами. Здесь их обыскали и заперли в подвальное помещение, довольно сухое, чистое, с нарами вдоль стен. Помещение освещалось тремя окошками (слишком маленькими, чтобы в них вылезть), расположенными под самым потолком.

— За что это нас? Мы же никакого «дела» еще не успели сработать! — возмущенно говорил Пешка.

Утром их вывели. С ухарским безразличием смотрели они на приближающихся людей в галифе, кожаных куртках и фуражках защитного цвета.

— Смотри, Атарбек идет! — приглушенно сказал один из

ЗАСАДА БЕСПРИ

ИЗ ЗАПИСОК

Г. Гроз

Рисунки А. С.

беспризорников. — Сейчас определит к месту!

— Кто?

Действительно, сам Атарбе-

ков остановился перед беспризорниками. Широко поставив ноги и наклонив голову, он пристально смотрел на ребят, переводя глаза с одного лица на другое.

— Ах, какие хорошие парни! Глаза смышленные, физиономии умные, тела закаленные. Сила! Отряд! — Он посмотрел на своих спутников, то ли спрашивая их мнение, то ли ожидая подтверждения своим словам. — А чем занимаются? Бездельничают, бродят по стране, благо она большая, есть где походить, покататься! — Атарбеков сделал паузу, сунул руки в карманы кожанки и подошел вплотную к группе беспризорников. — Зна-

РИЗОРНИКОВ

ЧЕКИСТА

бух

олозубова

ем, туго пришлось вашей братии! Многие рано оторвались от родного дома. Но теперь у нас своя, родная Советская

ящики с хлебом. Внимание ребят мгновенно переключилось на еду, и скоро они уже лежали на дворе, где попало, сытые, утихомиранные, подставив солнцу набитые животы.

Вечером их развели для отправки по детдомам.

— Посмотрим, какие хоромы там мама-Атарбек для нас завел! — серьезно произнес Ларчик, забираясь в вагон.

Но — увы! — в колонии друзья не прижились. Воспитателями в ней подобрались слу-

Концерты они давали чаще всего в порту, где всегда находилось много слушателей. Обязательно исполняли свою коронную вещь — «Два брата», о трагической судьбе двух братьев, оказавшихся в разных лагерях, — один из них был коммунистом, другой воевал в банде.

Песня рассказывала о близких, понятных, недавних событиях. Поэтому публика сильно переживала, когда взвивались звонкие голоса ребят:

Мотыка — Матвей Никитич Сурков

власть, власть рабочих и крестьян. А вы кто? Вы дети рабочих и крестьян, значит, вы дети этой рабоче-крестьянской власти, и она не может безучастно смотреть на вашу беспризорность. Мы определим вас в детские дома, где сделаетесь настоящими людьми.

Братва зашумела. Раздались крики:

— Вались ты к богу в рай с детдомами!

— Не пойдем!

— Нашел себе деток!

— Тоже мне — мама в галифе!

Ребята продолжали орать, но Атарбеков будто ничего не замечал. А тем временем на двор внесли большие бачки и

чайные люди, а всей жизнью колонистов верховодила банда великовозрастных уголовников, воров и бандитов. Это совсем не понравилось четверке Коли-морячка, и через две недели друзья убежали. Опять дорога в Баку, опять непогода, дождь, тоска. «Когда же конец блужданиям?» — все чаще думали уставшие ребята.

Им хотелось попробовать пожить по-новому: честным трудом. Завели гитару для Ларчика и мандолину для Мотыки, — так составилась «оркестр». А Колька и Пешка пели дуэтом, и получалось неплохо, потому что много души вкладывали они в свои «самодельные» песни.

«— Ваш девиз — грабежи и расстрел!
Не зову я тебя больше братом! —
И винтовку он взял на прицел...»

Слушатели вздыхали с облегчением, надеясь на справедливую расплату младшего, коммуниста, со старшим, бандюком. Но оплошал младший:

«... Курок нажимал он несмело,
Старший брат вдруг винтовку схватил,
И свершилось ужасное дело,
Грудь он младшему брату пронзил...»

Толпа ахала, пораженная

страшной развязкой. Женщины пускали слезу, а Пешка и Мотька расторопно собирали деньги в фуражки и ловко бросали в приготовленные сумки хлеб, овощи, рыбу.

Люди хвалили «артистов» и просили петь еще и еще.

Была у ребят и песня собственного сочинения — «Песня о комбриге Кочубее». О тяжелом неравном бое, когда иссякли силы кочубеевцев: падали с

коней сраженные воины и по несколько повязок уже белело на телах израненных конников. Гибнут лучшие дружки, боевые товарищи батьки. И когда, казалось, вот-вот дрогнет бригада, повернет с поля боя, и достигнет ее смерть на лезвиях белогвардейских сабель, — вот тогда и вылетела в страшном галопе личная сотня Кочубея. Вел ее сам батько. И словно цветы рассыпались по всему полю, — гнедые кони, синие черкески, малиновые башлыки, белые папахи:

*«В бой бросает Кочубей
Белых лебедей.*

*Скачет Ваня Кочубей,
Стоя в стременах!»*

Побежали беляки, усыпая своими телами бескрайние равнины, скрываясь в стремительных водах Кубани, погибая в ее потоках...

Воровать ребята совсем бросили. Жили сначала в Баладжарах, в подвале, а потом их приютил пристанский сторож, старик Али-Гусейн — любитель музыки. Жизнь налаживалась, стала спокойнее. Друзья приделались, не были голодны, а о будущем не думали.

Однажды Ларчик с Пешкой заметили на пустынной улице какого-то дядьку-оборванца, а за ним следом шел хорошо одетый тюрк.

Скоро ребята увидели, как тюрк шмыгнул в развалины бывшего магазина, а через минуту туда же заскочил оборванец, предварительно стрельнув глазами по улице.

Пешка зашептал:

— Сейчас дядька у тюрка «гомонок»* позаимствует, зуб дам. Давай зыркнем!

Ларчика интересовало другое: чего это шли они порознь и вдруг в одно место сиганули?

В развалины ребята вошли, как тени, — без звука, без шороха. Прислушиваясь, пробрались вперед, а когда донеслись голоса, спрятались между двух колонн, заваленных обрушившимся перекрытием. Те, двое, разговаривали спокойно, мирно:

— Все правильно, Мамед! Раньше двух ночи Атарбеков из ЧК не выходит. Идет к общежитию от угла, пересекая улицу наискосок. Против входа — решетчатые металлические ворота, знаешь? Можно уложить с одного выстрела!

— Хорошо, хорошо, нынче ночью!

Ребята прибежали, запыхавшиеся, и рассказали Кольке и Мотьке об услышанном. Что делать? Тут было о чем подумать!

* Кошелек

Атарбеков врагом им не был. Более того, с единственной их встречи они чувствовали к нему симпатию. Атарбеков был представителем новой власти. Ее они принимали как свою, уважали, и даже что-то маленькое, может быть, совсем незаметное, делали в борьбе за нее два года назад, в бригаде у батьки Кочубея. Как же им остаться безразличными к услышанному?!

Колька-морячок первым сказал, что надо бы предупредить Атарбекова. Но Пешка — маленький ростом, однако большой хитрец — категорически возразил:

— Нельзя. За Атарбековым они следят. Увидят нас и могут насторожиться, изменить план. Может, они нас уже «засекли»? — Он помолчал, что-то обдумывая. — Надо тебе с Ларчиком сесть в засаду, во дворе против общежития. А мы с Мотькой будем вам сигналить, когда Атарбеков выйдет. Тогда уж крутите руки оборванцу: мужик он не особенно здоровый, справитесь!

Ребят прельстило, что они сами будут героически спасать предЧК, и план Пешки был принят.

В ту ночь еще более яркими казались им звезды и огни, разбросанные по берегам бухты, а с моря дул особенно прохладный ветер, принося с собой скрежет железа, грохот якорных цепей и гудки пароходов.

Место засады оказалось не совсем удачным: до ворот отсюда было не менее двух десятков метров! То была замусоренная щель между дворовой уборной и кирпичным забором, — Ларчик с Николаем еле втиснулись туда.

К часу ночи ребята промерзли на холодном ветру, но с неослабевающим вниманием продолжали смотреть в сторону ворот.

— Почему его нет? Может, он во дворе рядом? — шептал Колька.

Но вот из подвала осторожно выползла фигура.

— Он! — встрепенулся Ларчик. — А мы с тобой еще хотели там заначиться! Вот бы засыпались!

„Оборванец“ прошел к воротам, высунулся в калитку, глянул направо и налево по улице, присел.

— Колька, — зашептал Ларчик, — а как же он узнает, когда Атарбек от угла пойдет?

— Не знаю, — только и мог вымолвить Колька. А Ларчик, поерзав, вновь прижался к уху Николая:

— Наверное, у него тоже кто-то на стреме, а? Как же там малыши на углу?

Шепот Ларчика прерывался от волнения. Казалось, он глотает слова. Колька молчал, но в голове его копошились тревожные мысли: «Может быть, малышей прибили? Может, «оборванец» от своих получил сигнал, когда выглянул из калитки? А вдруг у него там, в подвале, компания?»

Но тот спокойно сидел у ворот. Никаких сигналов до ребят не доносилось, а небо в высье вроде чуть посветлело... И тут-то Ларчик дернул Кольку за руку!

«Оборванец» перешел за левую половину ворот, прижался к стене и вытащил из кармана револьвер.

В ту же секунду донесся двойной свист — сигнал малышей. И тотчас Ларчик, выскользнув из щели, быстро помчался к воротам, Колька летел за ним. «Оборванец» обернулся на шум шагов, бросился навстречу, сильным ударом сшиб Ларчика, рванулся к Кольке, тот упал, подвернув ступню, и схватил врага за ногу, раздался выстрел, пуля чиркнула по камню и теперь уже все трое валялись на мостовой, и Ларчик во весь голос орал:

— Пешка, Пешка!..

Короче говоря, происходило то, с чего мы начали свой рассказ.

...Атарбеков сидел на табуретке и раскатисто смеялся. Сдержанно вторил ему Мотька, а Пешка улыбался, теребя в руке кромку одеяла койки Ларчика.

Колька-морячок и Ларчик лежали с забинтованными головами. Они тоже пытались вызвать на своих лицах улыбки. А что им оставалось де-

стантин Ларионов — успешно, окончил общевоинское училище, а затем специальную разведывательную школу и стал кадровым чекистом.

Владимира Николаевича Пешкова — Пешку — позже усыновил и воспитал Горбунов, заместитель Атарбекова. Из него вырос первоклассный разведчик.

лать? Это, кстати, была не первая их встреча и не первый разбор «операции», проводимый Атарбековым.

Вдоволь насмеявшись, Атарбеков заговорил:

— Ну, все, больше не буду! Все хорошо, что хорошо кончается. Храбрость у вас есть, — это главное. Но операцию вы все-таки подготовили, прямо скажу, не того... — Атарбеков улыбнулся. — Молодцы — ничего не скажешь! Большое вам спасибо! Выздоровливайте, набирайте силенок.

Жизнь четверки после этого случая круто повернулась. Ларчик вскоре уехал с Атарбековым в Армению, куда перевели предАзЧК, — уехал на правах адъютанта, «учиться делу». Учился Ларчик — Кон-

Кольку-морячка и Мотьку Атарбеков вначале определил работать на пароход «Коллонтай» кочегарами, а позже помог им перевестись в Черноморский Совторгфлот, на корабль «Балтиец». Николай Васильевич Остров — Колька-морячок — потом стал видным инженером-кораблестроителем, а в период Отечественной войны «неизвестным солдатом», представителем своей Родины в организациях Сопротивления одной из северных стран. Матвей Никитич Сурков — Мотька — до войны был крупным инженером-механиком. В 1944 году он, командир танка, героически погиб в литовском местечке Алитус.

И это ему поставлен обелиск у дороги Алитус — Каунас.

Долгие годы болгарский народ страдал под турецким владычеством. В 1877 году началась борьба за освобождение Болгарии. На помощь братскому болгарскому народу пришли русские солдаты. В совместных боях они победили врага.

Асен Босев

Сергей Алексеев

О боевых эпизодах борьбы за независимость Болгарии, о ратной дружбе болгарских и русских воинов вы и узнаете из публикуемых ниже рассказов.

Написали их два автора: болгарский, лауреат Димитровской премии, Асен Босев, и русский, советский, лауреат премии имени Н. К. Крупской, Сергей Алексеев.

Два Антона

Высоки Балканские горы. На много верст протянулись с запада на восток, разделили Болгарию на две части. С севера — равнина, с юга — равнина, посередине горы. Дыбятся, дыбятся горы, тянутся к тучам, к небесным далам. Скалы стоят, как стражи.

Русские солдаты и болгарские ополченцы в Балканских горах обороняли Шипкинский перевал. Крайним в болгарском окопе сидел ополченец болгарин Антон Антонов. И надо же — в русском окопе крайний солдат тоже оказался Антоном и тоже Антоновым.

Сидели солдаты в окопах, поглядывали один на другого. Антонов болгарский на русую голову Антонова русского. Русский Антон на чернявую голову Антона болгарского.

Потом обменялись соседи словами.

— Братушка, — окликнул Антонов болгарский Антона русского

— Братец, — позвал Антонов русский Антона болгарского.

Назвали солдаты свои имена.

— Антон Антонов, — сказал ополченец болгарский.

«Вот так прозвище русское», — поразился Антонов русский.

— Антон Антонов, — назвал русский солдат.

«Вот так имя болгарское», — поразился Антон болгарский.

Отбивают солдаты турецкие атаки, а сами все время один на другого глазами косят.

Видит болгарский Антонов, что русский солдат стреляет по врагам не сразу, а выжидает, подпускает штурмующих турок поближе. Принялся и сам так же делать. Верно поступил, чаще стал попадать в неприятеля.

Приметил Антонов русский, что ополченец болгарский перед местом своим в окопе сложил из камней щиток. Сложил такой же Антонов русский. Умно получилось — оберегает щиток от пуль.

Отобьют солдаты турецкую атаку, сами идут в атаку.

— Ура!

— Братушки, вперед!

Несутся с ружьями наперевес.

В одной из таких атак увлекся Антонов болгарский боем. Смело идет вперед. Не замечает, что сбоку, справа набегают на него турецкий солдат. Все ближе и ближе враг. Вот рядом уже совсем. Вот победно глаза сверкнули. Метнулся к Антонову штык. Э-эх, пропадай Антонов. И вдруг — что за чудо?! Сам турок летит на землю. Жив, невредим Антонов. Это на помощь болгарскому другу русский пришел солдат.

Продолжается жаркий бой. За атакой идет атака.

Увлекся боем Антонов русский. Смело идет вперед. Не замечает того, что сбоку, слева притаился за камнем турецкий солдат. Поднял турок ружье. На Антонова ствол наводит. Целит, целит. Зажмурил глаз. Потянулся солдат к курку. Э-эх, пропадай Антонов. И вдруг — что за чудо?! Вылетает ружье из турецких рук. Жив, невредим Антонов! Это на помощь русскому другу болгарский пришел солдат.

Вернулись солдаты в свои окопы.

— Братец, спасибо!

— Спасибо, братушка!

Жить бы им долго. Песни о дружбе петь. Да только — загадка судьба солдатская.

К исходу третьего дня битва вспыхнула с новой силой. Снова герои Шипки смело пошли в атаку.

Два Антона бежали рядом. Бежали рядом.

Рисунки Г. Ксенофонтова

Плечом касались. Плечом касались, стеной вставали.

Бегут два Антона, не чувят своих роковых минут. С упорством дерутся турки. Не жалеют ни сил, ни пуль. Набежали солдаты на вражеский залп. Рухнул на землю солдат болгарский. Наклонился к другу Антонов русский.

— Антон, Антон, — тормошит ополченца. — Антон Антонов! Братец! Братушка! Вставай. Не отзывается друг болгарский. По солдатской рубахе алой струйкой стекает кровь.

Поднял Антонов друга на руки. Как ношу святыню несет. Сделал шаг. Сделал два. Снова грянул турецкий залп.

Рухнул на землю Антонов русский.

Лежат они рядом, на склоне, на круче. Лежат, как бежали — плечом к плечу. Кровенеет земля под ними. Стекают на землю алые струйки солдатской крови. Встретились струйки, смешались, соединились. Впитала земля болгарская солдатскую верную кровь.

Там на высотах Шипки много осталось солдатских могил. Там болгарская кровь. Там русская кровь. Поднимись на вершину Шипки.

Скинь шапку.

Замри.

Поклонись.

Ропот

Был самый тяжелый момент на Шипке. Со страшной силой ударили турки по русским позициям. Не хватает у русских сил. Вот-вот и прорвутся враги на Шипку.

На помощь русским были посланы две роты болгарского ополчения.

Заметили турки, открыли по ополченцам ураганный огонь. Торопятся ополченцы, стремятся быстрее прийти на помощь, идут напрямую, открытым местом. Ведет болгарские роты русский офицер полковник Толстой. Бьют по стрелкам турецкие батареи.

Жах! Жах! — рвутся снаряды рядом.

Вить, вить, — пролетают турецкие пули.

Оберегает полковник солдат, ведет перебежками.

— Братушки, ложись!

Переждет полковник самый опасный огонь.

— Братушки, вперед!

И все же валит картечь ополченцев. Пристрелялись турецкие батареи. Снаряды точно ложатся в цель.

Жах! Жах!

Жах! Жах!

— Братушки, не трус! — подбадривает полковник ополченцев. — Братушки, вперед.

Бегут ополченцы, да только ропот какой-то идет в рядах.

«Недовольны», — понимает полковник.

Стал он чаще делать остановки. Не стихает солдатский гул.

Конечно, и это Толстому ясно — можно идти в обход, ложиной. За уступами скал от врага укрыться. Только дорогой прямою ближе. Все труднее, труднее русским. Важен тут каждый миг.

Жах! Жах!

Жах! Жах! — не унимаются турки.

Подбежал к Толстому поручик Градов:

— Ваше высокоблагородие, может, идти в обход?

Подумал полковник, махнул рукой. Дал команду свернуть к откосу. Свернули болгарские роты. Укрыли камни людей от турецких пуль.

Думал полковник, что шум утихнет. Однако все громче и громче солдатские голоса.

Глянул полковник. Грозно повел бровями. Позвал переводчика.

— Что там еще такое?

— Недовольны стрелки, ваше высокоблагородие! — сказал переводчик.

— Опять недовольны?! — полковник повысил голос. — Чем недовольны?

— Тем, что свернули, ваше высокоблагородие.

— Тьфу! Что же они хотят?

— Прямо идти желают.

Сбилса совсем полковник. Не понимает.

— Так мы прямо и шли. Куда же еще прямее. Сейчас недовольны. Тогда недовольны. Ну и народ собрался.

— Так они же тогда — того...

— Что того? — насупился полковник Толстой.

— Роптали они, ваше высокоблагородие, не потому, что шли под турецкими пулями, — сказал переводчик, — а потому, что не хотели идти с остановками. Стремятся быстрее в бой.

Просияло лицо у полковника.

— Вот это ну! Вот это да! Вот так народ собрался!

Повел полковник Толстой болгарские роты прямой дорогой. Вовремя пришли ополченцы. Ударили вместе с русскими. Отбили атаку врагов. Удержали Шипку.

Кувшин

Третий день не стихает на Шипке бой. За атакой идет атака. Солнце в небе огнем палит. Ружья кричат от усталости. Пушки — вот-вот и от жаркой пальбы расплавятся.

Истомились солдаты от солнца, от гари, от боя. Жажда их мучает. Давно опустели солдатские фляги. Нет на скалах нигде воды. Лишь там в ложине, в версте отсюда, пробился сквозь камни родник. Ведет к нему тропка. Едва заметная — козий какой-то след. Тропа под обстрелом у турок.

Сунулись было туда смельчаки. Ринулся первый — и тут же от пули турецкой рухнул. Рухнул второй, а затем и третий. Вот смелый еще нашелся. Летит, как стрела, четвертый. Мчит что есть силы, а все же пули не обогнал. Рухнул, как сноп, четвертый.

Лежат смельчаки убитыми. Нет за водой охотников.

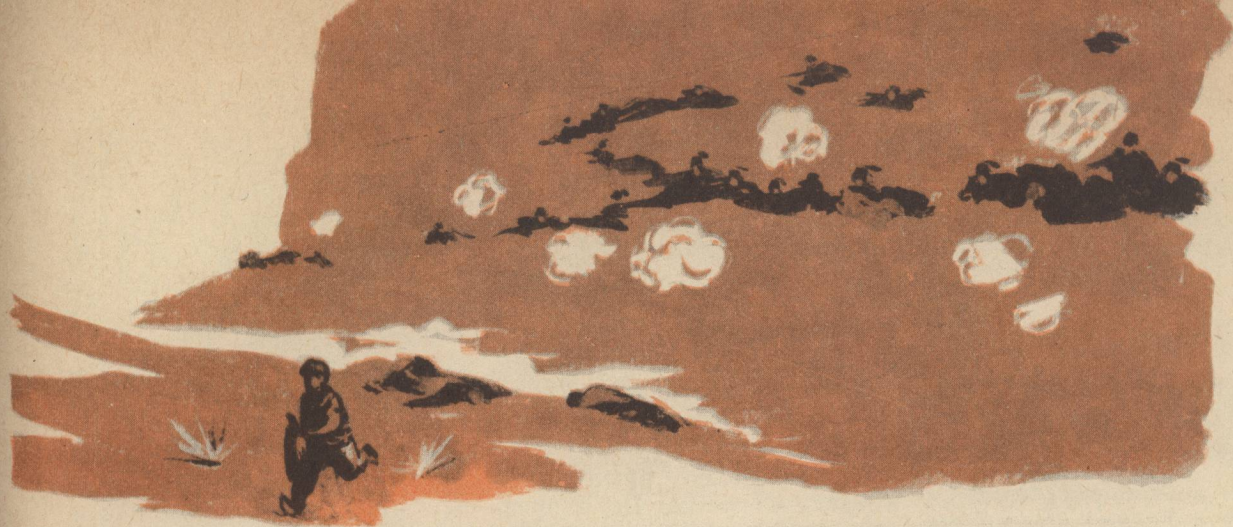
Однако нет и конца отважным. Час не прошел, как снова храбрец сыскался. Совсем молодой, красивый.

— Э-эх, была не была, — сказал молодой, красивый.

Вручили солдаты ему кувшин. Кувшин местный, непривычный для русского глаза. Горлышко узкое-узкое. Ручка серпом торчит.

Побежал молодой солдат. Наблюдают за ним товарищи.

Хоть и молод смельчак, а хитер. Бежит с остановками. То ляжет на землю, то снова вскочит. То несется подобно ветру, то неожиданно сбавит шаг. Дурит он турецких стрелков, мешая им точно целиться. И верно — пули проходят мимо.

Вот треть пробежал дороги. Вот половина уже позади.

— Ловок, паршивец, ловок, — торжествуют солдаты.

Совсем немного осталось бежать храбрецу. Вот уже рядом совсем лощина. Вот рядом уже кусты. Укроют они солдата.

— Помоги ему, господи, помоги, — шепчут бойцы на Шипке.

Не услышал господь молитвы.

Самую малость не добежал солдат. Рухнул от вражеской пули. Руки раскинул. Лежит — молодой, красивый.

А кувшин уцелел. Стоит сиротливо рядом.

Вздыхнули солдаты:

— Э-эх! Горюшко наше, горе...

И снова — к ратным своим делам.

Сколько прошло минут, точно никто не скажет. Только вдруг повернулись солдаты опять к роковой тропе. Глянули, ахнули:

— Братцы, кувшина нет!

Верно — нет кувшина на прежнем месте. Смотрят солдаты во все глаза — чудеса же бывают на белом свете!

И вдруг. Глянули, замерли люди. Из кустов, из лощины выскочил мальчик. Побежал к позициям русских. Держит в руках кувшин. Полный. Тот самый — непривычный для русского глаза: горлышко узкое-узкое, ручка серпом торчит.

— Пастушок, пастушок! — выкрикнул кто-то.

— Ох ты, дитяtko, сокол!

Замерли солдаты, впились в пастушка глазами. Не сбавляет мальчишка бег. Заметили мальчика и турки. Грянул выстрел, второй. Зачастились турецкие пули, да поздно. Пробежал пастушок самое страшное место. Вот рядом уже совсем. Вот осталось двадцать, десять. лишь пять шагов. Вот подлетел к окопу.

Тянет солдатам кувшин с водой.

— Дитяtko! Сокол!

Смотрят они на кувшин:

— Водица... Родимая...

Торжествует мальчишка. Расплылось лицо в улыбке. Держит кувшин с водой. Мол, берите, для вас старался.

Потянулись солдаты к воде.

Вдруг снова выстрел. Свистнула турецкая пуля. Ударила прямо в кувшин. Разлетелся кувшин на части. В руках у пастушка лишь черепок остался.

Глянул мальчик на черепок и вдруг горько при всех расплакался. Стянули солдаты его в окоп.

— Голову прячь, любезный. Ну что ж, если уж так случилось. Поживем и еще без воды. Терпели. Терпим. Еще потерпим. Да разве в водиче дело...

Обнимают они пастушка:

— Спасибо, герой. Спасибо.

Вытер мальчишка слезы. Глянул на истомленных жаждой и битвой солдат. Поднялся и выскочил вдруг из окопа:

— Я живо, я живо...

Побежал пастушок по камням, по уступам.

— Воды! Воды! Нет на Шипке глотка воды!

Кричал он громко, по-богатырски. Летел этот голос и в высь и в даль. Бился о скалы, мешался с ветром.

И вдруг отозвались скалы:

— Воды! Воды! Нет на Шипке глотка воды!

И вдруг зашумели сосны:

— Воды! Воды! Нет на Шипке глотка воды!

И вдруг закричали камни:

— Воды! Воды! Нет на Шипке глотка воды!

И вот совершилось чудо. Ожили Балканские горы. Из долин, из ущельев, из горных селений потянулись люди сюда на Шипку. Много их. Сотни. И стар и млад. Кувшины тащат, ведра, и даже бочки.

Кто сказал, что истомились солдаты от жажды на Шипке?

Вдоволь воды на Шипке!

СЕРИЯ ШЕСТАЯ

„ЛЕТНЯЯ ВСТРЕЧА“

1. ЙОГА, САМОХА, ДЕДЕНКО И ЧЕРЕПАХА „РАКЕТА“
2. „МЫ, ДВА КОММУНИСТА“
3. ФОТОГРАФ ИЛИ КИНООПЕРАТОР?

«Если можно, расскажите в журнале о фильме «Внимание, черепаха!» Я смотрел этот фильм четыре раза. И каждый раз наслаждался им. Расскажите, как снимался этот фильм, как подбирали актеров, кто кого играет.

Напечатайте, пожалуйста, кадры из этого фильма».

Олег Ремизовский,
6 класс, 12 лет.

Йога, Самоха и Деденко. Вы знаете этих ребят? Ну, конечно, это герои детского фильма «Внимание, черепаха!», поставленного на киностудии «Мосфильм» Роланом Антоновичем Быковым.

Сегодня мы познакомим вас с исполнителями главных ролей.

Итак, разрешите представить...

**Вовка Йога, или
Алеша Ершов**

С чего начались все неприятности с черепахой в первом классе «б»? С того, что Вову Васильева, по прозвищу Йога, Фунтик, Кашей (только на Кашея он обижается), от-

правили в Институт Питания. А почему его туда отправили? Да потому, что он ничего не ел. Даже от мороженого отказывался!

Когда я увидела Алешу Ершова, исполнителя роли Вовки-Йоги, то первым делом спросила его:

— Ты хорошо ешь?

Алеша от ответа уклонился. А его мама пояснила:

— Ест-то он все, да уж очень медленно.

Сейчас Алеша Ершов учится в третьем классе. До окончательного выбора профессии у него остается еще порядочно времени, но, чтобы потом не растеряться, он уже сейчас подобрал себе четыре: пожарник, ракетчик, десантник и танкист.

— Он даже на спортивных соревнованиях болеет за ЦСКА, — сетует Алешина мама. — А вся семья — за «Спартак». Ведь я, когда была фигуристкой, выступала за это спортивное общество.

Сейчас мама преподает иностранный язык. Папа у Алешки — математик. Алешина сестренка Ирина — большая любительница поплясать. Во время нашего разговора Алеша крутил с Иринкой скакалку — так уж ей захотелось.

— Помните, — говорит Алеша, — как черепаха Ракета ползет по колее? В картине снимались три черепахи: Ракета, ее дублерша и еще одна черепаха — электронная. Она на расстоянии управлялась. Сделали ее по спецзаказу «Мосфильма».

Решили, что в колее будет сниматься электронная. Так надежнее. Ну, ладно. Приготовились к съемке. Оператор дядя Толя Мукасей нацелил на черепаху камеру. Дали команду: «Мотор! Начали!» А черепаха — ни с места. Оказалось, в самый ответственный момент в ней что-то поломалось.

Ролан Антонович волнуется. Что делать?

Решили попробовать Ракету.

Ведь другого выхода нет. Спустили Ракету в колее, кто-то ей соломинку к носу протянул. И пошла, пошла наша Ракеточка за соломинкой и прекрасно весь эпизод «сыграла».

Вообще нам интересно было. Мы с Роланом Антоновичем подружились, и с Алексеем Владимировичем Баталовым. Он нас свистеть учил. Мы старались-старались, кто как мог. Входит дядя Толя Мукасей и говорит: «А так кто-нибудь умеет?» Да ка-ак свистнет! У нас даже в ушах зазвенело. Так никто не смог.

Алеше Ершову очень нравилась его роль, потому что на самом деле животных он очень любит.

Роль нельзя было учить наизусть, но Алеша запомнил ее с первого же чтения. Он показал мне один из снимков-кадров из фильма, где Алешка изображен идущим... по канату.

— Жаль, этот эпизод в фильм не вошел. А здорово я иду, правда? Да не-е, вообще-то это дублер, девочка из цирковой школы. А я в крупных планах только делал вид, что иду. Но все равно, когда в кино смотришь, то как будто это я...

**Таня Самохина, или
Гаяль Буданова**

Познакомившись с ней, я поняла, почему именно Гале поручили роль главной героини фильма Тани Самохиной. Ведь Гаяль и Таня очень похожи. Обе серьезные, задумчивые. Обе

КЛУБ КИНО ДЛЯ ВСЕХ,

очень любят животных. Обе москвички.

Когда картина вышла на экраны, Галя уже училась в новой школе. В старой-то все знали, что она снимается, и относились к этому спокойно. Но что стало твориться с ребятами в новой, когда выяснилось, что девочка, сыгравшая Таню Самохину, учится в их школе! Они толпами приходили поглазеть на «живую артистку».

А дома Галю ждали письма от зрителей, взрослых и детей. Кто-то даже назвал ее «эта молодая артистка». Трудно, ох как трудно было удержаться, чтобы хоть чуть-чуть не погордиться. Но она удержалась.

На память о съемках осталась у Гали кукла-мальчик в коротких штанишках — награда за хорошо сыгранную роль. Галя назвала куклу Ролан.

Не раз еще приглашали девочку сниматься. Но родители решили — дочке надо учиться. А совмещать со съемками учебу очень сложно.

Девочка по-прежнему много читает. На вопрос о том, какие книги ей нравятся, отвечает: «У меня все любимые». Из школьных предметов больше всего любит литературу и историю.

**Вовка Деденко,
или Андрюша
Самотолкин**

— Как ты можешь так любить животных? — упрекают его. Взрослые спрашивают Андрюшкиных родителей:

— Он у вас и вправду такой жестокий?

— Да нет же, нет! — уверяет Андрюшка. — Я вовсе не такой. Я люблю животных. И кошек люблю, и собак. И черепах обожаю.

Но ему не верят. Мы, мол, своими глазами видели, как ты бедную черепашку под танк пихал. Вот и докажи им, что черепаху совал под танк не он, Андрей Самотолкин, а герой фильма «Внимание, черепаха!» — бедокур и мудрила Вовка Деденко, которого сыграл Андрюша.

И вот как все произошло. Однажды Андрей был с мамой в магазине. Она что-то выбирала у прилавка, а сын разглядывал витрину. Вдруг подошла к нему незнакомая тетенька и пристально смотрит. А потом как закричит: «Граждане, чей это мальчик? Где родители этого ребенка?»

Андрюшка перепугался. Тут и мама прибежала, и лицо у нее тоже испуганное. Странная тетенька ей говорит:

— Я за вами целую улицу бежала.

А потом спрашивает Андрюшку:

— Хочешь сниматься в кино?

— Конечно хочу!..

На съемках все юные актеры сразу подружились с режиссером Быковым. Он не заставлял ребят зубрить роли — только рассказывал, что будет в следующем эпизоде. Но если вы думаете, что жизнь у Андрюшки стала сплошным удовольствием, то очень ошибаетесь. Сниматься в фильмах — значит работать наравне со взрослыми. Правда, не восемь часов в день, а три, но работать всерьез.

Вы видите на экране теплый солнечный день. Ребята «укрощают» непослушный шланг и с головы до ног обливаются водой. Снимался этот эпизод в октябре, когда и солнце не грело, и вода была достаточно хо-

лодна. Все кругом уже надели теплые пальто, а на актерах — легкие рубашки и платьица. Холодно? Ого как! А ты терпи. Ты — актер. Зритель ни в коем случае не должен догадаться, что тебе очень хочется подрожать.

Был еще такой случай. Сидит Андрей с Вовкой Манукиным (то есть с Мишей Мартиросяном, играющим эту роль) на дереве и беседует. Только начали их снимать, как Андрюшка с дерева упал. Живот его «украсился» здоровенной царапиной. Больно — даже зареветь надумал. Тут подошел Ролан Антонович, осмотрел «боевое ранение». «Молодец, — говорит, — царапина для фильма пригодится. Гримировать не надо». Андрюшка от радости даже и плакать расхотел.

Спрашиваю его:

— В каком эпизоде тебе больше всего понравилось играть?

— Когда меня Алексей Владимирович Баталов, ну, Танин дедушка, купал. Вообще-то я сначала не очень хотел сниматься в ванне, сами понимаете почему. Но Алексей Владимирович сказал: „Всем женщинам удалиться! Снимается мужской эпизод!“ — и я согласился.

И еще мне понравилось, когда я порох изобретаю. Меня для этого эпизода всего вымазали. Грима не хватило — тогда стали мазать чернилами. Четыре дня потом отмыть не могли!

— А кем ты хочешь быть?

— Хоккеистом. Или футболистом.

Пока что Андрей твердо решил: сниматься в кино он больше не будет. Но когда Эдмонд Кеосаян, что снял две серии про «неуловимых» и готовился снимать третью, спросил: «Хочешь сняться в моей картине?» — Андрей изменил решение.

*Беседовала и записала
беседу М. Павлова*

ФИЛЬМЫ ОБВИНЯЮТ

Человек облачился в высокий скафандр.

Взревел двигатель. Мгновение — и, оставив за собой огненный шлейф, машина унеслась ввысь.

В небе летит самолет военно-воздушных сил США. Внизу — земля Вьетнама.

Человек в кабине спокоен. Его самолет называют «громовержцем». На борту — фугасы, ракеты, напалм, скорострельная пушка — тысяча снарядов в десять секунд.

Пилот нажимает рычаг. Далеко внизу остаются разрушенные мосты, пылающие кварталы, пепелища на месте полевых.

Но вот рядом что-то сверкнуло. За спиной раздался взрыв. Пилот хватается за ручку катапультирования.

Раскачиваясь под куполом парашюта, он видит, как по полю бегут крестьяне. Они обступают его, едва он коснулся земли.

И вот на человеке — полосатый костюм пленника: что-то вроде пижамы. На ногах — сандалии, их подошвы вырезаны из покрывшек сбитых американских самолетов.

...Мы смотрим телевизионный фильм режиссеров Шоймана и Хайновского, поставленный на студии «Дефа» в ГДР. Шойман и Хайновский отправились во Вьетнам, чтобы снять и показать телезрителям групповой портрет пленных американских летчиков.

Одна из комнат старой виллы временно превращена в киностудию. По полу, выложенному керамической плиткой, тянутся змейки микрофонного кабеля. У стен — софиты. На штативах — две съемочные камеры.

Человек в пижаме входит в комнату. «Садитесь на этот стул! Так... Голову чуть левее... Смотрите в объектив! Начали! Ваше имя?»

И на экране сменяют друг друга десять человек. Люди как люди.

Пилота зовут Юз. Ему задают вопрос:

— Угрожал ли вам вьетнамский народ, когда вы жили в США?

— Нет, сэр.

На тот же вопрос отвечает пилот Хаббард:

— Я даже не знал, где этот Вьетнам находится...

Итак, Вьетнам ничем не угрожал им. Они не слышали о нем прежде. Но прозвучал приказ — и они, не раздумывая, отправились в полет.

На экране — развалины домов. Разрушение и смерть.

Пилот Рингдорф:

— Я бросал 750-фунтовые фугаски...

Торснеса спрашивают:

— Были у вас на борту шариковые бомбы? Вы их сбрасывали?

— Да, сбрасывал.

...Ханой. Госпиталь. В одной из палат лежит Данг Хин — учитель. Школа, в которой он преподавал, стала мишенью для американских летчиков. После воздушного налета на спине Данга появилась крошечная ран-

ка — отверстие от застрявшего в позвоночнике стального шарика. У Данга отнялись ноги.

В других палатах — мужчины и женщины, дети и старики. Все это жертвы шариковых бомб.

Пленный говорит с экрана:

— Длина бомбы около двух метров. В километре от земли корпус бомбы начинает постепенно раскрываться, и семьсот ядер разлетается на большой площади. На высоте десяти метров или при ударе о землю ядра взрываются. Их оболочка, заполненная сильным взрывчатым веществом — циклотоном, разлетается вдребезги и высвобождает из каждого ядра триста стальных шариков диаметром в шесть миллиметров. Они летят со скоростью пули, выпущенных из пистолета...

Одна из таких пулек и ранила Данг Хина.

Пленному летчику дают в руки тяжелый шлем, сплетенный из тугих соломенных жгутов.

— Как вы думаете, для чего он предназначен?

Американец недоумевает. Может быть, этот шлем носят в дождливую погоду. Но почему он слишком маленький?

— Эти шлемы носят вьетнамские ребята. Они надевают их, когда идут в детский сад или в школу, когда играют на улице возле своих домов. Шлем должен защитить от шариковых бомб.

Десять разных американцев. Одинаковый, стандартный образ мысли. Боевые вылеты — это работа, «джоб». Такая же, как работа конторщика или фермера. «Нам платят — мы летаем. Начальство приказывает — мы выполняем». Чувства вины у них нет.

За ними у позорного столба — военщина.

Фильм «Пилоты в пижамах» обошел экраны мира, получил приз на фестивале в Праге. Авторы называли неистовыми репортерами.

Кто же они?

Герхард Шойман в юности работал на берлинском радио. Но радио — это только голос. Любая речь звучит сильнее, если она соединена с изображением. И Шойман пришел на телевидение.

Вальтер Хайновский редактировал сатирический журнал «Ойленшпигель», а потом стал репортером на телевидении, делал передачи с карикатурами и мультипликациями. Здесь журналисты и встретились.

В то время поднялось патриотическое движение в Конго. В прессе появилось сообщение о кровавом пути банды карателей, наемников из «Команды 52». Решено было сделать фильм о них в форме телеинтервью с главарем бандитов — Мюллером.

К операции готовились больше года. Просмотрели тысячи метров хроники, снятой в Конго, и кадр за кадром отбирали нужные факты. Продумали сотни вопросов для Мюллера. Предусмотрели варианты его ответов. И только тогда двинулись в путь.

Им удалось сделать так, что Мюллер сам рассказывает о себе, о палачах из своей команды.

Уже в этом фильме проявилось режиссерское мастерство репортеров.

...В кадре лицо наемника. Камера чуть отъезжает — и мы видим на нем маскировочный комбинезон парашютиста. Камера укрупняет деталь — мы видим нацепленный на комбинезон Железный крест со свастикой. И снова в кадре лицо Мюллера. Он почти все время улыбается. Он говорит о смертях — и улыбается. Он рассказывает, как хотел отослать на родину в посылке череп конголезца, — и улыбается. Он показывает фото убитых, залитые кровью документы патриотов — и улыбается.

Фильм «Смеющийся человек» принес авторам всемирную известность. Едва по телевидению ГДР закончилась передача, как сразу крупнейшие телеграфные агентства мира передали отчеты о фильме.

...В одном из крыльев колоннады Бранденбургских ворот гостям немецкой столицы показывают светящуюся схему Берлина.

Город разделяет государственная граница.

В эфире границ нет. Достаточно повернуть рычажок телевизора — и на экране передачи западных телекомпаний.

Здесь, в Берлине — передовая линия фронта идейной борьбы. Здесь живут и работают Шойман и Хайновский. «Мы, два коммуниста» — так сказали они о себе в одной из своих книг.

Ю. Голубенский

хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем

Мы получили много писем, в которых ребята спрашивают, как стать кинооператором. Один мальчик с Алтая, например, сомневается, что оператору нужно иметь талант фотографа. «Чтобы стать фотографом, по моему, нужно просто приобрести навыки, но не талант... Конечно, как в фотографии, так и при киносъемках нужно чувство прекрасного, но ведь это же не врожденное качество. Пожалуйста, ответьте: могу ли я, никогда не занимавшийся фотографией, стать кинооператором?»

Прежде всего должен сказать, что талант желателен в любом деле. Есть талантливые слесари, шоферы, кинооператоры, режиссеры, и есть такие, которые просто овладели профессиональными навыками и являются средними специалистами. Не всегда профессия художника, артиста, скульптора, музыканта обозначает присутствие таланта. То же самое происходит и с фотографией.

Полистайте иллюстрированные журналы, вы увидите совершенно разные снимки. Все они выполнены профессионально, но одни сделаны талантливыми, одаренными людьми, а другие ремесленниками.

Итак, можно ли стать кинооператором, не умея фотографировать?

Известного негритянского пианиста Эррола Гарнера долго не принимали в союз музыкантов, потому что он не знал нот. Так что, возможно, есть и кинооператоры, которые не знают фотографии (я, правда, про таких не слышал). Автор письма пишет, что для оператора нужен скорее «актерский талант». Что ж, это верно. Один из самых известных советских операторов Андрей Николаевич Москвин великолепно разбирался в режиссуре, и многие актеры до сих пор вспоминают его дружеские советы, очень помогавшие им в работе над ролью.

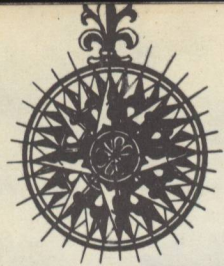
Я знал многих людей, которые обладали врожденным талантом, но транжирили его на пустыки, пустили по ветру. Знал я и людей, которые упорной работой добивались поставленной цели и становились прекрасными специалистами. Трудно да и не нужно проводить грань между талантом и упорством, талантом и трудолюбием, талантом и волей к победе, потому что упорство и трудолюбие — тоже таланты, хотя, может быть, и не врожденные.

Все ребята, которые хотят поступать на операторский факультет, пусть напишут по адресу: «Москва, ул. Текстильщиков, 15, Всесоюзный государственный институт кинематографии, кафедра операторского мастерства». Им вышлют правила приема в институт. Я помню, какими были эти правила, когда поступал сам, но с тех пор, как поступал в институт, прошло двадцать лет, и, наверно, кое-что изменилось.

Раздел ведет кинооператор Александр Чечулин

ИЛИ СОВСЕМ НЕДАВНО

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарова

Год издания 15-й

Малый каботаж

Еще вчера я шел по ночному порту к теплоходу «Сибирьлес» и не верил, что капитан Сергей Константинович возьмет меня в рейс...

А сегодня проснулся — солнце во все иллюминаторы! Я на корабле! Оглядел каюту Сергея Константиновича. Здесь и ванна, и спальня, и кабинет-гостиная.

Пока я осматривался, вошел Сергей Константинович, высокий, крепкий, с брюшком и лысиной. Жаль, что без «шкиперской» борды!

— Встал? — спросил он. — Отлично. Иди в кают-компанию, поешь. А я пойду заканчивать погрузку.

Скатился я в кают-компанию по трапу. Светлое помещение, два стола, телевизор, приемник, на

стене картина — «Катти Сарк» под всеми парусами.

С завтраком управился быстро и — вверх, на мостик, в рубку. Погрузка кончилась. Капитанский голос через усилитель показался мне громовым: «Боцмана на брашпиль! На баке — отдать концы!»

— Есть отдать концы!
— Самый малый вперед!

Затрещал звонок телеграфа, и мы пошли от причала прямо в туман. Он, как занавес, перегородил устье бухты. Солнце было выше тумана. Оно своими лучами золотило рябь на воде.

Постепенно скрывались краны, мачты приобретали неясные очертания. Но сопку с домом, где я живу, было еще долго видно.

Вечерний час. Темнеет. Солнце уже скрылось за далекими материковыми сопками. Берег виден все время слева. В рубке — пусто. Светятся шкалы приборов, стрелки машинного телеграфа замерли на отметке «полный ход». Корабль ведет авторулевой.

Зашевелились на палубе. Подходим к началу фарватера по Амурскому лиману и проливу Невельского. «Бертюль!» «Бертюль!» Я — «Сибирьлес!» Прошу лоцмана. «Бертюль!» «Бертюль!»

Вдали показался огонь. Это, наверное, «Бертюль». Сбавили обороты. Далекий огонь распался на два. Один стал приближаться.

На борт вскарабкался лоцман. Седой, сухощавый, бодрый. Попросил дать ход, задал курс рулевому. И — стал командиром судна.

Перевалило за полночь, судно все шло, подчиняясь скупым лоцманским командам. Обходило добрые огоньки буев то слева, то справа.

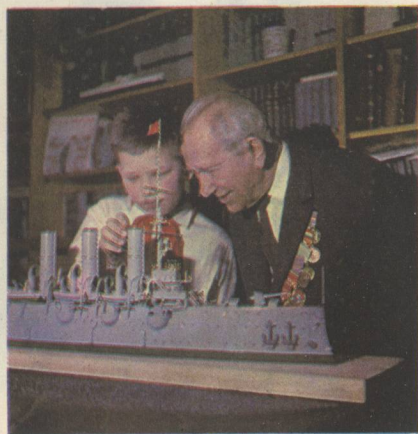
Сон сморил меня. Едва коснулся головой подушки — и уснул.

Так кончился первый день моего плавания. Кто-то сдал вахту, кто-то принял. Гудели машины, переключившись на руль, лоцман прохаживался в рубке.

Начались новые сутки.

Порт Ванино.

Толя Никифоров — юнкор «Морской газеты»

Ленинград — Ульяновску

Почти четверть века знаменитый крейсер «Аврора» стоит у набережной Невы в Ленинграде. Это его вечная стоянка.

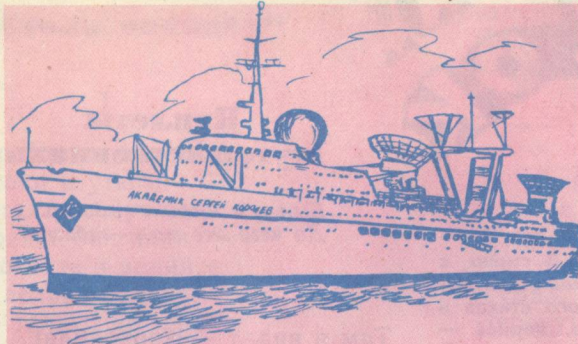
Моделей «Авроры» — тысячи. Но эта модель — единственная, особенная. Она изготовлена для Мемориала В. И. Ленина в Ульяновске к 100-летию со дня рождения вождя.

Модель в сто раз меньше самой «Авроры». Ее автор, капитан 2 ранга Ю. И. Федоров, изучал чертежи и документы времени строительства крейсера, беседовал со многими моряками-авроровцами. Кстати сказать, автор модели командует учебным крейсером «Аврора», переданным Ленинградскому Нахимовскому училищу.

На снимке первый комиссар «Авроры» А. В. Бельшев и сын автора модели Сережа

Фото Н. Науменкова и С. Турина

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ (СООБЩЕНИЕ ЮНКОРА)

На Черноморском судостроительном заводе построено и спущено на воду большое научно-исследовательское судно. Совсем не случайно на спуске корабля присутствовали летчики-космонавты СССР В. Н. Волков и В. Ф. Быковский: корабль назван именем создателя космических ракет — «Академик Сергей Королев».

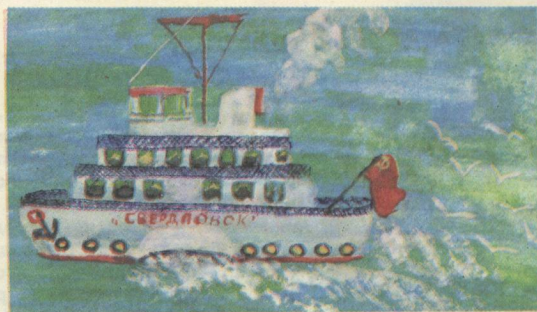
В. Заблочкий, г. Николаев
Рисунок автора

Объявление пингвина

Премии и дипломы «Голубой пингвин», «Белый пингвин» и «Желтый пингвиненок» решено ежегодно присуждать за лучшие рисунки на морские темы.

С выставки «Рисуют читатели „Морской газеты“».

«ТЕПЛОХОД „СВЕРДЛОВСК“»

Л. Валулина, г. Елабуга.

Рисунок удостоен «Голубого Пингвина» — первой премии и диплома «Морской газеты».

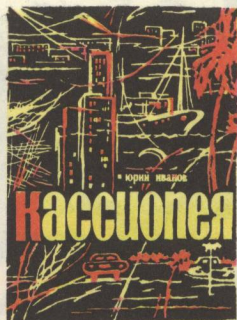
СУДОВАЯ БИБЛИОТЕКА

Отыскался след „КУПИПА“

Ваши мамы и папы, может быть, помнят Клуб Удивительных Путешествий и Приключений. Его придумал писатель Лев Успенский и рассказал о нем тридцать с лишним лет назад в «Костре».

Трое ленинградских мальчишек и одна девчонка, прочитав журнал, решили устроить свой КУПИП. Искать приключений и путешествовать.

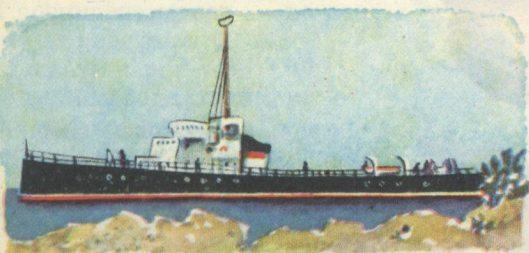
Только вот открылся их маленький КУПИП не вовремя, в мае сорок первого, накануне войны.

Погибла под развалинами разбомбленного дома Лариска, пал в бою под Лугой ополченец Аркадий. Президент клуба очкастый Володька сгинул где-то в фашистской неволе.

А последний купипец остался жив. Вырос, стал путешественником. Ловил марлинов и тунцов в тропиках, лазил в кратеры камчатских вулканов, фотографировал рыб-попугаев на карибских рифах. И написал обо всем этом — и о многом другом — книжку. Хорошую, взволнованную, просоленную свежим океанским ветром.

От имени «Морской газеты», а также от лица ветеранов КУПИПа — профессора Бабера, капитана Койкина, хитроумного Устрицына — говорим автору книги «Кассиопея» Юрию Иванову и Калининградскому издательству, которое ее выпустило, горячее «рикки-тикки-чк», что по-купипски значит «спасибо».

Это большой морской охотник. Судоводители и мотористы, матросы и юнги на нем — севастопольские мальчишки и девчонки. Это их корабль — «Юный севастополец».

Очерк нашего спецкорреспондента Г. Черкашина о севастопольской детской морской флотилии читайте в следующем выпуске «Морской газеты».

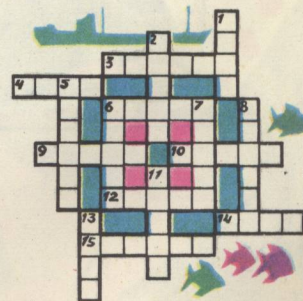
МОРСКОЙ КРОССВОРД

По горизонтали:

3 — Младшее воинское звание на флоте. 4 — Остров в Карибском море. 6 — Подводная каюта возле киля. 9 — Станок, на котором закрепляется ствол орудия. 10 — Цепь островов. 12 — Прибой. 15 — Судовое устройство для подъема грузов. 16 — Валек или шар, предохраняющий обшивку судна от удара.

По вертикали:

1 — Один из главных румбов. 2 — Безветрие. 5 — Нижний косой парус. 6 — Водная оболочка земного шара. 7 — Морской разбойник. 8 — Морское простейшее животное. 11 — Рыба. 14 — Деталь блока.

СТОЛ НАХОДОК

Глеб Горбовский
Рисунки М. Беломлинского

Несколько лет назад захотел я написать пьесу для детей. В стихах, с песнями. Веселую и забавную. Товарищи посоветовали: напиши для кукольного театра. Целый год писал. Написал. Получилось много стихов и песен. А пьесы не получилось... Стал я писать ее заново, вернее — учиться писать. И уже не для кукол, а для живых людей, для актеров. В пьесе все начинается со «Стола находок», куда приходят различные ротоzeи, потерявшие — кто шляпу, кто холодильник, а кто — страх или скуку... Кое-кто из них поет. Петъ не возбраняется даже ротоzeям. Поет геолог-путешественник, потерявший скуку, поет служитель «Стола находок», поет человек, потерявший страх, поет музыкант, который играет на любом предмете, в частности, на подушке, — «Колыбельные частушки». Поют и ребята, которые являются главными героями пьесы.

Куплеты путешественника

Был я в Африке недавно.
До чего же там — забавно!

1

Там я видел — крокодила!
В речке маленькой, на дне,
по песку — бревно ходило
и подмигивало мне!

Очень медленно
ходило
и подмигивало мне...

2

Встретил как-то попугая:
на поляне,
на пеньке
попугай — стихи читает, —
жалъ, на птичьем языке!

И болтает,
и болтает
на каком-то языке...

3

Видел я ленивца летом.
Этот зверь — на ветке жил.
За день — сдвинулся на метр,
а ведь он — вовсю спешил!

И ни с места,
и ни с места,
а ведь он — вовсю спешил!

4

Муха бегала по травке.
Рядом — слон чего-то ел.
Испугался слон козявки,
даже чуточку присел!

Испугался,
испугался,
даже чуточку присел!

**Куплеты
служителя
„Стола находок“**

1

Теряйте по дороге
мешки и утюги.
Когда устанут ноги,
теряйте башмаки!
Бросайте и роняйте,
не велика беда...
Но только не теряйте
веселья никогда!

2

Ко мне малыш ворвался,
шумит, как паровоз!
Кричит, что потерялся,
и рад — почти до слез.
Теряйтесь, бога ради,
огньи и всегда!
Но только не теряйте
веселья никогда!

3

Теряйте где попало
тоску. И верьте мне:
потеряно — немало,
а найдено — вдвойне!
Бросайте и роняйте,
не велика беда!
Но только не теряйте
веселья — никогда!

4

Теряйте чемоданы,
теряйте тишину!
Я поздно или рано
вам это все верну!
Бросайте и роняйте,
не велика беда...
Но только не теряйте
веселья никогда!

**Колыбельные
куплеты**

1

На болоте спит лягушка.
У нее — своя подушка:
ох, какой же мягкий мох!
Не беда, что чуть подмок...

2

Медвежонок косолапый
заменял подушку — лапой.
Положил ее под ушко:
не нужна ему подушка...

3

Муравей залез на ель
и уснул...
А где постель?
Нет постели...
Думал. Спал.
Передумал и — упал.

4

Где подушка?
Жеребенок
не найдет ее спросонок.
Полчаса искал упрямо,
а подушка — это Мама!

Плюс, Минус и Тимоша

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Игорь Ефимов

Рисунки И. Казаковой

Желтенький взял два стула и утащил их в угол.

Сразу же заправщица в белом халате, стоявшая в другом углу, взяла новый столик и толкнула его в их сторону. Столик поехал, виляя, по качавшемуся полу, стукнулся о качавшуюся кадку с пальмой и точнехонько подкатил к их стульям. Тимоша, стараясь ничему не удивляться, схватил в рот первую попавшуюся трубку и глотнул какой-то мерзости, похожей по вкусу на мыло с клеем.

— Ха-ха-ха, хи-хи-хи, — залился Желтенький.

Тимоша, отплевываясь, взглянул на трубку, — на ней было написано: «Мойте руки эликсиром чистоты». На других трубках стояло: «жиры», «белки», «глюкоза», «углеводы», и сколько Тимоша ни искал, так и не нашел «супа», «пельменей» или еще чего-нибудь понятного. Все же, если осторожно посасывать то из одной трубки, то из другой и потом тщательно перемешивать языком во рту, получалось что-то похожее на гоголь-моголь. На худой конец и это годилось. Вскоре он так разошелся, что с разгону плотнул из самой крайней, самой тонкой трубки, и тогда ему стало совсем хорошо — тепло, не страшно и очень весело. Улыбаясь до ушей, он стал оглядываться и смотреть, кто еще качается вместе с ними в этом загадочном кафе.

Ближе всех к ним сидели те велосипедисты, которых он уже видел раньше на дороге. Последний снял свой улыбочный зажим и грустно сосал что-то, должно быть, очень кислое. За ними сидели две девушки и разглядывали друг друга в маленькие бинокли. Такие же бинокли Тимоша увидел еще у многих, причем некоторые наставили их на стену или на потолок. Почти никто не

разговаривал, и в тишине было слышно, как плещется под полом вода.

— Хочешь поглядеть? — сказал Желтенький и дал ему один бинокль, другой взял себе.

Тимоша глянул и сразу понял, что это не бинокль, а такой маленький двуглазый телевизор.

Там показывали какое-то странное соревнование.

Два человека стояли за железными обручами, укрепленными на стойках, и по очереди кидали друг в друга горошинами. Один кидал, горошина пролетала сквозь обруч, другой ловил ее раскрытым ртом. С каждым разом горошины становились все большего размера — со сливу, с яйцо, с теннисный мяч — так что игрокам приходилось все шире разевать рот.

— Вот дает! — завопил в восторге Тимоша, когда один поймал ртом настоящий арбуз.

— Тише! Не мешайте, — зашипели на него со всех сторон.

Но тут программа переключилась и появившийся диктор сказал:

— Внимание, полное внимание. Передаем важное сообщение.

Все притихли и даже велосипедист с зажимом достал откуда-то бинокль и прижал его к глазам.

— Ранен. Доктор. Минус. Ранен. Доктор. Минус, — торжественно произнес диктор и немного помолчал, чтобы до всех хорошенько дошло. — Он находится в больнице с ушибленным коленом, с шишкой на лбу и с двумя занозами в животе. Кроме того, из него до сих пор течет вода, так как, упав в ручей, он, как говорится, наглотался огурчиков.

В зале раздались изумленные возгласы, кто-то сказал: «Не может быть».

— Все это натворил опасный преступник, — громо-

Продолжение. См. «Костер» № 5, 1971 г.

вым голосом продолжал диктор. — Преступник, обладающий страшной хитростью и коварством. Он умеет думать наоборот тому, что есть на самом деле.

Тут в зале раздался всеобщий вопль ужаса и недоверия — даже пол почему-то перестал качаться.

— Как же это?

— Наоборот!

— Думать наоборот?

— Но ведь так не бывает!

— Это невозможно! — кричали все.

Тимоша совсем сжался на своем стуле — ему очень хотелось залезть под стол.

— Найти. Поймать. Обезвредить, — командовал диктор. — Всем разойтись по домам. Запереть двери. Не выходить на улицу. Всю ночь. Будут открыты все задачи о зоопарках. Выпущены хищные звери. Ночью возможны страшные крики. На помощь не выходить. Это будет кричать преступник. Преступник, которого будут есть звери. Звери, которым безразлично, как он думает — правильно или наоборот. Итак, все — по домам. Через час откроются зоопарки. Все. Как говорится — кто не спрятался, я не виноват.

И он мерзко хихикнул.

После него сразу показали зоопарк — пантеру, бегавшую из угла в угол и молотившую хвостом по прутьям клетки, льва, аккуратно причесанного на косой пробор, и целый клубок удавов с торчащими во все стороны головами.

При виде всех этих ужасов Тимоше стало так тошно, что он отложил бинокль и крепко вцепился пальцами в края столика. Пойти во всем сознаться? Просить прощения, сделать все, что велят? Ах, какой подлец, какой жестокий, бессердечный негодяй этот диктор Минус. Нет-нет-нет, — какой умный, честный, справедливый. Бедняга — чуть не утонул. Так и надо, так и надо...

Тимоша, как затравленный, глянул по сторонам.

Все поспешно вставали и один за другим уходили из качающегося кафе.

— Что же ты сидишь? — дернул его Желтенький. — Бежим и мы.

Тимоша встал и обреченно пошел за ним.

Ужасная ночь

На улице было светло от фонарей, уходивших вправо и влево ровными рядами.

— Ну, мне туда, — сказал Желтенький, подпрыгивая на месте от нетерпения. — А тебе?

— Мне все равно, — сказал Тимоша. — То есть, я хотел сказать — мне тоже туда.

Он поплелся за Желтеньким, изо всех сил вглядываясь в темноту — ему уже всюду мерещились горящие глаза, шипенье и чмокание. Последние люди быстро исчезали в домах, то тут, то там слышалось хлопанье дверей и щелканье замков.

— Вот мой дом, — сказал Желтенький, останавливаясь у калитки.

— Уже? — сказал Тимоша. — А может, прогуляемся еще немного? Прекрасный вечер, тепло...

— Ты что?! — замахал на него Желтенький. — Ты разве не слышал?

— А-а, ты об этом. Эка невидаль — дикие звери. Неужели ты боишься?

— Я? Да у меня все кости стучат от страха.

«Самолюбия — никакого», — подумал Тимоша.

— Так это твой дом? — сказал он вслух. — Симпатичный. Интересно бы посмотреть, как ты живешь.

— Вот еще. Чего тут интересного? Как все.

— А нельзя зайти к тебе в гости? — небрежно спросил Тимоша.

Он-то знал, что бежать ему совершенно некуда.

— Куда-куда?

— В гости.

— У меня нет этого. Есть спальня, ванная, туалет, а этого... как ты сказал? гости? — этого нет. А у тебя есть?

— Да нет же, — с досадой отмахнулся Тимоша. — Гости — это не комната. Неужели ты не понимаешь? Вот я войду в твой дом — это значит, я пришел к тебе в гости.

- Но ведь это мой дом.
- Ну и что?
- Ты не должен входить в него.
- Почему же?
- Потому что это запрещено.
- Запрещено? А мы никому не скажем — никто и не узнает.
- А доктор Минус? Он посмотрит на меня и прочтет мои мысли.
- Тогда не попадайся ему на глаза.
- А доктор Плюс?
- И ему тоже.
- Но ведь так не бывает. На кого-нибудь одного обязательно хоть раз да наткнешься. Так что я лучше пойду.
- И я с тобой.
- Нет, прошу тебя. Пожалуйста, не входи.
- Хочешь, чтоб я достался зверям?
- Нет, что ты. Но ведь у тебя есть свой дом.

«Уж там-то меня наверняка караулят», — подумал Тимоша, но вслух сказал:

- Слишком далеко отсюда. Мне уже не дойти, понимаешь?
 - Нет, не понимаю, не понимаю, не хочу понимать! — завопил вдруг Желтенький и бросился к своему дому.
- Тимоша побежал за ним и, вскочив на него верхом, влетел в приоткрывшуюся дверь.
- Оба упали, дверь захлопнулась.
- Сразу же сам собой зажегся свет, и приятный голос сказал:
- Добрый вечер.
 - Здравствуйте, — сказал Тимоша, приподнимаясь на четвереньки.
 - Как вы себя чувствуете? Как прошел день?
 - Спасибо, хорошо, — ответил Тимоша, все еще не понимая, кто это говорит.
 - Начинаем вечернюю разминку для маленьких, — теперь стало ясно, что голос доносится из репродуктора. — Сколько будет пятнадцать тысяч восемьсот двадцать четыре разделить на триста шестьдесят восемь?
 - Чего? — ахнул Тимоша.
 - Сорок три, — сквозь слезы сказал Желтенький.

— Правильно. Четыреста шестьдесят восемь умножить на тридцать семь, прибавить две тысячи шестьсот восемьдесят четыре, все это разделить на сорок?

— Пятьсот, — без запинки ответил Желтенький.

— От тысячи отнимите семнадцать раз по сорок восемь.

— Сто восемьдесят четыре.

— Ответ правильный. Можете ложиться спать. Спокойной ночи.

Репродуктор щелкнул и умолк.

— Где это ты так наловчился считать? — изумился Тимоша.

— Наловчился? — переспросил Желтенький. — Не понимаю тебя. Это ведь так просто.

— Ха, просто! Да у нас в классе... — начал Тимоша и осекся.

Но Желтенький не обратил внимания. Он снова зашныкал и спросил:

— Еще не кончились твои «гости»?

— Только начинаются, — ответил Тимоша и пошел проверять, плотно ли заперты двери и окна.

Желтенький шел за ним и ныл:

— Ой, я несчастный! Ой, как мне себя жалко! Ой, будет мне... дрыбадан!

— Перестань, — сказал Тимоша. — Мне похуже, чем тебе, и то я не ною.

Улица за окном тем временем стихла и опустела.

Тимоша выключил свет, сел в кресло у окна и стал ждать. Ему было страшно, но не очень, не так, как раньше одному в пустом лесу.

— Слушай, у тебя нет случайно ружья? — немного погодя спросил он у Желтенького.

— Ружья? Зачем оно мне? Я же не охотник. И не полевой. Я обыкновенный ученик гоночной автошколы, у меня хорошие отметки, я скоро кончу и буду работать в своей задаче, а больше я ничего знать не хочу, и я ни в чем не виноват... Ты сюда ворвался не по правилам, и я тебе говорил, что нельзя, а ты все равно...

— Тише, — прошептал Тимоша. — Кажется, начинается.

Они оба замерли, вслушиваясь в странные звуки, доносившиеся из-за поворота дорожки. Казалось, что кто-то очень громко всасывает воду сквозь зубы. Потом в круге света от фонаря появилось что-то черно-зеленое, извивающееся — без сомнения, это был первый удав. Он поднимал голову к небу и безудержно зевал — видимо, привык в это время мирно спать. Но вдруг он перестал зевать и с интересом уставился на лампу фонаря. Она была сделана в форме красивого попугая, и электричество в ней тихонько по-птичьему верещало. Удав облизнулся, выгнулся, как вопросительный знак, потом прижался подбородком к гладкой поверхности столба и осторожно пополз по нему вверх. Туловище его бесшумно скользило, переливалось, собиралось в упругие пружинные кольца, потом пружина резко разжалась — ам! Удав схватил лампу своей пастью и тут же с промким шумом свалился со столба.

— У-ха-ха-ха! О-хо-хо-хо! Грах-ха-ха! — раздалось в кустах, и на площадку перед домом, сатаясь от смеха, вышел человек с большим белым котом, которого он вел на шелковом поводке. Человек был в таком же черном плаще, как у доктора Минуса, только толще его в двадцать раз и краснее лицом. Когда он смеялся, во рту его сверкали золотые зубы. Кот тоже щурился и снисходительно усмехался в усы, глядя вслед уползающему удаву.

— Ва-ва-ва-ва, — раздалось сбоку от Тимоши.

— Ты чего? — прошептал Тимоша.

— Ды-ды-ды, — стучал зубами Желтенький. — До-до-до... Доктор... пэ?:.пэ...

— Плюс? — догадался Тимоша.

Желтенький смог только кивнуть и сразу же заткнул

себе глаза и уши — точь-в-точь как девчонки из Тимошиного класса.

Тем временем белый кот перестал усмехаться и, поведя носом над землей, двинулся в сторону их дома. Доктор Плюс хотел было оттащить его за поводок, но кот скреб когтями по камням дорожки и упрямо тянулся вперед.

— Гм, — сказал доктор Плюс. — Интересно. Интересный ты зверь, котюня. Ну, что ты хочешь мне показать? Опять какую-нибудь дрянь вроде дохлой мыши? Или гнездо в траве? Или снова носовой платок, который я потерял два года назад?

Но, говоря так, он шаг за шагом продвигался вслед за котом, пока тот не дошел до домика и не начал скрести лапой под дверью, пытаясь открыть ее.

Сердце у бедного Тимоши сжалось, потом громко стукнуло, потом вдруг совсем замерло и, наконец, будто сорвалось и начало стучать, как пулемет. Но все же он ясно уже понимал, что никто ему не поможет на этом острове, — надеяться можно было только на себя самого.

Первым делом надо было что-то делать с Желтеньким. Тот совсем потерялся от страха и, пока Тимоша заставлял его встать и тащил в ванную, не отнимал рук от лица и только бормотал свое: «Не виноват... я не виноват...»

Они были почти одинакового роста, так что желтая куртка пришлась Тимоше как раз впору. Для полного правдоподобия он натянул еще и кепочку и, заперев Желтенького в ванной, побежал открывать — звонок дребезжал уже третий раз.

— Рры-ы! Рры-ы! — доктор Плюс, переступая порог, выгнул руки вперед и растопырил пальцы, как когти. — Что, испугался?

И он снова залился безудержным смехом. «Все же лучше он, чем удав», — успел подумать Тимоша.

Доктор Плюс на секунду онемел, уставясь на него с изумлением, потом похлопал по плечу и сказал:

— А ты, я вижу, тоже шутник.

«Где уж мне, — спохватился Тимоша, — разве можно кому-нибудь равняться с таким великим шутником, как доктор Плюс».

— Ну уж, ну уж... Бывает, конечно, пошутить удачно, — сказал доктор Плюс, самодовольно поглаживая себя по животу. — Слушал сегодня вечернюю передачу? Помнишь, там этот говорит: «Кто не спрятался, я не виноват»? А? Моя идея.

— Да, в кафе все ужасно смеялись, — сказал Тимоша.

— В том-то и дело, что не все, — вздохнул доктор Плюс. — Не все! — и он стукнул кулаком по стене. — Такие зануды есть еще на свете — ничем их не проймешь. Чувства юмора ни вот столько. Знаешь анекдот про мыло? Ну, как один сидит на улице, ест мыло, а другой ему говорит: «Что ты делаешь, тебя же вырвет?» А тот... гы-гы-гы... а тот... хи-хи — «попробуй, говорит, вырви!»

— Ха-ха, — с трудом выжал из себя Тимоша.

— Так, представляешь, — отсмеявшись, продолжал доктор Плюс, — этот тощий дурак Минус хоть бы усмехнулся, хоть бы из вежливости. Нет, ни за что. Эх, много бы я дал, чтобы поглядеть, как он сегодня кувырнулся. Воображаю... га-га-га... воображаю, какая у него была при этом рожа! — он снова затрясся, закатываясь, зашелся в смехе и, отирая слезы, добавил:

— Нет, этот преступник — он вполне вполне заслужил свою легкую смерть.

«Начинается пожар, домик загорелся», — попробовал думать Тимоша, но понял, что от волнения он совсем не может управлять своими мыслями, — какой-то упрямо честный голос в его голове каждый раз прибавлял к слову «пожар» слово «враки».

— А я тоже знаю анекдот, — ляпнул он, чтобы оттянуть время.

— Ну-ка, — оживился доктор Плюс.

— Один приходит в театр и говорит: дайте мне билет...

— Ну?

— А ему говорят: «Билеты только в лужу».

— Так, уже смешно...

— Он купил билет, пошел на улицу и сел в лужу.

— В лужу? — доктор Плюс застыл на несколько мгновений, выпучив глаза, потом вдруг хлопнул Тимошу по плечу и закатился таким хохотом, что задребезжали стекла в окне. Пока он хохотал, кот злобно шипел на Тимошу, выгибал спину, скреб пол когтями и натягивал ленту. И тут Тимоша понял: этот мерзкий котиче, этот дрессированный сыщик упрямо тащил своего веселого хозяина в сторону ванной. Ой, как, наверное, быстро кончится докторское веселье, если он поймет, кто стоит перед ним в желтой курточке!

— Да-а, вот это анекдот так анекдот, — говорил тем временем доктор Плюс. — Слышал, котюня? Ему в лужу, а он — в лужу. О-хо-хо-хо! Да куда ты все меня тянешь? Что-то ты, парень, не нравишься моему котюне — гляди, как он на тебя смотрит.

Все еще похихатывая, он двинулся вслед за котом. У Тимоши похолодели ноги.

Сейчас откроется дверь, огромный доктор увидит спрятанного Желтенького и все поймет с первого взгляда. Конец! Но в тот момент, когда кот уже клал лапы на дверную ручку, в Тимошиной голове мелькнула спасительная идея.

— А я знаю! — закричал он. — Я знаю, чего ему хочется. Кис-кис-кис. Иди сюда. На, на...

И он достал из кармана пузырек с валерьянкой.

Кот недоверчиво покосился на него, но, услышав манящий запах разливаемой по полу жидкости, повернул от двери, облизнулся и начал лкать.

Через минуту в домике творилось нечто невообразимое.

Опьяневший кот прыгал со стола на шкаф, со шкафа на спину доктора Плюса, со спины — на пол, и снова на стол, и снова на шкаф — по кругу. При этом он во все горло мяукал какую-то свою кошачью песню. Доктор, пытаясь поймать его, опрокидывал мебель, хохотал, грозился, бросался за ним, как вратарь, но кот ловко уворачивался. В то же время на улице раздались визг, рев, рычание, и на поляну выкатился клубок передравшихся между собой зверей. Лев, раньше причесанный на косой пробор, а теперь совершенный растреп, промчался огромными прыжками, спасаясь от града пустых бутылок, которыми забрасывали его три обезьяны. Медведь волок клетку с запершимися в ней сторожем. Вдоль улицы летела сова и методически разбивала фонарь за фонарем — чтоб не портили ей зрение. Наконец доктор Плюс схватил кое-как своего кота и, зажав его, распевающего, под мышкой, выскочил на улицу и принялся ногами расшвыривать дерущихся. Звери бросились от него наутек — постепенно шум стал удаляться все дальше и дальше. Когда все стихло, Тимоша запер дверь и, совершенно обессиленный, опустился на пол.

Но тут до него донеслось странное бульканье.

Он бросился к ванной комнате, распахнул дверь — бульканье доносилось из-под пышной пены, заполнявшей ванну до краев. Тимоша запустил туда обе руки и с трудом вытащил Желтенького на поверхность — тот уже почти совсем задохся.

— На тридцать шестом километре... Все как в задании... Сплошной дрыбадан... Я не виноват, — бормолал он.

Пришлось накапать ему остатки валерьянки — только после этого он немного успокоился и позволил уложить себя в постель.

Это не остров

Проснувшись на следующее утро, Тимоша почувствовал, что кто-то крепко держит его за палец правой руки. Он вскочил, пытаясь освободиться, но тут же понял, что никто его не держит — просто к пальцу была привязана записка от Желтенького.

«Один мальчик, — было написано в ней, — идет рано утром в автошколу. Он почти не дрожит, но думать может только о том, что было ночью. Спрашивается: что с ним произойдет, если он встретит кого-нибудь из докторов? Ответ: дрыбадан».

Видно, Желтенькому хотелось, чтобы никто чужой не мог понять в записке ни слова.

Тимоша перевернул листок — это была страница из настенного календаря. На ней было напечатано вчерашнее число, и он вспомнил, что прошли уже целые сутки, как он пропал из дому. При мысли о том, что творится с мамой и бабушкой, с него слетели остатки сна. Ведь все родители так устроены, что сколько бы они ни волновались за пропавших детей, если те найдутся, их встретят не радостью, а попреками и наказаниями. У Веньки Корабликова даже была на этот счет своя теория, которую он называл «опаздывать так опаздывать!»

— Ты пойми, — уговаривал он Тимошу, когда они ходили однажды из кино на два часа позже, потому что фильм оказался двухсерийный. — Если мы явимся домой сейчас, и твои, и мои будут только злиться, что так поздно, что обед остыл и все такое. А если пройдемся до самого вечера, то все так наволнуются, что будут просто счастливы, что мы живы и здоровы — ничего нам и не будет.

Тогда они не успели проверить эту теорию, потому что стоило им, щурясь на дневной свет, выйти из дверей кинотеатра, как Венькина тетка ухватила его за ухо и увела домой, приговаривая: «Я тебе покажу, как на двухсерийные ходить».

Теперь же Тимошину опоздание было вполне достаточным и, может, ругать его и не будут, но как ему объяснить, где он пропадал? Почему не дал знать о себе? Как мог дойти до такого бессердечия, что даже не позвонил? Но нет — обо всем этом он будет думать потом. Стоит ли ломать сейчас голову, если неизвестно еще, удастся ли ему снова увидеть маму и бабушку. Главное — выбраться! Выбраться отсюда.

Улочка перед домом была уже чисто вымыта, и над нагретым асфальтом стлались прозрачные полосы пара. Тимоша осторожно выглянул из дверей — все было тихо. Надвинув на глаза желтенькую кепочку, он вышел на крыльцо и, задрвав голову, попытался определить по солнцу, куда ему нужно идти. Солнце ничего ему не подсказало, только нагрело задранный нос так сильно, что он чихнул. Герои всех книг и кинофильмов очень легко ориентировались по солнцу и звездам, и Тимоша считал это пловым делом — стоит только поглядеть — и все станет ясно.

«Ничего, — подумал он. — Все равно этот зверский докторский остров не может быть больше озера, а озеро не такое уж большое. Нужно только дойти до берега и идти по нему по кругу — может, там найдется лодка, или катер, или хотя бы спасательный круг — что-нибудь, на чем можно уплыть домой».

Перед самым домом стоял столбик со стрелкой, сделанной из стеклянных трубок и указывавшей налево. Тимоша поглядел на нее и на всякий случай пошел направо. Улочка вскоре кончилась, и он очутился на большом проспекте, по которому густым потоком катились в обе стороны машины и автобусы в два этажа. Людей было немного, и все они шли с очень озабоченными и серьезными лицами, точно спешили по важным делам. Почти никто не разговаривал друг с другом. Тимоша тоже выглядел достаточно унылым, чтобы не обращать на себя внимания. Все же спросить, как добраться до берега, он не решился — а вдруг догадуются. Но в это время, на его счастье, к тротуару подъехал автобус с дощечкой, на которой было написано «Центр — пляж».

«Пляж! — это же как раз то, что мне нужно».

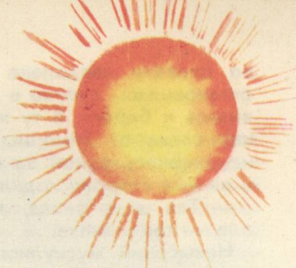
В автобусе Тимоша немедленно взобрался на второй этаж и прилип к окну.

Пестрые ленты разноцветных и блестящих, как облизанное монпансье, машин скользили внизу, загибались на поворотах, уползали под зеленые шапки деревьев; прямо на уровне лица проплывали гигантские буквы реклам и вывесок, светофоры и фонари, маляр, подвешенный в специальной клетке, цветы на подоконни-

ках, голуби, расхаживающие по перилам балконов. Проспект кончился, потянулись черепичные крыши одноэтажных домиков, красневшие в зелени садов, аккуратные прямоугольники огородов. Повсюду текла такая мирная и спокойная жизнь, что Тимоша на какое-то мгновение даже пожалел, что он отказался от такого же домика (аллея восемь, комната три), от ванны и телефона. Потом за деревьями замелькали флаги, разноцветные зонтики и навесы, сверкнул кусочек озера, сердце у него забилось, он оторвался от окна и, невежливо расталкивая пассажиров, кинулся вниз к мягко открывшимся дверям.

На первый взгляд, это был самый обычный пляж с песочком и деревянными грибочками, с вышкой для прыжков и красными железными поплавами, качавшимися на воде, даже со спасательной лодкой. Но, присмотревшись, Тимоша заметил нечто странное: выражение лиц у купавшихся и загорающих было таким же сосредоточенным и хмурым, как у тех людей, которых он видел на улице. Как будто они приехали сюда работать. У каждого на руке были часы, они часто смотрели на них и потом разом переворачивались со спины на живот или обратно. Те, кто заходил в воду, часов тоже не снимали и, плавая, сверялись со временем, точно лишняя секунда в воде грозила им смертельной опасностью. Прыгуны-ныряльщики поднимались на свою вышку с видом обреченных и падали с нее, стиснув зубы и зажмурив глаза. Тимоше тоже хотелось забраться на вышку (может, с нее заставят прыгнуть такой высоты). Поэтому он присел на краешек свободного топчана и стал осторожно поглядывать по сторонам.

То ли солнце слепило глаза, то ли воздух был слишком влажным — противоположного берега нигде не было видно. Ни паруса, ни следа моторки — ровная сверкающая поверхность. Только спасательная лодка лени-

во плавала невдалеке за линией поплавок. Вот она остановилась, словно в задумчивости, и не спеша направилась к берегу. В ту же минуту кто-то жалобно застонал слева от Тимоши. Он оглянулся: толстая женщина, держась рукой за сердце, смотрела туда же, куда и он — в сторону лодки.

— Так я и знала, что он вспомнит, — бормотала она, — так и знала.

Невысокий мускулистый спасатель, голый по пояс и точно в такой фуражке, о какой мечтал Тимоша, вразвалочку шел в их сторону. Женщина смотрела на него так, как смотрят на врача, когда тот набирает в шприц какую-нибудь гадость из ампулы.

— Что ж вы? — грубовато спросил спасатель, оставившаяся над их топчанами и сплевывая сквозь дырку в зубах. — Я жду, жду...

— Видите ли, в чем дело... — начала женщина, делая вид, что хочет встать, но не может.

— Ну, нечего, нечего, — быстро сказал спасатель. — Все так говорят. Ах, я не могу, ах, у меня слабое здоровье. Меня все это не касается. У меня задание — сто двадцать несчастных случаев в год, а там хоть все утопите. Семьдесят первый, — он нагнулся, рассматривая номер на топчане, — значит, сегодня ваша очередь.

— Я знаю, знаю. Я даже специально готовилась, но сегодня была такая страшная ночь, эти звери за окном — у меня совершенно расстроилась нервная система. Боюсь, мне не справиться. Тем более, я несколько располнела в этом году...

— Да уж, — хмыкнул спасатель, оглядывая ее фигуру.

— ...и не знаю, хватит ли у вас сил втащить меня в лодку.

— А не хватит — тем хуже для вас, — отрубил спасатель. — Будет несчастный случай не-пре-дот-вра-щен-ный. Вы идете или мне позвонить в канцелярию доктора Плюса?

— Нет, только не это! — воскликнула женщина, поспешно поднимаясь. — Но умоляю вас, не замешкайтесь, потому что я...

У нее был такой испуганный и несчастный вид, что Тимоша не выдержал и тоже вскочил со своего топчана.

— Слушайте, — сказал он. — Если вам сегодня нездоровится, я могу заменить вас. Тем более, я за последние дни, наоборот, несколько похудел, так что мне будет проще.

Женщина смотрела на него со смесью изумления и надежды.

— А это... это можно? — робко спросила она у спасателя.

Спасатель критически оглядел Тимошину фигурку, потом перевел глаза на женщину, будто сравнивая их по весу, и пожал плечами.

— А мне-то что? Мне была бы человекоединица, а вы ли, он ли — никакой разницы.

Женщина схватила сумочку и, роясь в ней дрожащими пальцами, спросила Тимошу:

— Сколько я вам должна за эту услугу? Не стану скрывать, услуга огромна, но у меня с собой только...

— Перестаньте! — воскликнул Тимоша. — Не надо мне ваших денег.

Теперь уже оба они — и женщина, и спасатель, уставились на него с таким изумлением, точно он сказал нечто неслыханное, неприличное, нелепое и невозможное.

— Гм, — усмехнулся спасатель. — Денег ему не надо. А зачем же ты тогда вылез?

— Может, вы боитесь их потерять? — спросила женщина. — Тогда я могу перевести их на ваш счет в банке.

«Какой еще счет!» — хотел воскликнуть Тимоша, но вовремя спохватился. Он вспомнил, что ему надо быть

осторожным и вести себя так, чтобы ничем не выделяться. Счет так счет. Поэтому он поспешил успокоить их:

— Я хотел сказать — пока не надо. Может, меня не сумеют спасти — зачем мне тогда деньги? А если все обойдется хорошо, я найду вас — тогда и поговорим.

— Кто это не сумеет спасти? — возмутился спасатель. — Это я-то не сумею? А ну, пошли. Я тебе покажу, ты у меня вылетишь из воды, как летающая рыба.

И он решительно зашагал к своей лодке. Тимоша, помахав женщине рукой, пошел за ним. У кромки воды спасатель, шепотом и глядя только на весла, объяснил ему, к какому поплавку нужно плыть.

— Только тонуть без дураков, — шептал он. — Я липы не потерплю. И не брыкаться. А то один недавно так дрыгнул коленом — зуба как не бывало. Видал? — и он снова сплюнул сквозь дырку. — Знаешь, что я с ним сделал? Вот попробуй только брыкаться — тогда узнаешь.

Мускулы под его загорелой кожей так вздувались и перекатывались, что Тимоше стало жутковато. Но все сошло благополучно. Выплыв на линию поплавок, Тимоша стал бултыхаться и орать так громко, что у них бы в поселке все купальщики кинулись в воду, отталкивая друг друга. Здесь же никто не обратил на него внимания. Каждый продолжал загорать, переворачиваться и плавать по часам, словно ничего не происходило. Один спасатель важно встал в лодке, достал бинокль и стал оглядывать сначала горизонт, затем пляж, и только потом — воду. Он делал это так долго, что если бы Тимоша тонул по-настоящему, ему пришлось бы проститься с жизнью. Когда лодка, наконец, приблизилась и спасатель перегнулся через борт, Тимоша нырнул, и тот, не удержав равновесия, свалился в воду. В лодку они влезли одновременно, но с разных сторон. Разозленный спасатель накинудся на Тимошу и начал делать ему искусственное дыхание с такой яростью, что он бы мог задохнуться, если б не догадался вовремя высвободить одну руку и пощекотать своего мучителя.

Потом они оба лежали на дне лодки — отдыхали. Спасатель записывал происшествие в свой вахтенный журнал, а Тимоша строил планы, как бы ему завладеть лодкой и уплыть домой.

— Как пишется «кричал»? — спросил вдруг спасатель. — «Кре» или «кри»?

— «Крю», — сказал Тимоша. — Крючал. От слова «крючок». А далеко здесь до другого берега? За сколько можно доплыть на лодке?

— На этой? Смотря кто гребет.

— Например, вы.

— Я-то? Если погода тихая, за месяц доплыву, — самодовольно протянул спасатель.

— Что? — вскинулся Тимоша. — Как это за месяц?

— Думаешь, не смогу?

— Да мой отец все озеро часов за пять переплывает. А если до острова — значит, еще ближе?

— До какого острова?

— До этого — до какого же еще?

— Ты, может, и грамотный, а по географии у тебя наверняка двойка. Какой же это остров? Это материк.

— Ага. А это, наверно, океан? — ехидно спросил Тимоша, указывая на воду вокруг них.

— А то нет, — равнодушно сказал спасатель, продолжая писать.

— А я говорю — озеро.

— Двойка тебе, двойка по географии. Даже единица.

— Озеро, озеро, озеро!

— Ну чего ты раскрючался? Попробуй воду, и дело с концом.

Тимоша, холодея от страшного предчувствия, перегнулся через борт, зачерпнул горсть воды и попробовал ее на язык.

Вода была соленая.

Сон с музыкой

Облака плыли по небу в два этажа — казалось, что они движутся навстречу друг другу. Подавленный и расстроенный Тимоша сидел в садике за домом Желтенького и из обломков мебели, оставшейся после вчерашнего разгрома, пытался соорудить костер. По дороге с пляжа он набрал немного грибов в разлинованном лесу, а у Желтенького на кухне нашел стаканчик с надписью «жиры» и занялся стряпней. Они с отцом уже не раз ночевали и завтракали в лесу. Костер у него разгорелся хорошо, грибы шипели и булькали в «жирах», и в ожидании, пока они изжарятся, Тимоша глядел в огонь и думал.

«Значит, так. С чего все началось? — вспоминал он. — Я сидел дома и решал задачу. А потом откуда-то свалился этот тип в панаме. Но откуда? С улицы он не мог зайти — я бы его увидел. Венку же Корабликова я видел и мороженое в его руке помню. Я еще разозлился тогда, что у него лицо уже отрешенное, разозлился и вскочил, и схватил себя за пятку, и хлопнул по задничку и что-то крикнул... Что же я тогда крикнул? А вдруг?..»

Тимоша перестал глядеть в огонь и потер себе лоб.

«А вдруг я случайно крикнул тогда какое-нибудь заклинание? Оно подействовало, вот я и провалился туда, где шляются из пункта А в пункт Б, гоняются на дырвых моторках и пугают детей удавами и крокодилами. И чтобы спастись отсюда, нужно узнать обратное заклинание, произнести его и...»

Тут Тимоша вскочил на ноги и принял себя как сумасшедший скакать, держа себя за пятку и выкрикивая самые бессмысленные слова, какие только мог придумать.

— Горбинизон! Пувдырмых! Сыроене-ешть! Мойтеруки! Некантовать! Фрикциион! Запсибмонтаж!

Но то ли слова были не те, то ли Тимоша держался не за ту пятку — заклинания не действовали. Грибы тем временем изжарились, он перестал скакать, с аппетитом поел их и сам не заметил, как уснул у догорающего костра.

Что за сон ему приснился тогда! Пожалуй, более нелепый, чем то, что происходило наяву.

Будто они с отцом отправились в путешествие, поплыли за озеро-океан на парусной лодке. Когда они подплыли и вышли на берег, то услышали смех и голоса, и он понял, что это ребята из его класса играют неподалеку. Откуда-то доносилась музыка — текучая,

волнистая и искристая, как вода в реке. Тимоша никак не мог вырваться из этой водяной музыки и бежал к ребятам не по-нормальному, а длинными, плавными прыжками, как танцор в телевизоре. Ребята смеялись над ним и показывали пальцами. Было похоже, что они не узнают его или не слышат, — с кем бы он ни заговаривал, ему не отвечали, а только глядели насмешливо, как на чужого. Ему стало очень обидно, и он побежал пожаловаться отцу, а они запели вслед ему марш моряков, и из марша он тоже не мог вырваться, поэтому пришлось идти, чеканя шаг.

— Брось, не расстраивайся, — сказал отец, сворачивая парус, ну точь-в-точь как он всегда это говорил. — На вот, запусти в них. Будут знать.

И он протянул ему полную корзинку теннисных мячей.

Тимоша ничуть не удивился, откуда взялось столько мячей, снова побежал к ребятам и, оказавшись в самой гуще, подбросил корзинку над головой. Мячи посыпались на ребят и на Тимошу как град. Все начали прыгать, уворачиваться и смеяться, как от щекотки. «Тимоша, перестань! Ой, хватит!» — кричали они. Снова раздалась водяная музыка, мячи начали падать все медленнее, опускались и подсакивали плавным, как воздушные шарики, кружились, и Тимоше стало так хорошо оттого, что ребята узнали его, так приятно защемило в горле, что он проснулся.

Сначала он не мог вспомнить, где находится, а потом... Потом он увидел девочку.

У них в школе было несколько довольно красивых девочек, но таких — ни одной. Она была одета как наездница или мотоциклистка, то есть в сапожки, брючки, перчатки и еще на пальце крутила автомобильные очки. Темно-зеленую блузку украсла только пара изящных эплет — как две бабочки, усевшиеся на плечах. Глаза ее смотрели на Тимошу внимательно, но словно сквозь него, и от этого у Тимоши почему-то еще сильнее защемило в горле.

— Ты к Желтенькому? — спросил он, поднимаясь с земли. — Он скоро придет.

Ему очень хотелось сделать что-нибудь, чтобы она перестала смотреть на него с таким холодным любопытством, — встать на голову, скорчить рожу, даже чуть-чуть дернуть ее за волосы, перевязанные лентой. Но нет — он почему-то чувствовал, что никогда на такое не решится.

Окончание следует

ОКЕАН-2

ЗА ОТЛИЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЭКИПАЖЕЙ НА ПОХОДЕ
ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ:

ОКЕАН-2

- командиру крейсера «Надежда» Володе Тригубенко;
- командиру подлодки «Юный пионер» Вите Галанину;
- командиру линкора «Октябрьская революция» Вадиму Пестреву;
- командиру крейсера «Новик-2» Игорю Долгову;
- командиру гвардейского эсминца «Сообразительный» Володе Кареву;

Штаб маневров «Океан-2»

Имени Сергея Марго

Девять лет тому назад, в 1962 году, когда пионерия праздновала свое сорокалетие, произошла встреча «прошлого» с «настоящим».

Пионеры отряда имени Сергея Марго познакомились с людьми, которые очень давно, более тридцати лет назад, сами были пионерами отряда, вожатым которого был Сергей Марго.

А случилось это так.

В предъюбилейные дни многие ребята смогли прочесть в «Ленинских искрах» воспоминания одного из первых вожатых ленинградца Карла Яковлевича Киккаса. Он рассказывал и о первых годах работы пионерской базы при заводе «Красная заря», и о своем друге юности вожатом Марго, погибшем во время Отечественной войны в боях за Ленинград.

Встреча пионеров из отряда Марго и марговцев. 15-й школы-интерната

Эта заметка стала для ребят 15-й ленинградской школы-интерната началом поиска. Следопыты стали разыскивать первых «марговцев», записывать их воспоминания, собирать письма и фотографии — все, что потом составило основу отрядного музея. Так родился новый отряд имени Марго.

«Марговцы» разыскали на Урале семью Сергея Марго — его жену и дочь. Пригласили их в Ленинград, помогли получить жилье.

Во время поездки в Москву предложили занести имя любимого первого вожатого в Книгу почета комсомола. Предложение было поддержано.

Шли годы. Сменилось не одно поколение пионеров, а отряд имени Марго берег старые пионерские традиции. Жил и живет интересно, деятельно. Правда, сегодня он существует при 62-й школе-интернате Ленинграда.

Ю. Левальд,
бывший пионер отряда имени Марго
Фотографии из архива отряда Марго

Есть песни, про которые даже невозможно сказать, откуда ты их знаешь. С патефонной ли пластинки, давней, еще довоенной, с голосом Эрнста Буша, или с первомайских демонстраций своих студенческих лет, или еще когда-нибудь услышал — и запомнил с тех пор навсегда:

*«И так как все мы люди,
Не дадим нас бить в лицо
сапогом.
Никто на других не поднимет
плеть
И сам не будет рабом!»*

А вот некоторые другие стихи Бертольта Брехта петь нельзя. Непривычны они для вас, но привыкать к ним надо. Верлибр... Вольный стих, без рифмы, с изощренным ритмом:

*«Я видел сон:
На площади против Оперы,
Где коричневый маляр держал
очередную историческую речь,
Очутилась вдруг огромная,
с добрую гору,
картофелина
И тоже обратилась с речью
К собравшемуся народу.»*

Картофелина предупреждает: «Или я, или маляр. Если вы его послушаетесь, вы меня лишитесь».

«Коричневый маляр» — это Гитлер, мнивший себя художником. Бертольт Брехт был из тех людей Германии, которые еще до тридцать третьего года безошибочно предвидели, какие страдания принесет миру — и самим немцам — фашизм.

Брехт надолго покинул родину. Но в передачах из-за границы, по «Свободному радио» постоянно звучали его гневные антифашистские строки.

Кроме стихов, он писал рассказы, романы, статьи и пьесы. Пьесы его особенно знамениты: существует даже целый театр, «Берлинский ансамбль», который ставит только Брехта.

Пьесы, кстати, тоже необычные. Вдруг в них прерывается действие и Матушка Кураж или, к примеру, Галилей обращаются прямо к зрителю со стихотворными речами, «зонгами».

Но драматических произведений Брехта в книжке, обложка которой здесь сфотографирована, вы не найдете. Ни «Трехгрошовой оперы», ни «Жизни Галилея», ни «Карьеры Артуро Уи».

Книжка ведь тоненькая, в ней вас только знакомят с Брехтом: с лучшими его стихами, с некоторыми рассказами,

с его размышлениями о литературе — и, наконец, с неким «господином Койнером, склонным не только шутить», человеком несколько не менее остроумным и глубоким в суждениях, чем тот, кто его, Койнера, придумал.

Брехт вообще великий выдумщик и любит сочинять полусказки с намеком. Например, о слонах: семеро слонов у господина, а восьмой — ручной. У семерых бивни спилены, а у восьмого — в порядке. Семеро работают, а восьмой их подгоняет. Но погодите, ночь уж на носу, хозяин пойдет спать, — тогда посмотрим!

Хороша сказочка?

«Марш левой, два, три, — марш левой, два, три» — в революционных колоннах, в колоннах Единого фронта борцов с фашизмом, с капитализмом, с социал-предательством долго еще будут звучать строки лауреата Ленинской премии, умершего пятнадцать лет назад Бертольта Брехта:

*«И так как ты рабочий,
То не жди, что нам поможет
другой:
Себе мы свободу добудем
в бою
Своей рабочей рукой!»*

Ф. Нафтульев

Всемирное обозрение
всяческих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Как оперировать раненый глаз? Одно неверное движение хирурга — и глаз будет поврежден еще сильнее! А оперировать очень сложно: рядом с инструментом появляется тень, она мешает заметить мельчайшие осколки, соринки, царапающие глазное яблоко.

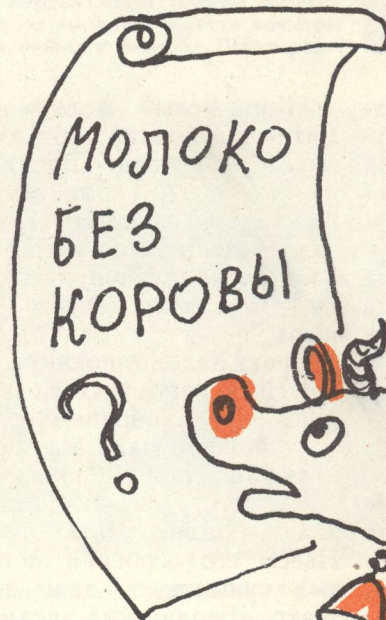
В Московском институте глазных болезней имени Гельмгольца создан крошечный пинцетик с включенным внутрь него световодом. «Светящийся пинцет» будет сам себе освещать операционное поле!

8 мая прошлого года в восемь часов утра раздался громкий треск над городом Яготин Киевской области. Кажется, разламывается дерево! Но деревья остались невредимыми. Небо тоже было безоблачно. И погода стояла теплая. И тут же в переулок Артема упала сверху глыба весом в 15 килограммов. Откуда? Оказывается, из космоса. Она раскололась на несколько зеленоватых кусков льда. Они быстро начали таять, оставляя белый налет, похожий на соль.

Этот лед содержал аммиак, метан, другие газы и космическую пыль. Неужели это было ядро ледяной кометы?

Швейцарские ученые взяли листья ячменя, клевера, овса, ржи, пшеницы, выделили из них белки, подогрели, профильтровали, сварили, просушили, смешали с другими питательными веществами, удалили яды... И получили натуральное коровье молоко.

Возможно, что скоро так — без коров! — будут получать молоко не только в лабораториях, но и на специальных заводах.

Вы знаете, какое дерево самое легкое на свете?

Это бальса, которая растет в Эквадоре. Она в два раза легче пробки.

Бревно из бальсы один человек поднимет без труда! Из бальсы сооружали плоты древние инки и знаменитый путешественник Тур Хейердал. А сейчас на эквадорских аэродромах можно встретить самолеты, сделанные из бальсы!

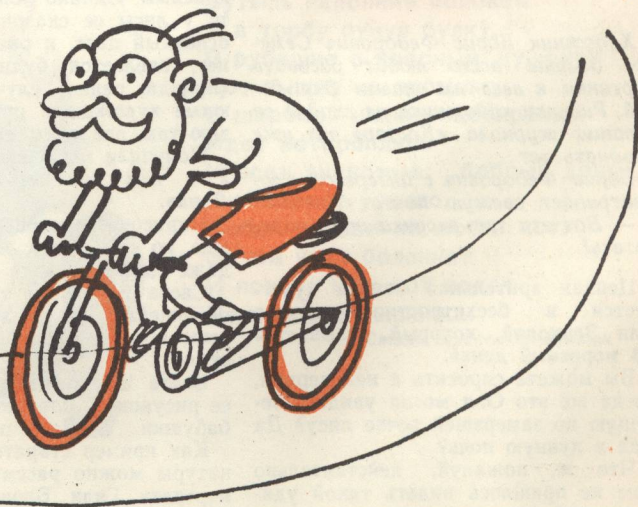
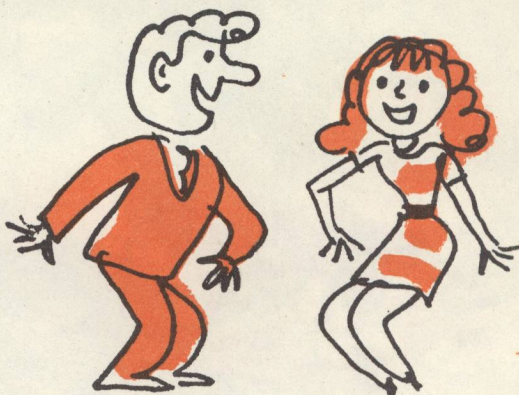
Как освободить от стульев зал заседаний, если после торжественной части вам захотелось потанцевать? Обычно в этом случае стулья грудами громоздятся в углах и соседних помещениях. Итальянский архитектор Фраттини придумал новые стулья со специальными углублениями: их можно вставлять один в другой!

Самое страшное, что может произойти при автокатастрофе, — взрыв бензобака и пожар, охватывающий машину. В США изготовлена одежда из синтетиков, способная выдерживать пламя в тысячу четыреста градусов!

Один гонщик в такой одежде выстоял в огне полминуты. Чтобы выбраться из полыхающего костра, больше времени, видимо, и не требуется.

70 лет мечтал Август Фумео стать чемпионом Югославии по велосипедному спорту. И вот на 83-м году жизни он стал победителем чемпионата... ветеранов. Между прочим, дистанция у «старичков» была не маленькая — 159 километров.

Вот что значит спортивное упорство!

«В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ» Оля Зенкова

«МОЯ БАБУШКА ЛЕНА»
Света Ш.

Художник Борис Федорович Семенов больше всего любит рисовать картинку к веселым книгам для детей. Рисунки художника не сходят со страниц журнала «Костер» вот уже тридцать лет...

Борис Федорович с интересом просматривает свежую почту «Костра».

— Вот эти три рисунка надо напечатать!

Цепкая зрительная память чувствуется в бесхитроном рисунке Оли Зенковой, который называется «В морозный день».

Вы можете спросить с недоверием, когда же это Оля могла увидеть бегущую по замерзшей речке лису? Да еще в лунную ночь?

Что ж, пожалуй, действительно Оле не пришлось видеть такой удивительной картины, но создавала она

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

ее, используя когда-то увиденное и запомнившееся. Удачно передано в рисунке скользящее по поверхности льда отражение лисицы. Хорошо подчеркивают ее быстрый бег стремительные штрихи под ногами... Луны на рисунке нет, мы ее не видим, но лунный свет на вершинах снежных холмов, на жестких заснеженных ветках, — тоже удача юной художницы.

Кое-каким придирчивым читателям цвет лисицы покажется чрезмерно красным. Однако попробуйте отнестись у лисы ее сказочный, прямо-таки огненный цвет, и рисунок сразу увянет, сделается будничным. Бывают (правда, редко) случаи, когда наши юные художники проявляют фантазию там, где не следует.

Получили мы письмо от Светы Ш., а в нем рисунок «Моя бабушка Лена».

Нарисовать человека с натуры, да еще во весь рост, нешуточное дело даже для взрослого художника...

Света вычертила старушку словно по линейке. Так же аккуратно вычерчены прялка, оконная рама и ножки стула...

Света Ш. убеждает редакцию, что ее рисунок — портрет ее собственной бабушки... В это поверить трудно.

Как пример старательной работы с натуры можно рассматривать «Автопортрет» Гали Бровчук (акварель). Правда, не все одинаково удалось

«АВТОПОРТРЕТ» Галья Бровчук

Гале в ее работе. Следовало бы избежать грубого контура, очерчивающего подбородок и шею... Но общее выражение портрета безусловно удачно.

Напряженно-внимательно глядят на нас изображение девочки. Да и невозможно не быть напряженной в такой сосредоточенной работе. Более терпеливого натурщика, чем собственное отражение в зеркале, не найдется на всем свете.

Хочется думать, что Галья Бровчук не ограничится рисованием с натуры одних лишь автопортретов. Желаем ей дальнейших успехов в ее интересной работе!

Интересен рисунок Гены Терещенко «Вызвали „скорую помощь“». Общий колорит рисунка лиловый. Гена выбрал его не случайно. В природе бывает такое состояние, когда перед рассветом или вскоре после заката наступают недолгие лиловые сумерки... Лилует небосвод, лилуется вода, почва, склоны гор...

В рисунке Любы Лейнвебер «У бабочки на дне рождения» много выдумки, диковинных персонажей.

И все же как ни хорошо раскрашена картинка, она могла бы быть еще интереснее, сказочнее, если бы Люба усадила за стол не кокетливых девочек и мальчиков в маскарадных костюмах, а смешных, неповоротливых жуков, легкрылых стрекоз, забавных усатых козявок...

**ДОРОГ МНЕ
МОЙ КРАЙ РОДНОЙ**

Петря Крученко

Дорог мне мой край родной.
Расцветает все весной,
Солнце с неба шлет лучи,
И в траве журчат ключи.

Дорог мне мой край родной.
Он прекрасен в час ночной,
В небе звездочки горят,
Серебрится виноград.

Дорог мне мой край родной.
Чуден он в полдневный зной,
Над полями спелой ржи
В небе носятся стрижи.

В небе носятся стрижи.
От межи и до межи
Наждый колос — наливной.
Дорог мне мой край родной.

Так же, как в «Костре» вы находите «Уголёк», маленькие молдаване отыскивают в пионерском журнале «Скынтея Ленинистэ» свой журнальчик — «Стелуца». «Стелуца», что по-русски значит «Звёздочка», в гостях у «Уголька»!

1

**КОТ
НА
ПРОГУЛКЕ**

Бутыль наполнив молоком
И в торбу сунув булку,
В рубашке с красным кушаком
Кот вышел на прогулку.
В широкой шляпе набекрень
Идет неторопливо
И всем знакомым: „Добрый день“,—
Он говорит учтиво.
Собак совсем не любит кот.
Зачем коту болонка?
И потому наш кот ведет
На поводке мышонка.

Стихи перевел М. Еремин

Как сделать «Уголек» см. в «Костре» №1 за этот год

ТЕЛЕФОН

Михаил Чиботару

2

Лунный луч упал на травы
И тотчас со всех сторон:
Сзади, прямо, слева, справа —
Раздается треск и звон.

С абонентом голосистым
Поболтать и я бы рад,
Только где в траве росистой
Телефонный аппарат?

ТИШКА

Пошли мы однажды с дедушкой в лес и нашли там крошечного зайчонка. Сидит он под кустиком и весь дрожит от страха. Присмотрелась я и вижу, что трава под ним вся в крови и из лапки кровь сочится. Пожалели мы зайчонка и взяли его домой. Сначала промыли ранку, залили йодом, перевязали лапку. Тут зайчонок так рассердился, что даже укусил дедушку за палец. Вырвался из его рук, умчался под лавку и затих. Несколько дней он дичился людей и не выходил из своего убежища. Лишь старательно поедал стебельки заячьей капусты, которую я приносила из лесу. Потом привык к нам, стал совсем ручной, подружился с соседским котом Васькой. Иной раз пойдет Тишка на огород морковкой полакомиться. Интересно наблюдать за ним. Сядет на грядке и давай лапами работать. Выкопает несколько штук, съест две, а остальные Ваське принесет: «Ешь, мол, брат». Кот понюхает, лапой дернет и отойдет в сторонку.

Тишка прожил у нас все лето. Вырос, окреп, стал бояться людей. Решили мы с дедушкой отпустить его. Отнесли его в лес. Тот побегал по полянке и исчез за кустом. «До свиданья, Тишка! Может, еще встретимся!» — с грустью подумала я.

Муратова Лена, 14 лет.
Рисунки Т. Васильевой

4

БЮРО „ВОПРОС—ОТВЕТ!“

«Если у меня на большой дорожке одна дамка, могут ли ее поймать три дамки?» — спрашивает Костя Углич из Таганрога.

Только при ошибке! А чтобы не ошибиться, полезно знать следующие ловушки. (Диаграмма № 1.)

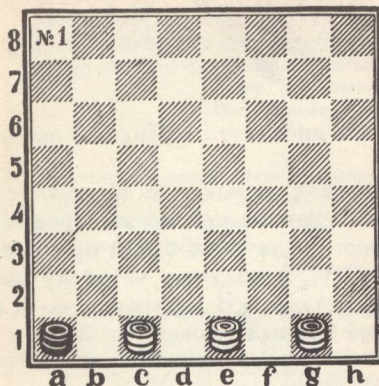
1. c1—e3 с угрозой поймать черную дамку в петлю ходом e1—c3x.

1..... a1—f6 2. e1—h4. Опять грозит петля. Кроме того, нельзя пойти 2... f6—c3 из-за 3. e3—d2 и 4. g1—f2x.

2.... f6—e5 3. h4—e7 e5—c3 4. e7—d8. Опять-таки петля нагото-

АРЧЕ БЕК

ве. А если вернуться на e5? Нельзя! (4... c3—e5? 5. d8—c7! и 6. g1—h2x).

4... c3—b2 5. e3—c5. Черных подстерегают две ловушки — если 5... b2—c3? то 6. c5—b4 и 7. g1—b6x, а если 5... b2—e5? то 6. d8—c7 и 7. g1—h2x.

5... b2—g7 6. g1—f2 g7—e5 7. f2—h4, приглашая черную дамку стать на c3. Однако если 7... e5—c3? то 8. c5—b4 и 9. h4—e1x.

Вот и все ловушки. Если черная дамка будет их избегать, то — ничья. Безопаснее всего ходить ею по полям a1, b2, g7, h8: тогда из всех ловушек остается только петля.

В КАФЕ „ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

Вчера, когда все расправились с отличнейшим жарким из трехходовок и ожидали на сладкое этуод с изюмом, заговорили об Александре Алексине, и кто-то заметил, что выиграть у него было чрезвычайно трудно. Тогда тульский рыцарь Владимир Резцов сказал:

— Это верно. В одной из партий матча с Эйве Алехин остался в эндшпиле без пешки. Его фигу-

ры — белые — стояли так: Kрb1, п. b4. А фигуры Эйве — так: Kр d5, пп. b3, b5. Эйве считал, что противник вот-вот сдастся, но Алехин имел другое мнение. И вышло вот что —

1. Kрb2 Kрс4 2. Кра3 b2!

Конечно, Эйве не пошел 2... Kрс3 из-за пата. Но он не сомневался, что сделанный им ход 2... b2 ведет к выигрышу. И вот тут-то Алехин...

Однако договорить Володя не успел: подали сладкое. Поэтому, кто хочет узнать, как Алехин сделал ничью, — пусть найдет сам.

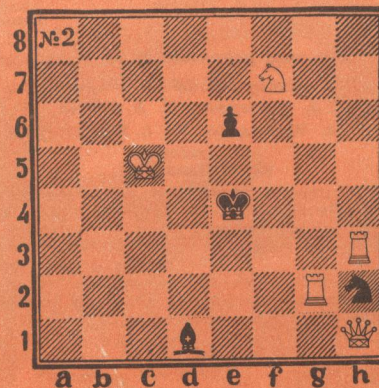
РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ!

Борьба в рыцарском турнире обостряется, важно каждое очко. А сегодняшнее боевое задание может принести вам сразу 15. На штурм!

В задаче А (диаграмма № 2) надо найти мат в 2 хода.

В задаче Б — белые: Kре4, Ла8, Cf5, п. h2; черные: Kрг5, пп. f6, h5, h6 — мат в 3 хода.

В этюде В — белые: Кра2, Фа7; черные: Кра4, Фb4, пп. a5, b6 —

белые принуждают сдасться превосходящие их силы.

Свою доблесть могут проявить и шашечные рыцари. Представьте, что вам во что бы то ни стало нужно одолеть противника, играющего черными в таких позициях. И действуйте!

А (В. Дерябин) — белые: a1, a5, b4, c1, c5, e1, e3, h2; черные: a7, b8, c7, e5, e7, f8, g5, g7.

Б — белые: a1, a3, c1, c3, e1, e3, g1, h2, h4; черные: a5, a7, b6, c5, e5, e7, f8, h6, h8.

В — белые: дамки a3, f4, простая h4; черные: дамка f6, простые h6, h8.

КИОСК „МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

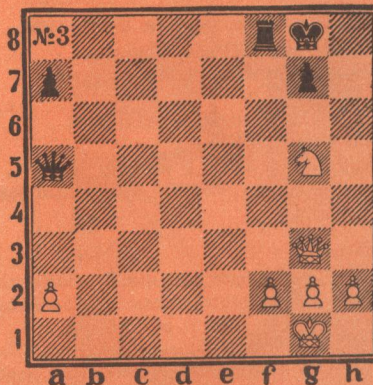
— Сколько ходов разрешается ловить одинокую дамку тремя дамками?

— Восемнадцать!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Расставь фигуры — белые: Кра1, Фе5, Ка6, п. a2; черные: Кра8, Фh3, Лf8, пп. a7, b7. Белые могут дать мат в 2 хода — 1. Фb8+Л:h8 2. Кс7X. Такой мат называется «спертым»

Боевое задание: найди, как бе-

лые объявляют спертым мат в следующей позиции. (Диаграмма № 3).

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю.

§ 1. Рыцарям и рыцаряткам доложить о выполнении боевых заданий до 1 октября.

§ 2. На конвертах помечайте «АРЧЕБЕК» и указывайте свой адрес. Рапорт присылайте один раз: дополнения не принимаются!

Шахмат-адмирал Ферзьберу

СОДЕРЖАНИЕ

Продолжение поэмы очерк Л. Пожидаевой . . .	1
Страна Поэзия Александр Прокофьев рисунок И. Харкевича . . .	5
Под водой рассказ С. Сахарнова рисунки Т. Оболенской . . .	7
Как строят дороги разговор о «Пионерском километре» продолжается . . .	18
Дикий щавель рассказ Г. Черкашина рисунки И. Харкевича . . .	22
Купите игрушки — не жалейте денег рассказ Е. Мельникова рисунки Б. Семенова . . .	28
Клуб „Виктория“ фотоочерк Л. Полякова . . .	30
Засада безпризорников из воспоминаний Г. Грабуха рисунки А. Сколозубова . . .	32
Два Антона рассказы А. Босева и С. Алексеева рисунки Т. Ксенофонтова . . .	36
Киноклуб оформление А. Януса . . .	40
Морская газета оформление Р. Попова . . .	44
Был в Африке недавно... веселые стихи Г. Горбовского рисунки М. Беломлинского . . .	46
Плюс, Минус и Тимоша повесть-сказка И. Ефимова рисунки И. Казаковой . . .	48
Имени Сергея Марго рассказывает Ю. Левальд . . .	56
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	57
Вот так штука!	58
Поговорим о твоём рисунке	60
Уголёк журнал для малышей . . .	61
Арчебек шахматы и шашки	63
Уголок веселого архиварнуса	64

На обложке рисунок Т. Оболенской
На второй странице обложки
фото Б. Ритова

На третьей странице обложки «Океан-2»
На четвертой странице обложки
«На выставке «Костра»
рисунки Н. Муратова

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтальев, А. И. Пактелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. По-
ройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь),
Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Магская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76.

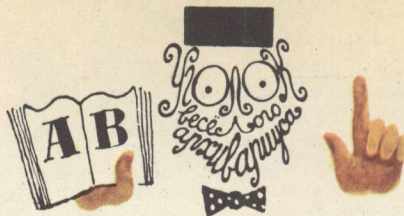
М-36136.
Тираж 600 000 экз.

Подписано к печати 27/IV 1971 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 8+обл.
Заказ № 355

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

ПЯТЕРКА ДЛЯ ФУТБОЛИСТА

В американских учебных заведениях по многу лет получают стипендию неучи, которых держат за успехи в футболе, баскетболе, бейсболе. Ведь спорт там — источник прибыли.

Когда американско-го писателя Норриса спрашивали, почему он ушел из института в Чикаго, он отвечал:

— Там очень странно ставят оценки на экзаменах. Я сдавал историю одновременно с нашим вратарем. Профессор задал нам один и тот же вопрос: когда была битва при Ватерлоо. Я ответил, что в 1815 году, и получил четверку за не совсем точный ответ. Вратарь сказал: «Я не знаю», — и получил пять за ответ абсолютно точный!

10 СЛОВ

Индийские ребята, да и взрослые, увлекаются книжками-малютками. Вся книжка состоит из нескольких слов, но если у тебя есть воображение, ты легко представишь себе целую историю.

Вот, например, полный текст одной из книжек-малюток:

«Два тигра, один охотник.

Один тигр, один охотник.

Один тигр.»

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтальев, А. И. Пактелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. По-
ройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь),
Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Магская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76.

М-36136.
Тираж 600 000 экз.

Подписано к печати 27/IV 1971 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 8+обл.
Заказ № 355

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

«Океан-2». В поисках подводной лодки (См. «Костер» № 5)
 «...Выяснили, что нападение было совершено на подлодку «Пионер-17».
 (из донесения командира крейсера «Комсомолец» Саши Низова)

«...За двадцать минут до нападения на подлодку «Пионер-17» радистами нескольких кораблей были перехвачены радиogramмы с позывными: «Эцит, Эцит... Говорит Ина-2...»

(из «Дела о нападении на подлодку «Пионер-17», том 2, стр. 16)

Командующий маневрами «Океан-2» приказывает:

1. Командирам крейсера «Комсомолец» и эсминцев «Ретивый-6» и «Сокрушительный-2» продолжать поиски подлодки «Пионер-17».
2. Всем, кто знает что-либо о позывных «Эцит» и «Ина-2», — срочно сообщить в штаб маневров «Океан-2».
3. (Совершенно секретно). Всем командирам кораблей усилить бдительность. На вооруженные провокации неизвестных кораблей ответить ударом всех ракетно-огневых средств эскадры.

«Океан-2». В походе

Донесения командиров кораблей.

«Города-герои: Москва, Ленинград, Севастополь, Одесса, Брест, Волгоград, Киев. В обороне этих городов, кроме Бреста, принимали участие военные моряки».

Командир крейсера «Михаил Кутузов» Витя Иванов

«В ходе Великой Отечественной войны 513 моряков удостоены звания Героя Советского Союза. Дважды этого звания удостоены катерник-североморец Шабалин, морские летчики Сафонов, Раков, Челноков, Мазуренко, Степанян и морской пехотинец Леонов».

Командир эсминца «Гремящий» Вова Логинов

«В основу рассказа Леонида Соболева «Держись, старшина» положен случай с одной из подводных лодок Черноморского флота, который произошел в дни обороны Севастополя. Настоящая фамилия старшины — Пустовойтенко».

Командир крейсера «Варяг» Леня Сизов

БОЕВОЙ ПРИКАЗ

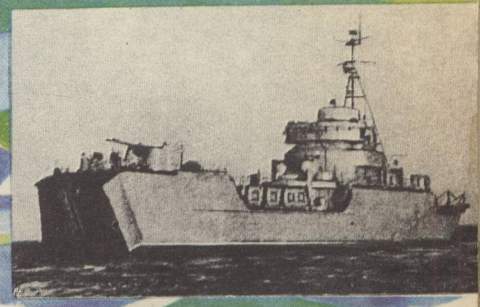
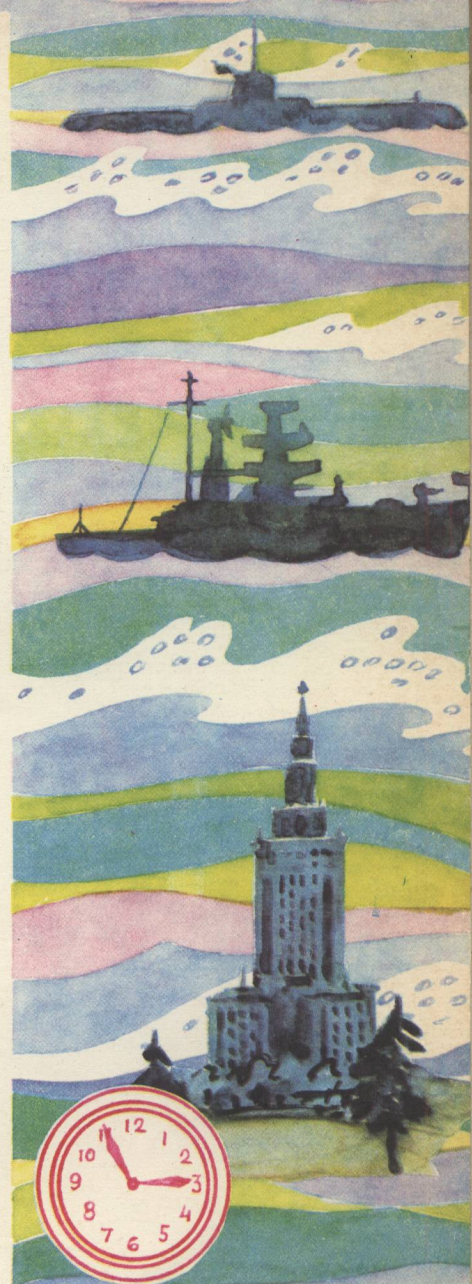
№ 6

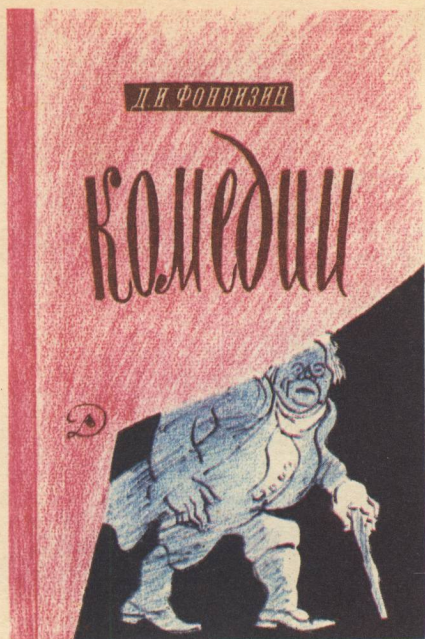
Находясь в кругосветном плавании по 40-й параллели южной широты, всем экипажам выполнить состязательную стрельбу «Альтаир», доложив штабу:

1. В какое созвездие входит звезда «Альтаир».
2. На много ли отличается время в Бомбее от московского времени.
3. При пересечении демаркационной линии времени на всех кораблях изменится счет календарных дат. Где проходит эта линия и как меняется дата.

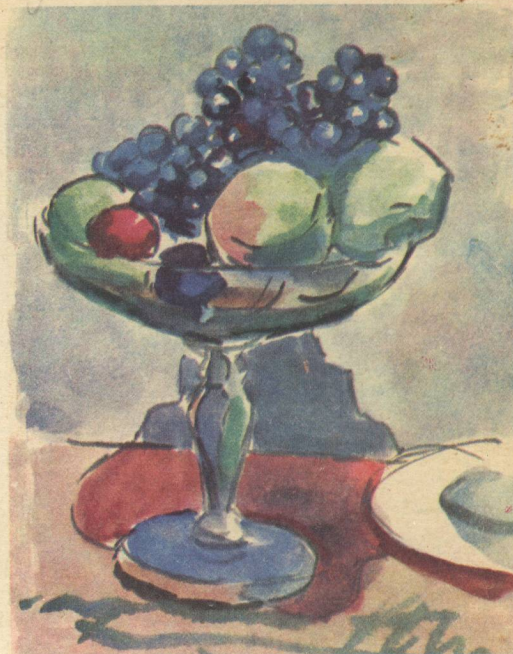
«Океан-2». В пресс-группе

Для тех, кто строит модель, сообщаем, что срок присылки моделей — **31 октября 1971 года**. . . Спешите, друзья!

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

Николай Евгеньевич Муратов не расстается со своим альбомом набросков — основой будущих рисунков. Он не устает подмечать самое характерное, самое главное. Поэтому и вам, и, наверное, вашим родителям — читателям довоенного «Костра» запомнились его смешные, острые, а подчас и гневные, и всегда правдивые рисунки, иллюстрации, шаржи.

